

СИМОНА ЭЛЬКЕЛЕС

Chain Reaction
Цепная Реакция

Как и его братья, Луис Фуэнтес любит рисковать; неважно, карабкается ли он по горам, или мечтает о будущем астронавта, он всегда готов к новым приключениям. Никки Круз живет по своим собственным правилам: 1) не верить парням, которые говорят «Я тебя люблю», потому что они врут, чтобы получить то, что хотят, 2) и никогда не встречаться с парнем, который живет в южной части Фейрфилд. Но она встречает Луиса на свадьбе его брата Алекса, и, внезапно, ей хочется нарушить все свои правила. Главной целью для Луиса становится заставить Никки дать ему шанс, но в то же время его начинает преследовать главарь банды, которая когда-то чуть не разрушила жизнь его брата. Хватит ли тех чувств, которые Луис испытывает к Никки, чтобы помочь ему избежать вступления в темный и жестокий мир, что может оказаться его последним рискованным делом?

- -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
 -
-
-

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим Вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Симона Элькелес

Цепная реакция

Идеальная химия — 3

Оригинальное название : *Simone Elkeles «Chain Reaction» 2011*

Симона Элькелес «Идеальная химия» 2011

Перевод : *JennyMH, Albina1992, Xeqtr, Mantrik, Nymphadora, Kamila3012, MeRain, Parara99, Tori12, Monica, Nynaeeve, NikitaM*

Редакторы и оформители: *Aileen , Marochka*

Переведено специально для групп:

и

Любое копирование без ссылки

на переводчиков, редакторов и группы

строго ЗАПРЕЩЕНО !

Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Аннотация

Как и его братья, Луис Фуэнтес любит рисковать; неважно, карабкается ли он по горам, или мечтает о будущем астронавта, он всегда готов к новым приключениям.

Никки Круз живет по своим собственным правилам:

1) не верить парням, которые говорят «Я тебя люблю», потому что они врут, чтобы

получить то, что хотят,

2) и никогда не встречаться с парнем, который живет в южной части Фейрфилд.

Но она встречает Луиса на свадьбе его брата Алекса, и, внезапно, ей хочется нарушить все свои правила.

Главной целью для Луиса становится заставить Никки дать ему шанс, но в то же время его начинает преследовать главарь банды, которая когда-то чуть не разрушила жизнь его брата.

Хватит ли тех чувств, которые Луис испытывает к Никки, чтобы помочь ему избежать вступления в темный и жестокий мир, что может оказаться его последним рискованным делом?

Симона Элькелес

Цепная реакция

Идеальная химия — 3

Глава 1

Луис

В том, чтобы быть самым младшим из трёх братьев, определённо есть свои преимущества. Я видел, как мои братья, учась в старшей школе, попадали в серьёзные неприятности. Все надеялись, что я не повторю их ошибок. Я получал только пятёрки, никогда не дрался и с одиннадцати лет знал, кем стану, когда вырасту. В моей семье я всегда был «хорошим мальчиком», тем, кто никогда не облажается.

Мои друзья знают, что я склонен к сумосбродности и бунтарству, но моя семья нет. Я ничего с этим не могу поделать, я Фуэнтес, и мятежность глубоко укоренилась в моих генах. Парень, которого видит моя семья снаружи это не обязательно то, что у меня внутри, и я намерен сохранить этот секрет. Я поклялся никогда не отклоняться от моей конечной цели — пойти в колледж и изучать авиацию, но, время от времени, я делаю что-то рискованное, и это подпитывает мою постоянную жажду адреналина.

Я и еще четверо моих друзей стоим у подножия скалы в Боулдер-Каньон. Джек Рейерсон принес снаряжение для скалолазания, но я не собираюсь надевать страховку. Я хватаю один из канатов и прикрепляю его к карабину на моем поясе, когда заберусь на вершину, я закреплю его там для остальной группы.

— Луис, лезть без страховки опасно, — ворчит Брук. — Но ты ведь знаешь это, так?

— Ага, — говорю я.

Я начинаю взбираться, выбирая свой путь к вершине скалы. Это не первое моё восхождение в одиночку в каньоне Болдер, плюс, я достаточно натренирован, чтобы понимать, что делаю. Это не значит, что риск отсутствует, это лишь значит, что он просчитан.

Я лезу всё выше, а Джейми Блумфилд кричит откуда-то снизу:

— Ты псих Луис! Ты же разобьёшься, если свалишься!

— Хочу, чтобы все знали, — говорит Джек. — Я не буду нести ответственность за твои сломанные кости. Нужно было заставить тебя подписать отказ от претензий.

Джек сын юриста, поэтому у него есть дурацкая привычка оповещать нас, что он не несёт ответственности практически за всё, что мы делаем.

Я не говорю им, что восхождение без страховки наполняет мое тело адреналином. На самом деле, это даже заставляет меня хотеть сделать что-то посерьезнее и более рискованное. В Вейле на зимних каникулах в прошлом году Джейми назвала меня искателем острых ощущений, после того как я спустился на сноуборде вниз по склону, отмеченному черным алмазом. Я не сказал ей, что получал те же ощущения, когда зажимался с девушкой, которую встретил в холле отеля той ночью. Интересно, попадает ли это в одну и ту же категорию?

Я уже на полпути к вершине, хватаюсь рукой за выступ повыше, ногу ставлю в небольшую расщелину. Здесь достаточно высоко, и когда я смотрю вниз, понимаю, что может произойти, если я потеряю хватку.

— Не смотри вниз! — говорит Джек в панике. — У тебя закружится голова, и ты упадешь.

— И умрешь! — добавляет Джейми.

Dios mío[1]. Моим друзьям явно нужно остыть. Они белые и росли не в мексиканской семье среди пацанов, которые не знают жизни без риска. Даже несмотря на то, что я единственный из братьев Фуэнтес, кто достаточно умён, чтобы не рисковать, я чувствую себя по-настоящему живым, только когда делаю это. Вершина находится всего лишь в нескольких футах от меня. Я останавливаюсь и вглядываюсь в пейзаж с высоты птичьего полета.

Это чертовски восхитительно. Я жил в Иллинойсе, где все абсолютно плоское, за исключением небоскребов. Вид Колорадских гор заставляет меня ценить природу. Ветер дует в спину, солнце свет на небе, и я чувствую себя непобедимым.

Примерно в десяти футах от вершины протягиваю левую руку и хватаюсь за трещину в скале. Я почти у цели. Прощупываю скалу в поисках места, куда можно поставить ногу, и чувствую, как что-то острое вонзается в руку.

Вот чёрт. Это не хорошо.

Меня только что кто-то укусил.

Как можно быстрее, я переносу вес на обе ноги, инстинктивно отдёргиваю руку и смотрю на неё. На тыльной стороне ладони я замечаю две маленькие отметины, из которых идёт кровь.

— Луис, если ты не перестанешь чесать себя за яйца, мы и до заката не доберёмся до вершины! — кричит снизу Эли Мовитц.

— Ребята, я, конечно, не хотел бы сообщать вам эти новости, — кричу я вниз, в то время как надо мной высовывается змеиная голова, а затем снова забирается в укрытие, — но меня только что укусила змея.

Я не успел толком рассмотреть эту дрянь, так что понятия не имею, ядовитая она или нет. Я смотрю на друзей и тут же чувствую головокружение. Это в мои планы не входило. Моё сердце начинает колотиться, и я закрываю глаза, чтобы утихомирить пляску.

— Вот дерьмо, чувак! — кричит мне Эли, — Это была гремучая змея?

— Я не знаю.

— Как она выглядела? — выкрикивает Джейми, — На ней были полоски?

— Я видел только её голову и не собираюсь возвращаться назад, чтобы рассмотреть её, — говорю я ей, размышляя о том, следует ли мне спуститься или продолжить взбираться последние десять футов, но чуть в сторону.

У меня математический склад ума, поэтому я сразу же начинаю прикидывать свои шансы на благополучный исход. Я чувствую жуткое жжение в руке, но, к счастью, могу ей шевелить. Безусловно, если бы в моей руке было много яда, я прямо сейчас бы почувствовал онемение.

— Я знал, что Луиса нельзя было отпускать одного, — слышится снизу голос Джека, — Я знал это! Но меня как всегда никто не послушал, а теперь он торчит там, пока яд, вероятно, распространяется по его телу.

— Мать твою, Джек, лучше заткнись! — кричу я, — у змей нет грёбанных ног, и откуда я должен был знать, что за десять футов до вершины я встречу с одной из этих тварей?!

— Как ты себя чувствуешь? Всё нормально? — спрашивает Брук.

— Меня просто укусила змея, Брук, — говорю я. Возможно, мне просто кажется, но я чувствую, что моя рука начинает неметь, — Конечно, я не чувствую себя нормально.

— Нам нужно найти лесовика с противоядием! — говорит Джек остальным. Но чтобы найти его, нужно ехать на машине. Ни у кого из нас нет водительских прав, поэтому нам крышка. Хотя

на самом деле, я единственный, кто влип.

Со всеми этими разговорами о противоядии и гремучих змеях, я не могу сосредоточиться и теряю равновесие.

Моя нога соскальзывает. Неповрежденная ладонь начинает потеть и, внезапно, я теряю хватку. Я скольжу вниз по склону и слышу крики друзей, в то время как я пытаюсь нащупать опору. Но всё бесполезно.

Всё, о чем я могу думать перед тем как упасть, это то, что я еще не готов умереть.

Глава 2

Никки

— Я люблю тебя, Марко.

Я сказала это. Но не могла смотреть в глубокие темные глаза моего парня, пока слова слетали с моих губ, потому что не была в этот момент до конца честна с ним. Мне показалось, что начать разговор с «я тебя люблю» будет проще, чем с «возможно, я беременна». Было подло говорить ему эти слова и не смотреть в глаза, но эти три слова должны стать началом. Я чувствую себя такой уязвимой, как никогда раньше.

Уязвимость это плохо.

Я медленно выдыхаю и собираю все свое мужество, чтобы взглянуть на парня, с кем я встречаюсь уже год. Мы потеряли девственность месяц назад друг с другом, когда его родители уезжали в Мексику навестить бабушку. Я не могу даже думать об этом сейчас, так как сосредоточена на нем.

Ладно, я сказала, что люблю тебя. Теперь твоя очередь говорить это, как тогда, когда ты прошептал мне это на ухо в первый раз, когда мы занимались любовью. Потом я скажу тебе, что у меня задержка, и я волнуюсь. А ты ответишь, что все будет хорошо, и мы справимся с этим вместе.

Он улыбается. Ну, или что-то вроде. Уголки его рта ползут вверх, как будто его что-то забавляет. Но мне не до шуток. Я пришла, чтобы заручиться его привязанностью и поддержкой — характеристиками, которые помогут мне поделиться своим секретом. Я смотрю на озеро Мичиган, жалея, что мы снаружи и надеясь, что никто из нашей школы не объявится здесь откуда ни возьмись. Я обхватываю себя руками. В Иллинойсе все еще прохладно и ветер с озера заставляет меня дрожать. Или, может быть, это мои нервы.

— Тебе не обязательно отвечать мне тем же, — говорю я, чтобы заполнить молчание, но это полная ложь. Я ожидаю от Марко этих же слов. Мне не хочется слышать их только в особых случаях, или когда мы занимаемся любовью.

В первый раз он сказал это в сентябре после танцев, когда мы возвращались домой. Затем на Новый год, И День Святого Валентина. И мой день рождения. Множество ночей я пролежала в постели, думая о том, что наша любовь продлится вечно.

У нас немного друзей, потому что мы живем по разные стороны Фэйрфилд, но это никогда не имело значения. У нас все работало. После школы мы обычно шли в мой дом и просто... были друг с другом.

И теперь у нас, возможно, быть будет ребенок. Как он воспримет эти новости?

Сегодня последний день учебного года перед летними каникулами. Марко предложил пойти на пляж после школы, когда я сказала, что нам необходимо поговорить. На самом деле, это имеет смысл. Пляж — наше особенное место.

Наш первый поцелуй был на пляже прошлым летом. Он попросил меня стать его девушкой там на вторую неделю после начала учебного года. Мы делали снежных ангелов на этом же пляже в январе, когда выпал снег. Мы приезжали сюда, чтобы делиться своими тайнами, однажды он рассказал мне, где члены банды прятали оружие, чтобы полиция не поймала их.

Марко всегда знал ребят, которые имеют с этим дело.

Он отходит от меня, и я сразу чувствую мурашки на коже, как будто мое тело знает, что тут происходит что-то еще помимо ветра, дующего с озера. Он запускает пальцы в волосы. Потом вздыхает. Дважды.

— Думаю, мы должны встречаться с другими людьми, — бормочет он.

Я склоняю голову в сторону. Очевидно, я не так его поняла.

Есть несколько фраз, которые девушка ожидает услышать, после признания в любви своему парню. Я могу взять их из головы прямо сейчас, но не думаю, что «встречаться с другими» это одна из них.

Я поражена. И не могу унять дрожь, когда думаю о беременности без него, улыбке и словах «все будет хорошо».

— П-п-почему?

— Ты всегда говорила, что никогда не будешь встречаться с членом банды, и я собираюсь вступить.

— Конечно, я не буду встречаться с членом банды, — выпаливаю я. — Всего два дня назад ты говорил мне, что никогда не вступишь в банду, Марко. Это было прямо перед тем, как мы занимались любовью. Помнишь?

Он вздрагивает.

— Я сказал много вещей, которые не следовало бы говорить. И не мола бы ты, пожалуйста, не называть это занятием любовью... когда ты так говоришь, я чувствую себя дерьмом.

— А как мне это называть?

— Секс.

— Просто секс, да?

Он закатывает глаза, и я клянусь, что мой желудок дергается в ответ.

— Видишь, ты снова это делаешь — намеренно заставляешь меня чувствовать себя дерьмом.

— Я не специально это делаю.

Он открывает рот чтобы что-то сказать, но не найдя слов, закрывает его. Я смотрю на его лицо в надежде, что он скажет: «Это просто шутка! Конечно, я буду с тобой, а не с Кровавыми Латино», но он этого не делает. Я чувствую так, как будто мое сердце разрывают на куски.

— Мы просто... разные.

— Нет, неправда. Мы идеально подходим друг другу. Мы ходим в одну школы, нам хорошо вместе... ты и я мексиканцы.

Он смеется.

— Ты и слова на испанском не знаешь, Никки. Мои родители и друзья обсуждают тебя, когда ты находишься рядом в комнате, а ты и бровью не ведешь. Ты не настоящая мексиканка.

Он что, издевается надо мной?

Мои родители родились в Мексике, как и остальные наши предки. Никто и ни за что не перепутал бы их с кем-то еще. Испанский их родной язык. Родители переехали в Соединенные Штаты после свадьбы. После этого, отец пошел в медицинскую школу и обустроился в Чикаго.

— Банда не делает тебя еще большим мексиканцем, Марко. Не ставь банду превыше наших отношений.

Он поднимает песок носком ботинка.

— No hablas pinche español[2].

— Я не понимаю, что ты говоришь. Можешь перевести, пожалуйста?

Он поднимает руки в отчаянии.

— Вот об этом я говорю. И если быть честным, я уже зависаю с Кровавыми некоторое

время.

Как он может говорить такое? Я кладу руки на живот в слабой попытке защитить ребенка, который, возможно, растет внутри меня. Не могу сдерживать слез, наворачивающихся на глаза. Знаю, что выгляжу отчаянной и жалкой, когда струйки слез бегут по моим щекам. Все, что у нас было с Марко, рассыпается прямо перед глазами. Я чувствую себя такой одинокой, как никогда в жизни.

— Я не могу в это поверить, — говорю я почти шепотом.

Может рассказать ему мой секрет. Возможно, это заставит его передумать, зная, что у нас может появиться ребенок. Но если я не беременна, то просто оттягиваю неизбежное?

— Я просто не хочу, чтобы ты постоянно пилила меня из-за Кровавых, — выпаливает он. — Все мои друзья уже присоединились.

Я смотрю на свои ногти. Прошлой ночью нарисовала их и сделала дизайн в виде сердца на каждом ногте. На больших пальцах, внутри сердец, поставила инициалы МД — Марко Дельгадо. Думала, что он будет польщен. Очевидно, я сбрендила. Я быстро скрываю пальцы в кулаках.

— Мне очень жаль, — говорит он, потирая мое плечо, как родитель, утешающий ребенка. — Не плачь. Мы можем, ты знаешь, быть друзьями... друзьями с привилегиями, даже.

— Я не хочу быть другом с привилегиями, Марко. Я хочу быть твоей девушкой.

Все содержимое моего обеда грозит выйти наружу.

Что такого дает ему банда, чего не могу дать я? Он молчит и снова пинает песок ногами.

Мои руки безвольно опускаются, когда осознаю, что не в силах это исправить. Он смотрит на меня по-другому, как будто я просто одна из девчонок в школе, а не девушка его мечты или будущая мать его детей.

Он вытаскивает мобильный из кармана и смотрит на время.

— Эм... сегодня вечером...

— Вечеринка в честь конца учебного года в Мэлнатти? — это «официально неофициальная» пицца пати для студентов Фейрфилд. Они установили большую палатку, на улице у их ресторана, с ди-джейем и кучей пиццы. После этого, большинство студентов останутся тусоваться на футбольном поле Фейрфилда, пока не приедет полиция ни не разгонит всех.

— Да, — говорит он. — Так что, если знаешь кого, кто заинтересован, дай мне знать.

— Ты продаешь наркотики? — я спрашиваю его.

Он пожимает плечами.

— Это деньги.

— Это грязные деньги, Марко. И незаконные. Не делай этого. Тебя могут арестовать и посадить в тюрьму.

— Я не нуждаюсь в гребаной лекции от тебя.

Он снова проверяет свой телефон. Он ждет звонка или сообщение от кого-то? Я чувствую, что я уже потеряла все, что когда-либо было между нами.

Слезы тихо бегут по моим щекам — явный признак того, что я совершенно, определенно не в порядке, но его это, кажется, не заботит. Я с силой вытираю их и проклинаю себя за слабость. Мне по силам справиться с этим. Я — независимая девушка, которая и без парня выяснит, как поступить. Очевидно, это моя проблема, и только моя. Если я беременна, то он поймет это, когда увидит мой живот, раздувшийся словно воздушный шар. Он поймет, что это его ребенок. Если он захочет признать нас и впустить в свою жизнь, тогда и поговорим.

Я смотрю на Марко и слегка улыбаюсь.

— Я не хочу контролировать тебя. Никогда не хотела быть той, которая удерживала бы тебя.

— Но ты так и делала... и до сих пор продолжаешь делать. Я так больше не могу!

Думаю, на самом деле, я зависима. У нас были отношения, и мне это нравилось. Не могу

поверить в то, что больше не нужна ему. Это просто бессмысленно.

Ему приходит сообщение, но я не вижу от кого. Он что-то отвечает.

— Сможешь сама добраться до дома? — спрашивает он. Его пальцы двигаются быстро и яростно, печатая сообщение в телефоне.

— Я думаю, да.

— Круто. — Он наклоняется и целует меня в щеку. — Мои друзья думали, что ты придешь в бешенство. Ударишь меня или что-то в этом роде.

А это неплохая идея. Но нет, я не смогу его ударить. Прежде чем я успеваю открыть рот и попросить его вернуться ко мне, потеряв при этом всякое достоинство, он разворачивается, чтобы уйти. И он уходит. С глаз долой, но определенно не из сердца.

Он променял меня на банду.

Мое дыхание становится прерывистым. Я смотрю на озеро, испытывая желание окунуться в него, и притвориться будто бы ничего не было. Отчаяние накрывает меня, как волны берег, и я начинаю неудержимо трястись. Мои колени опускаются на песок, и горячие слезы вновь текут из глаз. На этот раз даю им волю. Я кричу и плачу, когда вспоминаю каждый момент, что мы провели с Марко и молюсь, чтобы это была обычная задержка, а не беременность.

Забеременеть в пятнадцать лет не входило в мои планы.

Глава 3

Луис

Думаю, что мой секрет раскрыт. Если бы не та дурацкая змея, я бы не упал со скалы, и моя мама не сидела бы сейчас в больничной палате и не кидала мне взгляды, типа «У тебя огромные неприятности».

Оказалось, что в укусе змеи не было яда, один из ее клыков просто проткнул нерв в моей руке, поэтому я чувствовал онемение. После моего падения, Брук в панике позвонила своему отцу. Он приехал и отвез меня в больницу. Пережить укус змеи было достаточно легко. А вот слушать нескончаемую лекцию от мамы было просто пыткой.

Я сильно поцарапал ноги о камни во время падения. Я должен радоваться, что смог схватиться за выступ своей не поврежденной рукой, хоть и содрал в процессе себе кожу от ладони до запястья, что аж практически зашивать пришлось. В итоге, доктор сказал, что порезы не такие уж и глубокие, швы накладывать не нужно, и просто попросил медсестру их забинтовать.

Мама скрещивает руки на груди, наблюдая, как я пытаюсь принять удобное положение на больничной кровати.

— Ты меня до смерти напугал, Луис. Кто сказал тебе лезть на гору без страховочного каната?

— Никто.

— Это было глупо, — говорит она мне, озвучивая очевидное, пока смотрит, как медсестра забинтовывает мою руку.

— Я знаю.

Я смотрю на своего брата Алекса, облокотившегося на подоконник. Он качает головой, размышляя, скорее всего, о том, и как это ему достались два младших брата, у которых, наверное, в роду написано попадать в глупые и опасные ситуации. Папа умер до того, как я родился, поэтому Алекс был старшим мужчиной в семье, с тех пор, как ему было шесть. Теперь ему двадцать два.

Нужно отдать Алексу должное. Он всегда пытался оградить нас от неприятностей. Карлос с самого начала был сорви-голова. Мама говорила, что он родился крича и брыкаясь, и не перестал это делать до подросткового возраста. Затем, вся эта энергия была переправлена на драки с теми,

кто был достаточно глуп, чтобы его разозлить.

Алексу было двадцать, когда мама отправила Карлоса к нему на перевоспитание.

Теперь Карлос в армии, а Алекс собирается жениться на Бриттани Эллис, девчонке, с которой он встречается со старшей школы.

Медсестра заглядывает в палату.

— Миссис Фуэнтес, нам нужно, чтобы вы подписали несколько бумаг.

Как только мама выходит за дверь, Алекс подходит ко мне.

— Тебе крупно повезло, идиота ты кусок, — говорит он. — Если я еще раз узнаю, что ты это делаешь, я лично надеру тебе задницу. Понял?

— Алекс, это была не моя вина.

— О, Черт, — говорит он, закрывая ладонью глаза, как будто у него ужасно болит голова. — Ты звучишь, как Карлос.

— Я не Карлос, — отвечаю я.

— Вот и не веди себя, как он. Я женюсь через две недели. Две недели, Луис. Последнее, что мне сейчас нужно, так это, чтобы один из моих братьев сорвался с гребаной скалы и разбился насмерть.

— Технически, это не было скалой, — говорю я ему. — И шансы того, что при подъеме меня укусит змея были...

— Я тебя прошу, — говорит он, прерывая меня. — Мне не нужна статистика. Мне нужен мой брат на свадьбе.

В дверях появляются пятеро девчонок, включая Брук, Джейми и еще троих их подруг. Они все держат в руках шарики, на которых написано «Поправляйся поскорее». Я издаю смешок, когда мой брат смотрит в шоке на этот парад девчонок, которые начинают привязывать шарики к моей кровати.

— Как ты себя чувствуешь, — спрашивает Брук.

— Хреново, — отвечаю я, поднимая обе забинтованные руки — одну с укусом змеи, а вторую, разодранную камнями при падении.

— Мы пришли подбодрить тебя, — говорит Джейми.

Я широко улыбаюсь и уже чувствую себя лучше. Теперь, когда я знаю, что не умру, все хорошо. — И что вы планируете?

Я думаю, что слышу, как Алекс хмыкает, отходя в сторону, и девчонки окружают мою кровать.

— Хочешь массаж спины? — спрашивает игривым голосом Анжелика Муньоз.

— Я принесла печенье из пекарни в Перл Стрит Молл, — говорит Брук. — Я могу тебя покормить, раз ты не можешь использовать свои руки.

— Вы, должно быть, шутите, — бубнит Алекс, стоя за ее спиной.

Анжелика садится позади меня и начинает массировать мне спину, пока Брук берет одно из шоколадных печений с шоколадной крошкой и подносит мне ко рту.

В палату заходит будущая жена моего брата, ее ботинки на высоких каблуках цокают по больничному полу, а светлые волосы собраны сзади в длинный хвост. Она кидает один взгляд на мою компанию и в замешательстве качает головой.

— Что тут происходит? — спрашивает она у Алекса.

— Не спрашивай, — отвечает он, подходя к ней.

— Алекс позвонил мне в панике и сказал, что с тобой что-то случилось, — говорит она мне.

Я снова поднимаю свои забинтованные руки.

— Да. Болит, как черт, но док сказал, что я выживу.

— Я вижу, — говорит она. — Но я не думаю, что ты будешь счастлив, после того, как твоя

мама зайдет сюда и обнаружит своего пятнадцатилетнего сына в окружении собственного гарема. Ты знаешь, какой строгой она бывает, Луис.

— Если она такая же, как моя мама, она взорвется, — говорит Анжелика мне, и поворачивается к остальным девчонкам: — Может, нам лучше уйти'.

Мы с Анжеликой, время от времени, неплохо зажигаем на вечеринках. Ее родители тоже мексиканцы, поэтому она понимает. Остальные не имеют понятия, какими бывают мексиканские матери.

Я говорю девчонкам, что напишу им сообщения, как только смогу, и они уходят до того, как в палату возвращается моя мама.

— Кто принес шарики? — спрашивает она. — Девочки, которых я только что видела в коридоре?

— Ага, — говорю я. — Это просто друзья со школы.

Нет надобности вдаваться в подробности о том, что так или иначе, я целовался, по крайней мере, с тремя из пяти. Это приведет к еще одной лекции, которую я пытаюсь избежать.

Полчаса спустя, док нас отпускает, дав маме все необходимые инструкции о том, как менять повязки на моих руках дома.

— Ты не неуязвим, — говорит мне Алекс, когда мама и Бриттани выходят из палаты. — Никто неуязвим. Запомни это.

— Я знаю.

Он тыкает меня пальцем в грудь и блокирует выход.

— Послушай меня, Луис, потому что я прекрасно знаю, что творилось у тебя в голове, когда ты решил полезть на скалу без страховочного каната. Тебе нравится то чувство, когда ты говоришь опасности «да пошла ты». У меня брат в армии, лучший друг в могиле уже больше четырех лет, и я не собираюсь сидеть в стороне, когда мой младший брат играет в прятки с опасностью.

— Ты слишком серьезно относишься к жизни, — говорю я, проходя мимо него. — Я уже не маленький, Алекс, мне почти шестнадцать. Видел ту девчонку, Брук, которая мне печенье принесла? Она тоже больше не невинна. Знаешь, откуда я это знаю?

Я не могу сдержать улыбку, когда Алекс закрывает руками уши.

— Не говорит мне, — отвечает он. — Ты слишком молод, брат. Я клянусь, если какая-нибудь девчонка забеременеет от тебя, у тебя будет что-то похуже забинтованных рук.

Глава 4

Никки

Не знаю, сколько прошло времени. Каждый раз, когда звонит мой мобильный, и я понимаю, что это не Марко, я не отвечаю на звонок. Каждый раз, получая сообщение от одного из друзей, я его игнорирую.

Не знаю, как долго проплакала на пляже, да это и неважно. Я прошу моего малыша придать мне сил, потому что чувствую себя такой слабой.

Пока не слышу знакомый голос.

— Ник!

Поднимаю голову. Это Кендалл. Кендалл моя лучшая подруга еще с дошкольных времен. Тогда нам нравилось надевать одинаковые платья и говорить всем, что мы близнецы, даже когда мисс Труди говорила, что ложь не соответствует «основным принципам» школы. В 4 года мы и понятия не имели об этих «принципах», но суровый голос мисс Труди говорил о том, что у нас неприятности.

Прежде чем я успеваю, что-либо сказать, она уже стоит на коленях около меня.

— Я слышала.

Наверное, она слышала о разрыве, но вряд ли имеет представление о возможной беременности. Закрываю лицо руками.

— Я не могу в это поверить.

— Я знаю. — Она садится рядом со мной.

— Он выбрал банду вместо меня. — Я смотрю на свою подругу, у которой светлые волосы и карие глаза — полная моя противоположность. — Он сказал, что я ненастоящая мексиканка.

Кендалл качает головой и фыркает.

— Он идиот.

Я шмыгаю носом и пытаюсь вытереть слезы с лица.

— Как ты узнала?

Она морщится.

— Я звонила тебе и писала сообщения, но ты не отвечала. Тогда я написала Марко и спросила где ты. Он сказал мне.

— Я призналась ему в любви. Но он сказал, что хочет встречаться с другими. Что уже присоединился к Кровавым и предложил быть друзьями. Друзьями с привилегиями, Кендалл. Ты можешь в это поверить? Как будто чувства можно выключить, как чертов кран.

Произнесенные на одном дыхании слова «друзья и привилегии» заставляют меня передернуться.

Кендалл вздыхает.

— Знаю, сейчас это кажется невозможным, но ты найдешь кого-нибудь еще.

— Я не смогу сделать это без него.

— Сделать что? — спрашивает она в замешательстве.

Я смотрю на нее, единственного человека, которому могу доверять больше, чем кому-либо.

— Я возможно... беременна.

Ее шокированный взгляд, смешанный с огромным сожалением заставляют вновь расплакаться.

Она обхватывает руками мое лицо, тем самым заставляя взглянуть на нее.

— Все будет хорошо, Никки. Я с тобой. Ты ведь знаешь это, правда? — Я киваю. Как бы мне хотелось услышала это от Марко.

— Как давно у тебя задержка? — спрашивает она.

— Полторы недели.

— Ты делала тест на беременность?

Я мотаю головой. Думала, что после разговора с Марко, мы вместе съездим в аптеку в другом городе, где нас никто не знает.

Кендалл заставляя меня подняться.

— Для начала я куплю тебе тест на беременность. Тогда и разберемся. Послушай, это случилось и ты не сможешь этого изменить. Давай выясним все наверняка. Договорились?

Правда в том, что я не знаю, хочу ли все знать наверняка. Счастье в неведении, верно?

Я не произношу ни слова, пока Кендалл отвозит меня в аптеку и обратно к ней домой. Я сижу на краешке ванны и нервно кусаю ногти, в то время как она читает инструкцию и вручает мне тест, на который нужно помочиться, чтобы выяснить жду ли я ребенка от Марко.

Смотрю на тест.

— Я не могу, — говорю я Кендалл. — Просто... надо увидеться с Марко еще раз. Я должна поговорить с ним лицом к лицу, прежде чем сделаю это. Он будет в Мэлнатти. Если получится увести его с вечеринки и поговорить, возможно мы сможем разобраться с этим.

— Я... Не думаю, что это хорошая идея.

— Мне надо встретиться с ним сегодня, Кендалл. — я смотрю на тест. — Я не могу сделать

это без него.

Знаю, звучит безнадежно. Я только хочу выяснить, что я могу сделать, чтобы изменить его мнение о Кровавых Латино... обо мне... и о торговле наркотиками.

Кендалл встает.

— Уверена, что хочешь поговорить с ним?

— Да. — Мне очень много нужно ему сказать, он застал меня врасплох, и я не смогла сделать это раньше. Если он узнает сколько, на самом деле, он для меня значит, то возможно передумает. Не могу представить девушку, которая любила бы его больше. Я кладу тест обратно в упаковку и заталкиваю ее в сумку.

— Давай, нужно тебя подготовить. — Мы идем в ее комнату, где она начинает пристально разглядывать вещи в шкафу, думая, что бы выбрать. — Думаю, что идти сейчас на встречу с Марко ужасная идея, но если ты так решила, то я не стану тебя останавливать. Для начала мне надо убедиться, что ты выглядишь горячо, и, что Марко наделает в штаны при одном взгляде на тебя.

В конечном итоге, Кендалл останавливает свой выбор на узких джинсах и дизайнерском топе, который ей отдала мама, после того как решила, что больше не нуждается в нем. На вечеринке, когда мы с Кендалл заходим под белый натянутый тент, я стараюсь глубоко дышать и держать голову прямо. Осматриваюсь. Кажется, будто вся школа решила здесь собраться, чтобы отпраздновать начало летних каникул.

Играет музыка.

Кто-то ест.

Кто-то танцует.

Оглядываюсь в поисках знакомого лица, которое заставляет мое сердце биться чаще каждый раз, когда смотрю на него.

И, наконец, я вижу его... зажимающегося с Марианой Кастило в дальнем углу. Она одна из крутых, симпатичных девушек Кровавых Латино, что заставляет остальных девчонок Фейрфилда сторониться ее. Он целует ее в привычной ему манере, которая мне так хорошо знакома. А его руки, которыми он касался моего обнаженного тела два дня назад, лежат на ее заднице.

Нет.

Я закрываю глаза, надеюсь, что картинка исчезнет, но этого не происходит.

Открываю глаза и замечаю, что большинство девяти и десятиклассников смотрит на меня. Я вижу жалостливые взгляды девушек с Северной стороны и наблюдаю за тем, как девушки с Южной стороны шепчутся и смеются. Они злорадствуют и радуются, что Марко бросил свою богатую девушку с северной стороны.

Я говорю Кендалл не идти за мной и поворачиваюсь, чтобы убежать. Я бегу не останавливаясь и уже через двадцать минут нахожусь дома. Поднимаюсь наверх и запираюсь в своей комнате, чувствую себя полной идиоткой.

Вытаскиваю тест из сумки и открываю его. Делаю медленный вдох. Вот он. Момент истины.

Я незаметно проскальзываю ванну, радуясь тому, что вся семья занята просмотром телевизора в гостиной.

Сделав все по инструкции, я держу полоску в руке и с нетерпением жду результатов.

Смотря в маленькое пластиковое окно, которое покажет мне мое будущее, я осознаю три важные вещи, которые открыл для меня Марко: парни будут лгать тебе в лицо лишь бы заняться с тобой сексом, нельзя верить парням, если они говорят: «я люблю тебя», и я никогда больше не буду встречаться с парнями с Южной стороны Фейрфилда.

Глава 5

Луис

Две недели спустя после моего знакомства со змеей, я в смокинге на свадьбе брата. Никогда не думал, что Алекс когда-нибудь женится. И никогда не думал, что вернусь в Иллинойс. На сей раз мы в деревне Уиннетка в съёмном доме на Шеридан Роуд. Отсюда меньше пятнадцати минут до южной части Фейрфилда, где мы раньше жили, а мир всё равно здесь кажется другим.

— *Estás nervioso*[3]?— спрашиваю я Алекса, наблюдая за его безуспешными попытками завязать бабочку.

— *Estoy bien*[4]. В отличие от этой дурацкой штуки. — Алекс фыркает, вытягивает завязки из под накрахмаленного воротничка и бросает бабочку на пол. Затем он проводит рукой по волосам, тяжело вздыхает и смотрит на меня. — А почему твоя не выглядит так, словно её завязывал ребёнок?

Перетерпев боль в руке, я лезу в задний карман брюк и достаю аккуратно сложенный листок бумаги.

— Я распечатал инструкцию из интернета, — гордо говорю я, демонстрируя её.

— Какой же ты ботан, Луис, — встревает в разговор Карлос. Он пересекает комнату и выхватывает бумагу из моих пальцев.

Карлос не стал заморачиваться и брать в аренду смокинг, он надел свою парадную армейскую форму. По тому, как он её носит и по его выправке, я понимаю, насколько он горд тем, что служит в армии, а не состоит в банде как раньше, когда он я и мама жили в Мексике.

— Вот, — Карлос поднимает бабочку и передаёт её Алексу вместе с инструкцией. — Не заставляй свою невесту ждать у алтаря. А то она решит бросить тебя и выйдет замуж за какого-нибудь белого мальчика — спеца по инвестициям.

— Пытаешься разозлить меня? — Алекс отталкивает Карлоса, пока тот смеётся, стоя у пластикового контейнера с аккуратно уложенной внутри бутоньеркой из красной розы.

— *Estoy tratando*[5]. — кивает Карлос. — У меня девять месяцев не было шанса поиздеваться над тобой. *No puedo parar*[6].

Я только собираюсь помочь Алексу завязать бабочку, как в комнату заходит мама.

— Что делаете, мальчики? — спрашивает она, как будто мы все еще ее маленькие чертята за проказой.

— Спорим, — серьезно отвечает Карлос.

— Сейчас не время.

Карлос целует её в щеку.

— Для спора всегда есть время, если ты Фуэнтес.

Мама долго смотрит на него, а потом возводит глаза к потолку.

— Господь, дай мне сил.

Она берёт бабочку Алекса и накидывает завязки ему на шею. Через тридцать секунд бабочка идеально завязана.

— Спасибо, мам, — говорит ей Алекс.

Закончив, она смотрит на Алекса и вдруг прячет лицо в ладонях.

— Мой старший *hijo*[7] женится. Твой отец так бы тобой гордился, Алехандро. Заканчиваешь колледж, а теперь ещё и женишься. Главное... не забывай откуда ты родом. *Me Entiendes*[8].

— Не забуду, — уверяет он ее.

Мама крепит бутоньерку на лацкан его пиджака, а затем отходит и смотрит на нас троих. Её руки сжаты на груди, а глаза влажны от слёз. — Мои мальчики выросли.

— Не плачь, мам, — просит Алекс.

— Я не плачу, — врёт она, а слеза тем временем скатывается вниз по щеке. Мама быстро её смахивает, резко выпрямляется и идёт к двери. — Карлос, Луис, соберите остальных друзей

жениха и скажите, пусть будут готовы.

Её взгляд падает на Алекса.

— Поторопись, Алехандро. Церемония вот-вот начнётся.

Она закрывает дверь и оставляет нас одних.

Я вижу, как Алекс подходит к окну и начинает разглядывать озеро Мичиган. Частный пляж заполнен стульями, а на них сидят гости, ожидающие жениха и невесту.

— Я не могу, — говорит он.

Я подхожу ближе, чтобы понять, шутит ли он.

Он не шутит.

Я глянул на часы, висящие на стене.

— Алекс, ты же понимаешь, что свадьба должна начаться через десять минут?

— Я разберусь, — говорит Карлос, перехватывая инициативу. Затем он хватается Алекса за плечи и спрашивает. — Ты изменил Бриттани?

Алекс отрицательно вертит головой.

— Ты любишь другую?

Опять отрицательно.

Карлос отодвигается от Алекса и скрещивает руки на груди.

— Тогда ты идёшь до конца. Я не для того проделал весь путь до Чикаго, чтобы ты всё отменил. И к тому же, ты любишь эту американку и обещал жениться на ней, после окончания колледжа. Дело закрыто. Назад пути нет.

— Что ты сделал, Алекс? — спрашиваю я, совершенно сбитый с толку.

Он тяжело вздыхает.

— Я ещё не сказал ей, что в конце лета мы возвращаемся обратно в Чикаго.

Наша семья живёт в Колорадо уже почти три года. Переезд обратно сюда дастся Бриттани очень нелегко.

— Что ты имеешь в виду, вы возвращаетесь в Чикаго?

— Долгая история. Родители Брит передают опеку над её сестрой Шелли штату Иллинойс. Ей уже двадцать один и теперь штат будет оплачивать её содержание. А это значит, что её заберут из «Солнечной долины» и перевезут сюда. Брит пока не знает об этом. А ещё она не знает, что я согласился продолжить обучение в Северо-Западном университете.

— И ты молчал обо всём этом? — говорит удивленный Карлос. — Блин, мужик, ты в жопе.

Алекс морщится и трёт рукой шею.

— Более того, она даже не знает, что я подавал документы в Северо-Западный. Бриттани думает, что после свадьбы мы останемся в Болдере.

Не секрет, что будущая жена брата не жаждет возвращения в Иллинойс. Я слышал, как она говорила, что боится вернуться туда, где Алекса избили и подстрелили, когда он решил выйти из банды Кровавых Латино. Он говорил ей, что всё кончено, банда распалась, а её новый лидер, Чи Сото, сидит в тюрьме. Мы все заверили Бриттани, что Алексу больше ничего не угрожает, но она нам не верит.

Алексу стоило больших трудов убедить Бриттани устроить свадьбу здесь. Мне кажется, единственной причиной, по которой она согласилась, это надежда, что её родители приедут-таки на церемонию, несмотря на ненависть к моему брату.

Они ненавидят его, потому что он мексиканец.

И он беден.

И он был в банде.

Три причины, и две из них останутся на всю жизнь, что делает брата неприемлемой парой для их дочери. Она ведь из богатой, белой и очень гордой семьи. Хотя, нужно отдать мистеру

Эллису должное, он пытался общаться с Алексом. Во время одного из визитов в Болдер, он пригласил Алекса поиграть в гольф. Не самая удачная идея. Мой брат и гольф просто не совместимы. Одного взгляда на его гангстерские татуировки хватит, чтобы понять это.

Родителей Бриттани пока нет. Но их ждут. Она очень надеется, что её отец с матерью будут здесь в такой важный для нее момент. Если этого не произойдет, то к алтарю ее поведет отец девушки Карлоса, доктор Уэстфорд. Так или иначе, у алтаря её будет ждать мой брат.

Алекс надевает свой чёрный пиджак и направляется к двери.

— Только пообещайте, что если сегодня вечером меня вышвырнут из номера, я смогу переночевать у кого-нибудь из вас.

— Прости, братан, — отвечает Карлос. — Я девять месяцев без Киары. В свой номер я пушу только её. К тому же, твоя девственная невеста не упустит случая по-настоящему скрепить ваше замужество.

Алекс закатывает глаза. Я уверен, что они скрепили их отношения уже очень давно. И я уверен, что Карлос знает об этом.

— Ты должен сказать ей, — говорю я. — До церемонии.

— На это нет времени, — с улыбкой встречает Карлос. — Ложь и обман — это отличное начало для брака. Ты идеальная модель для подражания, братан. Он хлопает Алекса по спине.

— Карлос, cállate[9]. Я скажу ей.

— До церемонии или после? — спрашиваю я.

Окна открыты и слышно, как на улице начинает играть арфа.

Мы смотрим друг на друга.

И знаем, что наша семья уже не будет прежней.

— Вот и всё, парни, — говорит Алекс и открывает дверь. Внезапно, он останавливается, опускает голову и зажмуривается. Едва слышно он шепчет: "Жаль, что Пако здесь нет".

Пако был лучшим другом Алекса. Они учились в выпускном классе, когда Пако погиб. Брат так и не смирился с этим.

— Мне тоже, — говорю я и перекрещиваюсь, вспоминая парня, к которому мы все относились как члену нашей семьи.

— И мне, — говорит Карлос. — Но он рядом. Он наблюдает за нами.

Алекс кивает и выпрямляется. Если бы не Пако, Алекса бы здесь не было. Он тоже лежал бы в гробу.

Братья думают, что я не знаю, как умер Пако. Его застрелил Гектор Мартинез, главарь Кровавых Латино. А ещё Гектор убил моего отца и стрелял в Алекса. Гектор был врагом. И моя жизнь была бы куда как сложнее, если бы этот враг был жив. Месть ему стала бы смыслом моего существования.

Отца убили, когда Алексу было шесть, а мама была беременна мной. В одиннадцать я узнал, кто это сделал. Я сдерживал свою жажду мести, но она кипела во мне до тех пор, пока смерть Гектора не принесла нашей семье покой.

Не могу даже думать о Гекторе Мартинезе без злости. Я делаю глубокий вдох и следую за Алексом и Карлосом к месту проведения церемонии. Мы и остальные стоим рядом со священником и на секунду забываем о прошлом.

— Алекс, монеты у тебя? — спрашивает Карлос.

По традиции жених дарит невесте тринадцать золотых монет, как символ его доверия и уверенности в ней. Эти монеты передавались у нас по наследству, что очень здорово, потому что достать их где-то ещё у брата не было никаких шансов. Конечно, они не стали устраивать свадьбу по мексикански, поскольку Бриттани не мексиканка, но решили добавить в церемонию несколько мексиканских традиций.

Алекс хлопает себя по карманам.

— Чёрт. Должно быть, я оставил их в номере.

— Сейчас принесу, — говорю я и убегаю обратно в дом.

— Быстрее, — кричат мне вслед Карлос с Алексом.

Я влетаю в номер, где одевался Алекс и понимаю, что тут кто-то есть. Возле окна стоит девушка примерно моего возраста. И едва увидев её, я тут же забываю, зачем пришёл. Она шикарна. Её медовая кожа контрастирует с белым платьем, тёмные волнистые волосы спускаются по спине, а лицом она похожа на ангела. Несомненно, она гостья на свадьбе, но я вижу её впервые, я бы такую не забыл.

Я лучезарно улыбаюсь.

— Hola! Yo soy Luis. Quieres charlar conmigo?[10]

Она ничего не отвечает.

Я показываю на дверь и говорю:

— La boda va a empezar.[11] — Она презрительно закатывает глаза, из чего следует вывод, что ей начхать.

— Чувак, говори по-английски, — говорит она. — Это тебе не Мексика.

Ого. Девчонка с характером.

— Извини, — отвечаю я. — Думал, что ты мексиканка.

— Я американка. Она зажимает микрофон ярко украшенного телефона и машет им передо мной. — И у меня тут разговор. Очень личный. Может, выйдешь?

Мой рот кривится в ухмылке. Да пусть хоть поклянётся, что она чистокровная американка, я всё равно поспорю на своё левое яичко, что в её жилах течёт немного мексиканской крови.

Я беру монеты и улыбаюсь ей.

— Сохрани мне танец, принцесса.

Девушка прекращает свой разговор и презрительно смотрит на меня.

— А, ты один из тех парней, которые мило улыбаются и флиртуют, чтобы заполучить девушку, а потом бросают беднягу, когда она меньше всего этого ожидает.

— Значит, ты обо мне слышала? — подмигиваю я ей. Девушка пренебрежительно фыркает и собирается выйти из комнаты. Я успеваю её остановить. — Я просто пошутил. Относись к жизни проще, принцесса.

Ангел вплотную приближается ко мне. Она пытается запугать меня, но я лишь завожусь ещё больше.

— Как ты смеешь, ничего не зная обо мне, указывать, как я должна относиться к жизни?

Обычно, я к зазнайкам не пристаю. Могу сказать по опыту, они создают больше проблем, чем ты согласен терпеть ради них. Хотя интерес разжигают изрядный. И тут я ничего не могу с собой поделат. Наверное, это в крови Фуэнтесов, обхаживать девчонок, которые совершенно не жаждут твоего внимания.

— Луис, ты задерживаешь церемонию, — доносится из коридора голос мамы. Войдя в комнату, она с удивлением замечает меня и ангела, стоящих настолько близко друг от друга, что ещё чуть-чуть и наши губы соприкоснутся.

— Что здесь происходит? — спрашивает мама таким тоном, словно мы тут уже собирались заняться делом, а она нас остановила.

— Да! Что здесь происходит? — спрашиваю я у девушки, целенаправленно переводя на неё стрелки.

Девушка показала мобильный.

— Я разговаривала по телефону, когда вошёл он и стал подкатывать ко мне.

— Это мой сын. А вы? — спрашивает мама, а её глаза сужаются в маленькие щелочки. Вот

чёрт. Теперь она в режиме допроса. А с моей мамой лучше не связываться, когда она хочет получить от тебя какую-либо информацию.

— Никки Круз, — гордо отвечает девушка. — Мой отец оперировал Алекса.

Американка. Ну да, конечно. Я был прав. В венах этого ангелочка течёт изрядное количество мексиканской крови. Когда несколько лет назад Алекса привезли в больницу, доктор Круз вытащил пулю из его плеча. С тех пор доктор поддерживает контакт с моим братом.

Мама кивает, а затем осматривает Никки — дочь хирурга — Круз с головы до пят.

— Свадьба вот-вот начнётся. Шевелись, Луис.

Прежде чем развернуться и выйти из комнаты, я решаю ещё раз по максимуму использовать своё латинское обаяние и подмигиваю Никки со своим самым самодовольным и самонадеянным видом.

Она показывают мне средний палец. Явное оскорбление, которое лишь забавляет меня.

Быстрее бы закончилась церемония. Никки Круз крепкий орешек, и так просто она не сдастся. Но, как и мои старшие братья, я не пасую перед трудностями. Уверен, к концу вечера я уже уговорю её стать моей новой подружкой. Ну, на то время, пока не вернусь обратно в Колорадо.

Глава 6

Никки

Я наблюдаю за тем, как Луис с высоко поднятой головой покидает комнату вслед за своей мамой. Я уже собиралась закончить разговор с Кендалл и повесить трубку, когда он вошел в комнату, и я замерла. На мгновение мне показалось, что это Марко. Они оба примерно одного роста, возраста и телосложения.

Когда Луис улыбнулся мне, я почувствовала вспышку притяжения, и вместе с ней меня переполнила паника. Я не могу никому больше позволить застать меня врасплох, такой парень, как Луис, так же опасен, как и Марко. Я могу сказать это по одной улыбке. Выглядит он безобидно, но я-то знаю правду. Он мог бы одурачить других девушек, но не меня.

Прошло уже две недели после разрыва с Марко, но боль все такая же сильная, как и в тот день, когда он бросил меня на пляже. Не хочу больше никогда в своей жизни чувствовать те отчаяние и опустошенность, которые были во мне в ту ночь. Если ненависть и стерженность защитят меня, я буду их использовать.

Высоко держа голову, я возвращаюсь на церемонию. Начинает играть музыка, и я быстро сажусь на свободное место между мамой и моим младшим братом Беном. Бен сутулится на стуле, раздосадованный тем, что родители не позволили ему играть на его портативном компьютере. Ему приходится сидеть здесь, на свадьбе, как и другим скучающим двенадцатилетним мальчикам.

Родители и Бен понятия не имеют, что мы с Марко расстались. И я не хочу говорить им об этом. Не хочу слышать упреки родителей и слова: «Мы же тебе говорили». Бону все равно, он едва ли два слова сказал Марко за то время, что мы с ним встречались.

Дай волю моим родителям, так они выдадут меня замуж за какого-нибудь хорошего мальчика с «отличными рекомендациями». Последнее, что мне сейчас нужно, так это чтобы мои родители подбирали мне парней, или, боже упаси, будущего мужа.

У Бена еще пока не было девушки. Он был избавлен от родительского контроля его личной жизни, потому что ее просто напросто не существует, за исключением принцессы Амотока из видеоигры. Стоит ли говорить, что она ненастоящая.

Я смотрю вперед, где вместе с остальными шаферами стоит Луис. Когда на секунду наши взгляды встречаются, он подмигивает и дарит мне сногшибательную улыбку. Я отвожу глаза, притворяясь заинтересованной вышивкой на краю моего платья, но чувствую, как тошнота

подступает к горлу.

За спиной слышу громкий шепот девушки.

— О Боже! Видишь горячего парня с «ежиком» на голове? О Боже, кто он? — Если она еще раз повторит «О Боже», я точно ее ударю.

— Это брат Алекса — Луис, — отвечает кто-то «О Боже» девушке.

— Кажется, он подмигнул мне, — слышу я ее визг.

Я не озвучиваю идею, посетившую мою голову, что его подмигивание предназначалось мне. Нужно заставить себя не обращать на него внимания и сосредоточиться на женихе и невесте. Мне просто хочется, чтобы не было так сложно на него смотреть, я и так прилагаю все возможные усилия для этого. Как я это ненавижу.

Церемония, как и на любой другой пляжной свадьбе, проходит на закате. Признаю, обстановка просто супер, но на данный момент пляж вызывает у меня отрицательные эмоции. Раньше я думала, что это было наше особенно место с Марко, но это не так. Находясь здесь и смотря на озеро Мичиган... невольно вспоминаю о нашем расставании.

Невеста, Бриттани, собирается идти по проходу к алтарю, но колеблется и с тревогой смотрит на вход, прежде чем взять руку пожилого человека, сопровождающего ее.

— Бедная девушка. Ее родители так и не появились, — шепчет мне мама.

— Почему? — спрашиваю я.

Мама пожимает плечами.

— Я не уверена. Я просто слышала, как это обсуждали подружки невесты перед началом церемонии.

Бриттани движется по проходу, кажется, будто она сошла прямо со страниц модного журнала невест. Жених, Алекс, не в силах оторвать от нее взгляд.

Как только священник открывает свой молитвенник, чтобы начать церемонию, я не сдерживаюсь и смотрю на Луиса. Он внимательно слушает священника, но внезапно взгляд его становится серьезным и озабоченным. Я задаюсь вопросом почему, пока не...

— Вы не можете пожениться, — громко перебивает Луис.

В толпе слышатся пораженные вздохи. Все в шоке. Это становится интересным.

Алекс закрывает глаза рукой.

— О нет, — говорит он Луису.

Луис выходит вперед.

— Я просто... Алекс, расскажи ей. Ты не можешь начать свой брак со лжи.

Бриттани закрывает рот, остававшийся распахнутым с тех пор, как заговорил Луис. Она поднимает вуаль и хмурит свои идеально выщипанные брови.

— Что ты мне должен рассказать? — она становится блее подвенечного платья, если такое вообще возможно. Надеюсь, священник или подружка невесты, которая, похоже, хочет убить Алекса, поймут ее, если она потеряет сознание.

— Ничего, — говорит Алекс. — Мы поговорим позже, chіca. Это неважно.

— Не chіca'й мне, Алекс, — огрызается невеста.

— Думаю, она собирается ему врезать, — весело бормочет Бэн.

Невеста не покупается на это. Может, они придут-таки к заключению, что «долго-и-счастливо» не существует.

— Это важно, раз твой брат решил остановить из-за этого свадьбу.

— Это какое-то сумасшествие, — ворчит Алекс. Он что-то тихо говорит своему шаферу, который, судя по его виду, наслаждается происходящим, вместо того, чтобы быть шокированным.

Я чувствую сестринскую солидарность с Бриттани, даже если она не знает об этом.

Сидящая в первом ряду мама Алекса смотрит себе под ноги, как будто наблюдать за

муравьями ее самое любимое занятие. Кажется, я только что видела, как она перекрестилась. Когда она снова поднимает глаза, она прямо-таки испепелят взглядом Алекса и Луиса.

Не имея другой возможности к побегу, разве что через толпу гостей или по воде озера Мичиган, Алекс говорит:

— Мы переезжаем сюда.

Бриттани несколько раз моргает и склоняет голову набок, как будто не расслышала его.

— Сюда? В Чикаго?

Все, о чем я могу думать, — это: «О, Алекс, какой же ты бестолковый!». Глядя на других гостей, наблюдающих за разворачивающейся драмой, я замечаю пару девочек, не слишком расстроившихся из-за происходящих событий. Думаю, они запали на Алекса и не будут разочарованы, если он вдруг окажется холостым. Уверенна, что «О Боже» девчонка позади меня свободна, хотя Алекс, вероятно, немного староват для нее.

Бриттани отступает подальше от Алекса.

— И ты мне ничего не сказал, потому что...

— Потому что ты была слишком занята приготовлениями к свадьбе, подготовкой к экзаменам и, если быть до конца откровенным, я не хотел, чтобы ты начала переживать по этому поводу.

— Так что же, мое мнение ничего не значит? А что насчет моей сестры? — Бриттани указывает на девушку в инвалидном кресле, рядом с подружкой невесты. — Я не оставлю ее в Колорадо.

— Возможно, вы сделаете паузу и обсудите это наедине? — В недоумении спрашивает священник.

— Нет, — резко отвечает Бриттани. — Я не хочу никуда идти с ним.

— Это ваша свадьба, — напоминает ей священник. — Ммм... — Он смотрит на свою Библию, как будто в ней есть ответы, которые помогут паре решить свои проблемы.

— Давай просто поженимся и обсудим это позже, — говорит ей Алекс. — Ты согласишься, когда выслушаешь меня.

— Мы должны быть командой и принимать решения вместе, Алекс. Ложь все меняет.

Да! Она наконец-то это поняла. Он соврал. Парни всегда врут. Я хочу закричать «Кинь его, пока можешь!», но сдерживаюсь.

— Я не врал, chica. Я просто отложил упоминание об этом. Это ничего не меняет.

Она скрещивает руки на груди.

— Может, для меня меняет.

— Давай уже поженимся, Бриттани, потому что ты знаешь, что это все равно случится. Шелли будет с нами, я обещаю. Все это именно для того, чтобы мы все смогли быть рядом.

Он сокращает дистанцию между ними. Не говоря больше ни слова, он притягивает ее к себе и целует... я думаю, что слышу восхищенные вздохи гостей. Никто не может оторвать глаз от этого чувствительного, полного страсти поцелуя.

«Не покупайся на это!» — хочу кричать я, но вижу, что это бесполезно. Ее букет падает на пол, и она обвивает шею Алекса руками.

Я оглядываюсь. Девчонка «О Боже» мечтательными глазами смотрит на происходящее. Остальные девчонки выглядят также. Могу только представить себе их разгулявшиеся фантазии, интересно, будет ли у них столько же химии с их парнями/мужьями. С этой мыслью я вновь смотрю на Луиса.

Он смотрит прямо на меня, и мое тело пронзает удар тока. Ну и что, если у нас есть химия? К сожалению, химия не может чудесным образом превратить плохих парней в хороших.

— Я зла на тебя за то, что ты скрыл от меня что-то настолько важное, — говорит Бриттани

Алексу, но ее убедительность совсем уже не та после поцелуя.

— Я знаю, — говорит Алекс. — Клянусь, у меня больше нет секретов.

— Но у меня есть, — отвечает она. — И раз мы раскрываем секреты — я должна раскрыть свой.

Она смотрит вниз на живот и кладет на него руку. Когда она смотрит на него, ее глаза блестят.

— Алекс, я беременна.

У меня в животе все переворачивается.

Глава 7

Луис

Прерывая свадебную церемонию, я не ожидал, что она превратится в семейный цирк Фуэнтесов. Я всего лишь хотел, чтобы Алекс всё рассказал Бриттани.

Я и понятия не имел, что моя будущая невестка беременна. Нужно было видеть мою мать, когда она это услышала. Её лицо стало прямо-таки пунцовым.

Но всё закончилось хорошо. Брит сказала «согласна», мой брат ответил тем же, она не швырнула в него монетами, и, в конце концов, Бриттани Эллис стала Бриттани Фуэнтес.

Правда, всё равно не верится, что старший брат станет отцом. И ему, похоже, тоже. Придя в себя после первоначального шока, он не перестает улыбаться, а один раз даже опустился на колени и поцеловал живот Бриттани через её свадебное платье.

Я стою и оглядываю залитый лунным светом зал. Все вокруг танцуют и веселятся.

Ко мне подходит мама, её щёки всё так же покрывает румянец. Правда, не ясно, то ли это от шокирующей новости, что она станет бабушкой, то ли всему виной мой двоюродный брат Джордж, который уговорил её выпить несколько стопок текилы, либо всё дело в осознании того факта, что один из её сыновей только что женился.

Я уже по два раза перетанцевал со всеми своими двоюродными сёстрами, а также с подругами Бриттани, которые пришли без пары. Одной из них я понравился настолько, что, пока мы танцевали, она несколько раз схватила меня за задницу. Кажется, она была однокурсницей Бриттани и, похоже, не знала, что мне пятнадцать, потому что спросила в каком студенческом братстве я состою.

Смотрю на Никки Круз, единственного человека, которому не весело.

Она сидит за одним из столиков в одиночестве. Клянусь, цыпочка выглядит так, как будто ей было бы приятнее сдавать выпускные экзамены, чем находится на этой свадьбе.

Я направляюсь в ее сторону.

— Ты могла бы хоть разок улыбнуться сегодня, — говорю я ей. — Это, знаешь ли, свадьба.

Вскинув голову, она смотрит на меня большими глазами, и я мог бы поклясться, что они сделаны из коричневого шелка. Уже стемнело, но огни гирлянд заставляют ее глаза сиять.

— Люди преувеличивают значение улыбок, — отвечает она.

— Откуда ты знаешь, если ты не пробовала это делать? — Я поддвигаю стул ближе к ней и усаживаюсь на него верхом. — Ну, давай же, рискни.

— Отвали!

Она полна горечи и всеми силами пытается стремно провести вечер.

Я кладу руки на спинку стула.

— Ты знаешь, что улыбаясь, ты снижаешь уровень гормонов стресса в организме, похоже на действие дофамина и эпинефрина? Серьезно, даже фальшивая улыбка помогает. Попробуй.

Она игнорирует меня, поэтому я закрываю руками рот и делаю то, чего не делал уже несколько лет, — звуки скотного двора. Я начинаю с имитации овцы, и заканчиваю внушительным мууууу. Девчонки просто балдели от этого, когда я был в пятом классе. Они

вились вокруг меня для развлечения, чего я тогда и хотел. Парней, которым нечем было их развлечь, часто игнорировали. А я отказывался быть изгоем.

Я до сих пор отказываюсь быть игнорируемым.

Смотрю на Никки, пока имитирую непристойные звуки, но она не реагирует на меня. Вообще.

Затем она оглядывает меня с ног до головы, как будто я инопланетное существо.

— Ты что, издеваешься?

— Абсолютно серьезен, принцесса. — Я поднимаюсь и протягиваю руку. — Потанцуй со мной.

Она смотрит на мои ссадины и царапины, и морщится.

— Что случилось с твоей рукой?

— Долгая история с участием меня и змеи. Змея победила.

Я вижу, что она мне не верит.

— Почему бы тебе не потанцевать вон с той девчонкой? — говорит она, указывая на девушку, которую мне представили как Иветт. Она одна из детей двоюродной тети Бриттани или что-то вроде того. У нее обесцвеченные волосы и не натуральный загар. Бриттани сказала мне, что в своей школе Иветт занимается плаванием, и она даже выиграла соревнование штата на двухярдовый заплыв свободным стилем в прошлом году. Классное тело, но она не в моем вкусе.

— Ты хочешь, чтобы я танцевал с кем-то, кроме тебя?

— Да, — отвечает она, задирая свой миленький носик вверх, как принцесса.

Я пожимаю плечами.

— Ну, как знаешь.

Пофиг. Если она так настроена, пусть так и будет, пусть сидит тут одна и страдает. Я смотрю на танцпол. Моя трехсотфунтовая тетя Розалита приглашающе машет мне рукой. Последний раз, когда я танцевал с ней, она наступила мне на ногу и чуть не размозжила кости.

Как только я собираюсь уйти и оставить Никки утопать в своем горе, Алекс хлопает меня по плечу. С ним рядом стоит доктор Круз — отец Никки.

— Алекс говорит мне, что ты после окончания школы планируешь подавать заявление в университет Пурдью для изучения авиационно-космической техники? — с легким акцентом спрашивает меня доктор Круз.

Я встаю.

— Планирую, сэр.

— Рад за тебя. Я очень уважаю то, что ты идешь по стопам братьев и усердно работаешь.

— Я тоже это уважаю, — говорит женщина, стоящая позади него, очевидно, мама Никки. — Это достойно восхищения. Парни, которые напористы и энергичны, безусловно, многого добьются в жизни.

Мне кажется, или я слышу, как Никки фыркнула, когда я получил поддержку ее родителей.

Доктор Круз гладит Никки по голове.

— Я вижу, ты уже познакомился с моей дочерью, Никки.

— Разумеется. Я пригласил ее потанцевать, но...

Доктор Круз буквально стаскивает свою дочь со стула.

— Потанцуй с Луисом.

— Я нехорошо себя чувствую, — бормочет она.

— Да ладно тебе, милая! Хотя бы попытайся повеселиться.

— Я не хочу веселиться или делать вид, что веселюсь, пап.

— Не будь грубиянкой, — упрекает ее мама, подталкивая ко мне. — Потанцуй с парнем.

Я предлагаю Никки взять меня под руку, но она направляет свое горячее

латиноамериканское тело прямиком на танцпол, не дожидаясь меня.

— Удачи! — кричит мне вслед Доктор Круз.

Играет быстрая музыка, и Никки начинает танцевать среди людей. Я наблюдаю за ней, а она делает вид, что расслабляется. Я знаю, что она притворяется, потому что она не улыбается... но при этом она не хмурится. Она просто... здесь.

Я стараюсь танцевать рядом с ней, наблюдая, как ее тело движется в такт музыке. Она неважный танцор... я бы сказал, прямо-таки ужасный. Она будто и не слышит музыку.

Она не замечает, что выглядит нелепо, когда дергает своим телом, как робот, по всему танцполу. Даже не смотрит на меня. Более того, она сейчас занята переходом от группы к группе танцующих, так, чтобы никто не смог предъявить на нее права в качестве партнера.

Пока не начинает играть медленная мелодия.

Никки внезапно останавливается. Я кладу руку ей на талию и мягко притягиваю к себе. Мы стоим лицом к лицу. Она смотрит на меня своими прекрасными глазами, ее длинные ресницы почти касаются бровей, я бы утонул в этих глазах, если бы она мне позволила. Невозможно не заметить, наэлектризованный воздух между нами. Если мы начнем встречаться, это будет взрывоопасно... в хорошем смысле. Она немного меня пугает, но это чертовски сексуально. А меня не так уж легко испугать.

— Hola, corazón,[12] — говорю я и смотрю на нее, приподняв бровь.

Я рассчитываю, что она улыбнется.

Или засмеется.

Но точно не ожидаю получить от нее коленом по яйцам и услышать:

— Да пошел ты!

Это именно то, что Никки Круз и делает.

Глава 8

Никки

Я не хотела этого делать.

Ладно, это не совсем правда. Я хотела пнуть его туда, где побольнее. Я просто не хотела делать это так сильно ... да еще и на глазах у всех, включая жениха и невесту. И моих родителей. И его маму. И всех, кто оказался на танцполе в этот момент.

Пока Луис держится за пах и морщится от боли, я ухожу и направляюсь в женский туалет. Можно даже сказать, спасаюсь бегством. Может быть, если я побыстрее убегу подальше, никто не узнает, что дочь доктора Круза повела себя как дура. Ни малейшего шанса, я знаю.

Я запираюсь в кабинке, и согласна остаться здесь навсегда, если это означает, что мне не придется иметь дело с остальным миром на какое-то время. Примерно через пять минут, притворяясь, что меня не существует, и представляя себя вымышленным персонажем из одной глупой видеоигры Бена, я решаю, что путь свободен ... пока не слышу клацанье женских каблучков и стук в дверь моей кабинки.

Тук, тук, тук.

— Никки, это твоя мама, — говорит она, постукивая пальцами по двери. — Открывай.

— А что, если я не хочу?

Она сильнее стучит в дверь.

Я медленно открываю дверь.

— Эй, — говорю я, выдавливая улыбку

— Не эй-кай мне, юная леди. Ты поставила меня и своего отца в неловкое положение.

— Прости,— мямлю я.

— Я не единственная, перед кем нужно извиняться. Что, во имя всего святого, на тебя нашло, Никки?

— Ничего. — Если я скажу ей, то она узнает о моей тайне. Я не могу сказать ей, не сейчас, когда я пытаюсь сообразить, что делать. — Я просто ... это был несчастный случай.

— Несчастный случай? — спрашивает мама, не веря ни одному моему слову. Она глубоко вздыхает. — Я не знаю, что с тобой происходит, но калечить людей и делать из себя и своей семьи посмешище... Это не оправдание.

Я это знаю. Но я не могла вынести того, как Лиус своими сильными руками обнимал меня за талию. Мне хотелось положить голову ему на грудь и сделать вид, что он мой рыцарь в сияющих доспехах, желающий отомстить за мою честь. Но это была лишь фантазия. Когда он говорил со мной по-испански, он сильно напомнил мне о Марко и о самой большой ошибке в моей жизни. У меня нет ни рыцаря, ни чести.

— Я полагаю, ты хочешь, чтобы я извинилась.

Она кивает.

— Да, хочу. Как можно скорее.

Я смотрю, как мама выходит из комнаты, оставив меня в покое. Это ее манера поведения, дать мне возможность принять собственное решение, как будто она не заставляет меня это сделать.

Я закрываю дверь и блаженно прислоняюсь затылком к двери кабинки.

Знаю, что веду себя глупо. Ведь необязательно все мексиканские парни должны походить на Марко, так же, как не все мексикано-американские девушки похожи на меня. На самом деле, большинство моих знакомых мексиканских девушек говорят на испанском и имеют по крайней мере несколько соседей мексиканцев. А вот я нет. Возможно, я слишком резка в своих суждениях насчет Луиса, но, с другой стороны, скорее всего я права в его отношении.

Я слышу, как открывается дверь и множество каблук, цокающих по полу туалета.

— О, Господи, я не могу поверить, что девушка, которая танцевала, как чокнутая, пнула Луиса, и оставила его на танцполе! — говорит одна из девушек.

Я не пинала его. Я ударила коленкой, но я не намерена прояснять ей каждую деталь. По крайней мере, не сейчас.

— Ты видела его губы? — говорит другая девчонка. — Ням.

Я закатываю глаза.

— Ага. Я сказала ему, что я помогу залечить его раны. Я встречаюсь с ним на пристани через пять минут. Я потом расскажу о том, насколько приятно целовать его губы на самом деле.

Они замолкают, поэтому я выглядываю в небольшое пространство между дверью и кабинкой. «О Боже» девушка приподнимает свою грудь так, что она вываливается из декольте ее платья подобно ягодицам. Она поворачивается к подруге.

— Как я выгляжу?

Я это воспринимаю как знак, чтобы выйти из кабинки, и выдать себя. Как только они понимают, что тут есть еще кто-то, помимо них, они смотрят на меня, потом друг на друга. Я делаю вид, что поправляю волосы и макияж в большом зеркале рядом с ними.

Я решаю вставить свои пять копеек. Не потому, что они напрасились на это, а потому, что это им жизненно необходимо.

— Остерегайтесь парней, которые выглядят, как Луис, — говорю я. — Такие парни используют вас, затем бросят, когда появится какая-нибудь другая.

«О Боже» девушка уперла руки в бока и осматривает меня с головы до ног.

— С чего ты взяла, что меня это вообще волнует?

— Я просто пытаюсь помочь. Ну, ты знаешь, женская солидарность и все такое.

— Женская солидарность? — говорит она с издевкой. — Я не солидарна с девушками, которые танцуют как припадочные. И я не ненавижу парней, в отличие от теб, что ты наглядно продемонстрировала.

Ее подруга начинает смеяться. «О Боже» девушка тоже присоединиться к ней. Они смеются надо мной, так же, как девушки в ночь вечеринки у Мальнатти, когда я увидела, как Марко целовался с Марианной Кастильо. Меня не должно это задевать, но задевает.

Я выхожу из дамской комнаты, оставив, «О Боже» девушку и ее подругу сплетничать одних.

У меня нет ненависти к парням. Я просто ... осторожна.

Мама останавливает меня, когда я прохожу мимо нее.

— Ты уже извинилась перед Луисом? — спрашивает она.

Я качаю головой.

— Я как раз собиралась, — торопливо говорю я, притворяясь, что высматриваю Луиса.

Я брожу туда-сюда по пляжу, не торопясь вернуться на вечеринку. Удар волн о берег и

свежий запах бриза возвращают меня в тот день, когда я сказала Марко, что люблю его ...

Ночь, когда я узнала, что беременна.

Я сделаю все, чтобы не видеть разочарование и ужас на лицах моих родителей, когда они узнают, что их пятнадцатилетняя дочь залетела от бывшего парня, который им никогда не нравился. В конечном счете я должна рассказать им правду: что я сделала тест на беременность, и он вышел положительным, но даже только от мысли об этом хочется плакать.

В то время как вечеринка по-прежнему в полном разгаре за полночь, я сижу на камне в дальней части пляжа и смотрю на бескрайнюю водную гладь. Я сижу в течение некоторого времени, прислушиваясь к тихой музыке, доносящейся со свадьбы. Время от времени я чувствую спазмы в желудке, который безумно болит, но боль потихоньку притупляется, когда я спокойно вдыхаю и выдыхаю, размеренно дыша.

Хватит хандрить, Никки. Поднимайся и иди дальше ... в прямом и переносном смысле, наставляет голос в моей голове.

Я встаю и направляюсь обратно на вечеринку. Пока я иду и размышляю о том, как я собираюсь набраться смелости, чтобы извиниться перед Луисом, а затем вернуться домой и вытерпеть страшный разговор с моими родителями, я наступаю на что-то мягкое. Я смотрю вниз и понимаю, что я просто споткнулась об одежду. Мужскую одежду ... а именно смокинг.

Я оглядываюсь по сторонам и вижу два силуэта целующиеся в воде.

Луиса и «О Боже» девушки. Ее раздражающий визг эхом разносится вокруг. Судя по всему, она с Луисом, потому что ... ну, после сегодняшнего вечера его образ запечатлился в моем сознании. Даже в темноте, я инстинктивно чувствую, что это он.

Я не могу поверить, что он может развлекаться с «О Боже» девушкой, зная, что это всего на одну ночь. Я понимаю, что я зла на Марко и вымещаю это на Луисе, но они слишком похожи.

Злые помыслы вертятся у меня в голове, хочется стащить его костюм, чтобы он остался без одежды. Мне не следует этого делать. С другой стороны...

Не раздумывая, из страха потерять самообладание, я хватаю смокинг Луиса, рубашку, брюки, боксеры, и обувь. Я вытаскиваю бумажник Луиса и оставляю его в песке. Нет никакого смысла в том, чтобы он подумал, что я украла у него бумажник, как ни крути.

Я бросаю одежду за валуном, и направляюсь обратно на празднование. Признаюсь, мне очень хочется увидеть его лицо, когда он начнет искать гольшом свои вещи. Я оставила их там, где он может легко их найти ... при свете дня. Ему придется бродить при лунном свете.

Да! Впервые за несколько недель я чувствую себя сильной.

— Эй, Ник, — говорит Бен. — Мама и Папа ищут тебя. Мы собираемся уходить.

Мама и Папа прощаются практически с каждым человеком на свадьбе. Я стою за ними и присоединяюсь к их любезностям без намека на то, что я только что спрятала одежду Луиса там, где он не сможет найти ее.

— Что ты делала на берегу? — спрашивает меня Бен, когда я сажусь в папину машину.

— Извинялась перед Луисом, — вру я. Очевидно, что я особо навредила его нижней части, если он забавляется спустя полчаса.

Папа выезжает со стоянки вниз по извилистой дорожке мимо здания, в котором проходит свадьба, а потом по узкой дороге, ведущей прочь от соседнего отеля, где гости, вероятно, проводят ночь сегодня. Бен сидит рядом со мной, играя в какое-то приложение на своем телефоне. Выглянув в окно, я вижу обнаженного Луиса, прикрывающего бумажником свой пах и пытающегося проскочить незаметно в отель. Он замирает, когда мы проезжаем мимо, вероятно, надеясь избежать быть замеченным. Но я замечаю его.

И он замечает меня.

С искренней улыбкой, которая давно не озаряла мое лицо, я опускаю окно со своей стороны

и слегка махаю ему.

Вместо того, чтобы смутиться, он отбрасывает бумажник и салютует мне одной рукой, а другой машет в ответ.

Это означает, что он полностью обнажен.

Не смотри никуда, Никки, кроме его лица. Что бы ты ни делала, не доставляй ему удовольствия, разглядывая его тело.

В итоге, Луис Фуэнтес все-таки берет верх над моей рассудительностью. Я не могу не посмотреть. Его тело подтянуто и более рельефно, чем у Марко, и вид его во всем великолепии явно демонстрирует их отличия.

— Я рада, что ты извинилась перед Луисом, — спокойно говорит мама, когда мы почти подъезжаем к дому.

— Да, — говорю я ей.

Единственная крупница радости исчезает, когда мой желудок в очередной раз сжимается. И еще раз. Чувствую надвигающуюся тошноту. У меня кружится голова, и я закрываю глаза, до тех пор пока папа не заезжает на нашу подъездную дорожку.

Когда мы подъезжаем к дому, мама поворачивается и хмурится.

— Не ставь нас в неловкое положение подобным образом снова. Ты не «мусор», так что не веди себя так.

Я хватаюсь за ручку и с облегчением выхожу из машины. Резкая боль в боку заставляет меня вздрогнуть.

— Я знаю, — произношу я сквозь стиснутые зубы.

— Ты ведь знаешь, как вести себя, как леди, — говорит Мама.

Мне просто нужно проблеваться, тогда со мной все будет в порядке. Бэн уже направляется в дом. Я не могу говорить, потому что я боюсь, что потеряю все содержимое моего желудка прямо здесь.

Мама разочарованно вздыхает.

— Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю, юная леди.

— Извини, мама, — я заставляю себя говорить. — Я просто... плохо себя чувствую.

Я иду наверх, но я останавливаюсь, когда мой желудок сжимается, и я падаю от боли. Я задерживаю дыхание, не в состоянии это выдержать. Кажется, как будто что-то режет меня изнутри.

— С тобой все в порядке? — спрашивает мама, когда подходит ко мне. — В чем дело, Никки?

— Я не знаю. — Я смотрю на нее и понимаю, что не могу больше лгать. Особенно, когда я чувствую, как что-то стекает по внутренней стороне моих бедер. Мое сердце колотится, и я чувствую слабость. Меня пронзает еще один мучительный спазм боли.

У меня подгибаются колени, и я сворачиваюсь калачиком в позе зародыша, я кричу что есть мочи, потому что это настолько больно.

— Рауль! — кричит мама.

Мой папа через мгновение оказывается на коленях рядом со мной.

— Никки, где болит? — спрашивает он как врач, но намек на панику заметен за его словами.

Он хирург, но я уверена, что он не готов для этого.

Я не могу больше скрывать правду.

Я не смотрю на их лица, когда я шепчу, плача:

— Я беременна... и я думаю, что-то не так.

Теперь я вижу, как кровь стекает по ноге.

Мама всхлипнув, хватается за перила, с трудом держась на ногах.

Папа смотрит на меня в замешательстве, хмурясь. На мгновение он совершенно ошеломлен, как будто время остановилось, но быстро выходит из этого состояния.

— Все в порядке. Давай отвезем тебя в больницу, — говорит он, не паникуя, а с уверенностью врача. Он берет меня на руки и несет вниз по лестнице, а мама звонит нашей соседке и просит ее прийти и присмотреть за Беном.

Мои родители помогают мне сесть на переднее сиденье, тем временем боль усиливается с каждой секундой. В машине по дороге в больницу я смотрю на отца. Я еще никогда не видела его взгляд настолько обеспокоенным или печальным. Когда я начала тусоваться с Марко почти ежедневно, он предупреждал меня держатся от него подальше. От этого мальчишки будут одни только неприятности, сказал он, когда однажды он пришел домой и обнаружил нас целующимися в бассейне на заднем дворе. Я не хочу, чтобы ты ошивалась с ним. Он навлечет на тебя неприятности. Мама согласилась с ним.

Я думала, что они не одобряли Марко только потому, что он жил на южной стороне. Я была неправа.

Я смотрю на своего папу. Он мертвой хваткой вцепился в руль и сосредоточился на дороге.

— Мне так жаль, мне так жаль, мне так жаль, — говорю я снова и снова, в то время как боль становится острее и острее.

Он тяжело вздыхает.

— Я знаю.

— Ты ненавидишь меня? — Я задерживаю дыхание ожидая ответа.

— Я разочарован в тебе, Николаса, — говорит он, называя меня полным именем, он всегда использует его, если он действительно расстроен. Он больше ничего не говорит.

— Несмотря ни на что, мы любим тебя, — говорит ободряюще мама с заднего сиденья. — Как это произошло? Когда? Где? Мы не одобряли ...

— Мария, не сейчас, — говорит ей папа.

Мама перестает задавать вопросы, но они висят в воздухе между нами.

В больнице папа принимает меры, чтобы меня направили на обследование. Они делают все эти анализы крови, а специалист, доктор Хелен Вонг, направляет меня на УЗИ. Я пытаюсь сдерживать слезы, но это бесполезно. После УЗИ мама держит меня за руку. Она все время молчит. Я думаю, что она слишком напугана и потрясена, чтобы что-то сказать, поэтому она дает возможность папе и другим врачам все обсудить.

Затем доктор Вонг назначает повторное УЗИ, и мне ставят капельницу, мама садиться на одну сторону моей больничной койки, а папа на другую. Доктор стоит рядом с ними с результатами моего обследования в руках.

— У тебя внематочная беременность, — говорит она, а потом объясняет, почему мне должны сделать срочную операцию, потому что они подозревают, что моя фаллопиева труба начинает разрываться. Мама прижимает ладонь ко рту, а слезы скатываются по ее щекам. Папа холодно кивает головой, пока слушает доктора Вонг.

— Что будет с моим ребенком? — спрашиваю я в панике.

Доктор Вонг касается моего плеча.

— Не получится спасти ребенка, — объясняет она.

Я начинаю плакать снова. В этот момент я понимаю, что я и в самом деле беременна, я надеялся, что беременности не было. Может мои негативные мысли подтолкнули мое тело отвергнуть ребенка? Я знаю, что сохраню чувство вины, глубокие следы страдания и горя в себе навсегда.

Еще один спазм боли, и я хватаюсь за живот.

Когда мои родители подписывают отказ от всех возможных претензий, от реальности

происходящего меня бросает в дрожь.

— Смогу ли я иметь детей в будущем? — спрашиваю я доктора Вонг, прежде чем она выходит с комнаты, чтобы подготовится к операции.

Она кивает.

— Одна труба будет повреждена, но твоя другая здорова. Чаще всего удастся зачать ребенка без особых проблем.

После капельницы они готовы отвезти меня на операцию, я смотрю на моих родителей. Мне хочется сказать им что-нибудь, но я знаю, если я это сделаю, то не выдержу и разрыдаюсь.

Мама слабо, совсем не весело улыбается мне. Она разочарована во мне. Я не виню ее.

Папа держит меня за руку, пока меня катят в операционную.

— Мы будем ждать прямо здесь, пока ты не придешь в себя.

В операционной комнате холодно и пахнет искусственной вентиляцией. Меня подключают к монитору, и доктор Вонг говорит мне, что я буду чувствовать себя сонно, после того как они добавят что-то в мою капельницу. Когда я впадаю в глубокий сон, я обещаю забыть о Марко и забыть о нашем ребенке, у которого никогда не было шанса.

Луис Фуэнтес напомнил мне, что я все еще уязвима. Если я эмоционально закроюсь, то мне не придется беспокоиться о том, что мне сделают больно. Когда этот кошмар закончится, я собираюсь стать совсем другим человеком... Никки Круз больше не будет уязвима.

Глава 9

Луис

Два года и два месяца спустя.

Фейрфилд, штат Иллинойс.

Если бы две недели назад мне сказали, что я перееду обратно в Иллинойс после бегства из этого места в одиннадцатилетнем возрасте, я бы рассмеялся им в лицо. За все это время я возвращался в Иллинойс один единственный раз — на свадьбу моего брата, уже более двух лет назад.

Теперь мне семнадцать и я вернулся навсегда.

Я перешел в выпускной класс. Я знаю каждого учителя, каждого студента, и каждый дюйм Флэтайрон Хай в Колорадо, куда я ходил последние три года старшей школы. Если бы у меня был выбор, я бы не вернулся в Фейрфилд. Но я мексиканец, а моя культура предполагает лояльность к семье.

Долг перед семьей вернул нас обратно. Алекс и Британи живут здесь с моим племянником, Пако. Мы видели их вчера вечером, как только приехали.

Британи снова беременна, и mi'amá (моя мама) говорит, что хочет видеть как растут ее внуки.

Мы стоим перед старым домом, который раньше арендовали. Это двухкомнатный дом, по размеру больше, чем лачуга, но меньше, чем большинство домов в моем квартале. Как ни странно, но численность Кровавых Латино в Фейерфилде уменьшилась. Нарисованные метки на зданиях и уличных знаках исчезли, и больше никто не смотрит на проезжающие мимо автомобили, будто там могут быть члены конкурирующих банд, собирающиеся напасть прямо из машины. Однако, присутствие припаркованной патрульной машины на улице ставит под сомнение мои рассуждения.

Я знаю почему mi'amá хотела вернуться в этот город и в этот дом. Это не только потому, что Фейрвилд близко расположен к Эванстону, где живут Алекс и Бриттани. Это из-за прошлого... она отчаянно пытается держаться за воспоминания о mi'pará.

Смотрю как mi'amá вставляет ключ в замок, делает глубокий вздох и открывает дверь. Еще когда мы были в Колорадо, она послала чек на аренду за первый месяц, боясь, что кто-то займет

дом раньше. Я не стал говорить о том, что у нее не было причин для беспокойства, потому что никто бы не стал стоять в очереди, чтобы арендовать свалку, которую мы раньше называли домом.

Я был неправ.

Мы стоим в маленькой гостиной, и я не верю своим глазам. Старые рваные ковры заменены на новые деревянные полы. Стены недавно покрашены в ослепительно белый. Я едва узнаю дом.

— Луис, смотри! — говорит mi'amá, когда входит в кухню и проводит рукой по новой гранитной столешнице и бытовой технике из нержавеющей стали. Она широко улыбается, потом крепко обнимает меня от волнения. — Это новое начало для нас.

Громкий стук в дверь эхом отзывается по всему дому.

— Может быть, это Елена. Она сказала, что собирается заехать после работы, — говорит mi'amá, торопясь открыть дверь.

В тот момент, когда я собираюсь проверить старую спальню, которую я привык делить с Алексом и Карлосом, я слышу, как mi'amá восклицает:

— Чем я могу вам помочь, офицер?

Офицер?

Полицейские здесь?

Весь мой опыт с полицейскими Фейрфилда состоял из случаев, когда мои братья попадали в неприятности, или когда полиция допрашивала нас о преступной деятельности банд. Когда большая часть из твоей семьи была членами банды, последнее, что ты хочешь, чтобы полицейский постучал в твою дверь. Хотя Алекс закончил институт, а Карлос военнослужащий, старые привычки трудно преодолеть.

Я иду в гостиную и наблюдаю, как полицейский в форме широко улыбается mi'amá. У него темно-каштановые волосы с короткой военной стрижкой, он стоит в одной из тех полицейских поз, которая означает, что он настроен серьезно.

— Я видел, как вы приехали, и хотел представиться, — говорит он и протягивает руку. — Я Цезарь Рейес, арендодатель и сосед.

Mi'amá протягивает руку, чтобы обменяться с ним рукопожатием, потом поспешно убирает ее назад, когда она видит пистолет, прикрепленный к его кобуре.

— Рада знакомству с вами, офицер Рейес, — говорит она.

— Зовите меня Цезарь. — Полицейский опускает голову, заметив ее взгляд. — Я не хотел вас пугать, миссис Фуэнтес. Я собирался идти на работу, и я не знал, застану ли вас дома в следующий раз. — Его взгляд перемещается в мою сторону. — Это ваш сын?

Она открывает пошире дверь и отступает назад, так что теперь меня отлично видно.

— Офицер Рейес, это Луис... мой младший.

Рейес кивает в мою сторону.

— Добро пожаловать в этот район.

— Спасибо, — бормочу я, не в восторге от внезапно поселившегося рядом полицейского, который еще при этом оказывается нашим арендодателем.

— У меня дома барбекю в воскресенье вечером. Вы оба можете заскочить, если пожелаете.

Ни один из нас не отвечает.

Он пожимает плечами.

— Ну, ладно. Я думаю, еще увидимся. — Он достает визитку из переднего кармана и протягивает mi'amá. — Если вам что-нибудь понадобится, не стесняйтесь, звоните.

Он идет к машине, а затем уезжает.

— Рад, что все закончилось, — говорю я.

Mi'amá медленно закрывает дверь, затем вздыхает и прислоняется к ней спиной.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

— В порядке. Просто давай начнем распаковывать вещи.

В воскресенье звонит Алекс, чтобы рассказать, что он записал меня на собеседование в загородный клуб «Брикстон» в Эванстоне, который находится в двадцати минутах ходьбы от нашего дома. Мне нужно найти работу, чтобы помогать, и я сказал Алексу быть начеку, если он услышит о какой-нибудь вакансии. Мой двоюродный брат Энрике владеет автомастерской, но Алекс уже работает там несколько дней в неделю, а поскольку ныннешняя экономика — полное дерьмо, Энрике не может позволить себе двух дополнительных сотрудников.

В четыре я направляюсь в «Брикстон». Это огромное «заведение», с частным восемнадцатилуночным полем для гольфа, олимпийских размеров крытым и открытым бассейнами, а также эксклюзивной столовой, исключительно для членов клуба.

Собеседование не занимает много времени. Эта дама, Фрэн Ремингтон, зовет меня в свой кабинет, после того, как я заполняю анкету.

Она кладет свою руку на рабочий стол и обводит меня оценивающим взглядом.

— Я вижу, что ты круглый отличник и играл в футбол и плавал в команде в своей старой школе. Скажи мне, Луис, почему ты хочешь работать здесь?

— Я только что переехал сюда из Колорадо, и мне нужно помочь маме со счетами. Я подал документы в колледж, который нужно оплатить через несколько месяцев, и это стоит кучу денег.

Она кладет документы на рабочий стол.

— Куда ты хочешь пойти в колледж?

— Университет Пердью. У них есть программа аэронавтики, — говорю я ей. — После получения степени бакалавра я планирую подать заявление на программу «Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства».

— Ты амбициозный.

— Да, мэм.

Она смотрит на мою анкету снова.

— У тебя нет никакого обслуживающего опыта. Мне действительно нужен официант для столовой.

— Я с этим справлюсь, — говорю я ей. — Это не проблема.

— Члены нашего клуба ожидают первоклассное питание, и лучший сервис в Иллинойсе, который можно предложить. Я не терплю никакого дурного настроения, опоздания, или неряшливых сотрудников. Когда люди приходят в клуб, они рассматриваются как королевские особы для всех и каждого человека в моем персонале. Наши гости платят огромные суммы денег, чтобы быть частью этого клуба. Они предъявляют свои требования, и я тоже.

— Я понимаю.

Женщина медлит с ответом еще несколько секунд, прежде чем улыбается мне.

— Мне нравятся молодые люди с амбициями, как ты. Даже если у тебя нет опыта, я дам тебе шанс. Ты начнешь, в качестве помощника официанта в течение месяца, а затем получишь повышение до официанта, если ты выполнишь то, что требуется. Ты можешь приступить в субботу.

— Благодарю вас за возможность, мэм, — говорю я ей. — Я не подведу вас.

— Хорошо. Значит, решено.

Вернувшись домой, я обнаруживаю офицера Рейеса, стоящего на нашем крыльце, одетого в джинсы и футболку. У него бутылка «Будвайзера» в руке, и он разговаривает с mi'amá. Я бы ничего такого об этом не подумал, но у парня улыбка на лице, и он чуть касается ее локтя, когда она смеется над чем-то, что он сказал.

Вот блин!

Я знаю, как ведет себя парень, когда он флиртует с девушкой, потому что я делаю это все время. У меня нет ни малейшего сомнения, что наш сосед / арендодатель / полицейский хочет мою mi'amá.

Как, черт возьми, я собираюсь объяснить это моим братьям?

Глава 10

Никки

Фу, я долго не могла уснуть прошлой ночью. Это мой первый день в выпускном классе, и я готова к нему. Я готова закончить школу, готова уехать из Фейрфилда и начать новую жизнь.

Принимаю душ, одеваюсь и спускаюсь вниз, чтобы позавтракать.

— Замечательно выглядишь, — говорит мама, глядя на мои джинсы и бирюзовый шелковый топ, который она купила мне на прошлой неделе в Эванстоне.

— Вот, я приготовила яйца для тебя и Бена.

Брат входит в кухню, его волосы падают на глаза, пока он читает какой-то журнал об играх. Это его первый день в старшей школе, а он одет в рваные джинсы и футболку, которая видала лучшие дни. Он мог бы принарядиться по такому случаю, но нет.

— Бен, тебе нужно подстричься, — говорю я ему.

— Нет, спасибо, — отвечает Бен рассеянно, так как занят чтением статьи о выходе какой-то новой боевой игры с цифровой графикой. Я знаю это, потому что мельком вижу название статьи, гласящее: «Боевые силы II: Потрясающая цифровая графика».

— Бен, ты понимаешь, что теперь ты в старшей школе, так ведь?

— И что?

— Поэтому ты должен следить за своей внешностью.

Он кладет журнал на стол.

— Я надел футболку, в которой не было дырок. Это ведь о чем-то да говорит.

— На ней написано «ДА ПРЕБУДЕТ С ТОБОЙ СИЛА!»

Он смотрит вниз, на свою рубашку.

— Я знаю ... круто, да?

Я смотрю на маму, ища поддержки.

— У каждого есть свое собственное определение крутизны, Никки, — говорит она.

Бен подмигивает маме.

— Ты не думаешь, что пора рассказать Никки правду, о том, как я в двадцать лет стану миллионером, и ей, скорее всего, придется брать у меня займы?

Мама ставит перед ним тарелку с яйцами и тостами на ней. Она даже наливает апельсиновый сок в его стакан.

— Правда в том, что тебе лучше сесть на свою пятую точку и съесть завтрак, прежде чем он остынет.

— Знаешь, навыки общения имеют большое значение, — говорю я ему.

— Навыки общения переоценивают, — отвечает он, перед тем как взять большой кусок хлеба.

Мама гладит Бена по плечу.

— Хватит уже спорить с сестрой..

— Она делает это слишком простым, — говорит Бен, откидываясь на спинку своего стула. — Итак, кто хочет дать имя моей следующей королеве Империи Драконов, я на середине кодирования?

— Как ты смотришь на то, чтобы назвать ее в честь сестры — Николаса? — предлагает мама.

— Мне нужно имя пожестче, — отвечает Бен. — Это королева, которая носит меч и одета в кольчугу.

— Почему бы не Берта? — в шутку предлагаю я. Ненавижу, когда Бен начинает говорить об анимационных персонажах, будто они настоящие... Еще больше ненавижу, когда он втягивает меня во все это, и я на самом деле начинаю верить в его одержимость.

— Королева Берта? Нет, мне не подходит.

— Ну, я уверена, ты что-нибудь придумаешь. — Мама берет ключи. — Ой, я почти забыла. Ники, ты не сможешь сегодня взять свою машину. Папа отвез ее в мастерскую сегодня утром, когда понял, что у нее подтекает бензин. Почему бы вам не пройтись до школы пешком? Начните год с движения, а не с лени и избалованности.

— Я горжусь своей ленью, — весело отвечает Бен. — И что плохого в том, чтобы быть избалованными?

— Все. — Она поворачивается до того, как я успеваю съесть последний кусочек хлеба, и говорит: — Вот, что я вам скажу... Я отвезу вас двоих в школу, потому что мне надо на работу, а обратно вы можете прогуляться пешком или доехать на автобусе. — Она спокойно улыбается.

Чтобы мама повезла нас в школу?

— Если папа взял мою машину, могу я взять его?

— Нет, — говорит она. — Пока ты не получишь все пятерки, не получишь ключи от Лексуса. Тебе есть к чему стремиться.

Бен закатывает глаза.

— Мам, Ники никогда не получала все пятерки.

— Она может, — отвечает мама.

Бен смеется.

— Я не говорю о детском садике.

Я пинаю его под столом. Только из-за того, что, за что бы он ни взялся, у него все получается, он не имеет права быть таким заносчивым.

— Сегодня я ужинаю с клиентами, так что меня дома не будет. Я обставляю их дом всякими антикварными вещами, — взволнованно сообщает мама.

— Развлекайся, — говорю я ей, зная, что так и будет. Моя мама — дизайнер интерьера, она любит превращать скучные помещения в тематические уютные комнаты и называть это “эkleктичным шоу-стоппером”. В каждой комнате в нашем доме есть своя тема, которая имеет тенденцию превращаться в “эkleктичный шоу-стоппер” снова и снова. Моя жизнь завалена тематическими комнатами.

В школе Кендалл ждет меня возле наших шкафчиков. В конце предпоследнего года, мы получили возможность выбрать любой шкафчик в старших коридорах на следующий год, так что Кендалл и я постарались сделать так, что наши шкафчики находились рядом друг с другом. Это было перед тем, как она начала встречаться с Дерекком. Эти двое стали неразлучны, начиная с последнего дня занятий, когда он появился в ее доме, с дюжиной роз и песней, которую он написал о ней.

Я не доверяю Дерекку. Знаю, он любит Кендалл, но так же я знаю, что многие девушки флиртуют с ним и он им отвечает. Однажды он не выдержит и даст слабину, и это разобьет сердце Кендалл.

— Просто, чтобы ты знала, — говорит Кендалл, морщась, как будто она собирается поделиться плохими новостями. — Шкафчик Марко расположен прямо напротив нас.

Волна тревоги поднимается во мне.

— Пожалуйста, скажи мне, что ты шутишь.

— Хотела бы я это сказать.

После того, как мы расстались с Марко, он глубоко засел в Кровавых Латино. Знаю, что он торговал наркотиками и много раз участвовал в разборках. Но в прошлом году что-то случилось с шишкой банды и присутствие кровавых в южной части Фейрфилда упало практически до нуля. Слышала, что Марко начал тусоваться с другими бандами. Он стал жестче и злее. Раньше я думала, что это он снаружи жесткий, но на самом деле милый, когда узнаешь его получше. Но теперь его милым точно не назовешь.

Дерек идет по коридору, направляясь прямо к нам. Разумеется, он останавливается, практически с каждым, кто подзывает его. Девушки влюблены в него, потому что он до возмущения великолепен со своими светлыми волосами, лицом модели и весьма рельефным телом. Парни выглядят, как он, когда занимаются спортом. Два года подряд он побеждал на чемпионате штата по теннису. Когда он повредил плечо перед выпускным годом, он решил, что не хочет играть в теннис, и вместо этого вступил в футбольную команду. В конце сезона он был признан основным игроком прошлого года, что никого не удивило.

Дерек останавливается рядом с Кендалл, но она поворачивается к нему спиной и делает вид, будто в шкафчике есть что-то интересное.

— Не могу поверить, что ты все еще сердишься, — говорит Дерек.

Кендалл заталкивает книги в шкафчик.

— Я не сержусь. Ты можешь пойти в колледж там, где захочешь, Дерек. Тебе не нужно мое разрешение, чтобы податься на восток.

Он кладет руку на ее поясницу и наклоняется к ней.

— Почему ты даже не рассматриваешь университеты Лиги Плюща?

— Потому, что они не на среднем западе, — отвечает она. — Ты хочешь уехать далеко от дома. Я не могу.

Кендалл не говорит об этом, но она считает своим долгом, оставаться в колледже рядом с Фейрфилд потому, что ее маме поставили диагноз рака в прошлом году. Она прошла через химиотерапию и врачи говорят, что у нее временное ослабление болезни, но Кендалл не хочет находится далеко отсюда.

— Значит, если я уеду учиться на восток, то между нами все кончено? — спрашивает Дерек.

— Я не знаю.

Я решаю вставить в их спор свои пять копеек.

— Процент пар, которые остаются вместе после школы, вроде меньше пяти процентов.

— Спасибо за вотум доверия, — произносит Дерек с сарказмом.

— Будь реалистом, — отвечаю я. — Не нужно, чтобы вы жили в стране фантазий, ребята.

— Надеюсь, ты никогда не попадешь в мир Диснея, — отвечает Дерек. — Ты, скорее всего, будешь говорить маленьким детям, что Микки Маус — это просто парень в костюме.

— Наверное, — говорю я ему.

Кендалл вздыхает.

— Дерек, оставь Никки в покое. Она просто защищает меня.

Дерек недовольно качает головой.

— Черт возьми, Кендалл. Когда ты поймешь, что тебе не нужно защищаться от меня.

— Никки — моя лучшая подруга.

— А я, как предполагается, твой парень. — Дерек уходит с горьким выражением на лице.

Кендалл опирается головой о шкафчик. Знаю, что она напугана. Она боялась потерять маму, а теперь боится потерять Дерек. Я знаю, что это страшно, поэтому и говорю все, как оно есть. Да, Дерек может бросить ее из-за другой девушки. Или уехать в колледж так далеко и забыть о том, как сильно он ее любит. Или может врать ей о том, сколько она для него значит. Это реальность. Дерек может даже думать, что он искренен... но как долго это будет продолжаться?

— Он ненавидит меня, — говорю я ей.

— Нет, это неправда. — Она поворачивается ко мне. — Просто он считает тебя слишком циничной.

Как только она говорит, слово цинична, я слышу, знакомый голос, говорящий по-испански, эхом отзывающийся по всему залу. Марко. Когда-то звучание его глубокого голоса вызывало во мне улыбку от уха до уха. Теперь это равносильно скрежету ногтей по доске.

Я смотрю на Кендалл. Она с сочувствием касается моего предплечья.

— Не обращай внимания, — советует она.

Конечно, я не буду обращать на него внимания, так же, как я делала последние два года. Он сильно изменился, так же, как и я. Я делаю вид, что чешу подбородок о свое плечо и смотрю через коридор на его шкафчик. Марко говорит с каким-то парнем, который выглядит знакомо...

Погодите.

Одну.

Секунду...

Нет, этого не может быть.

Это Луис Фуэнтес, парень, чью одежду я спрятала, когда его брат женился пару лет назад. В последний раз, когда я видела его, он был голый. Это было так давно, я уверена, он не помнит меня. Хотя я помню его. Он — парень, который напомнил мне, что я уязвима. Той ночью, когда я познакомилась с ним, я стала циничной. Я смотрю еще раз.

Только не это!

Он смотрит прямо на меня.

Глава 11

Луис

Экзотические глаза. Волнистые каштановые волосы. Высокомерие длиной в милю. Старше, но у нее до сих пор эта уникальная аура “дерзкого ангела” вокруг нее.

Я узнаю эту девушку везде. Я смогу отличить ее в толпе из тысячи девушек. Она отрицала свою мексиканскую кровь, танцевала, как робот, и отшила меня, и все за один вечер.

— Это Никки Круз, ¿verdad?[13] — спрашиваю я Марко, моего друга из начальной школы. Это немного странно, такое ощущение, что я никогда и не уезжал. Я не осознавал, насколько глубоки мои корни в этом городе, хотя с моего отъезда из Фейрфилд прошло почти шесть лет. Я пришел в школу рано утром и получил свое расписание у администрации. Как только я подошел к своему шкафчику, я встретил кучу старых друзей, с которыми я обычно тусовался.

Марко сморит на девушку, затем кивает.

— Откуда ты знаешь Ник?

— Столкнулся с ней пару лет назад у моего брата на свадьбе. — Незачем вдаваться в подробности о том, как она спрятала мою одежду и бросила меня разбираться с чересчур агрессивной девушкой, вместе с которой я купался голышом. — ¿Cuál es su historia?[14] — спрашиваю его я.

— Ее история — это то, что она неприлично богата и обладает телом, созданным для того, чтобы трахаться направо и налево, — говорит Марко. — Она шлюха. Держи свою задницу подальше от этой ненастоящей мексиканки, если ты в своем уме.

Я смотрю в ее сторону, и наши глаза встречаются. Она помнит меня?

Пока Марко разговаривает с несколькими парнями, я внимательно наблюдаю за Никки. Она быстро отводит свои глаза, говорит что-то высокой блондинке, девушке стоящей рядом с ней, затем откидывает волосы назад, и они обе с важным видом направляются вниз по коридору, не оборачиваясь.

Я спешу на мои первые два занятия, круто увидеть старых друзей, я думал, что я больше никогда не увижу. Не надо быть ученым, чтобы понять, что Марко зависает с серьезными ребятами вне школы. Никто не должен говорить о своей связи с бандой — это общеизвестно. Большинство семей, которые жили в моем районе, были связаны. Некоторые до сих пор.

Может, южная сторона Фейрфилд больше и не переполнена действующими бандитскими группировками, но в школе нас все еще считают бедняками. Младшая и средняя школы не объединены, но в старшей собраны в общий многокультурный котел все школьники с обеих сторон Фейрфилда.

Впервые я осознаю, насколько все отличатся здесь от Боулдера, когда мы переодеваемся в спортзале.

— Ты сидишь на моем месте, мекс, — какой-то мускулистый белый парень говорит мне, в то время как я сижу на скамейке в раздевалке, после того, как нам вручили спортивную форму. — Проваливай.

Я не могу сдержать смех, который вырывается из моего рта.

— Мекс? Ты только что называл меня мекс?

— Ты слышал меня. Теперь вали отсюда и расположи свою грязную иммигрантскую задницу где-нибудь в другом месте.

В отличие от моих братьев, мне не нравится влезать в драки, и я не хочу начинать теперь.

Я небрежно снимаю свою обувь и напоминаю себе, что этот тип не стоит того, чтобы вылететь из школы. Хотя я не собираюсь позволить ему запугивать меня.

— Жаль сообщать тебе плохие новости, гринго, — говорю я ему. — Но я не пересяду. Это первый школьный день. У тебя пока еще нет места.

Другие парни начинают заполнять раздевалку. Гринго сильно ударяет кулаком по шкафчику прямо выше моей головы, заставляя всех взглянуть в нашу сторону..

— Я предупреждаю тебя, — шипит он сквозь сжатые зубы, затем пинает мою обувь через комнату.

Я закатываю глаза. Он хочет, чтобы я ударил первым, чтобы я был тем, кто попадает в неприятности. Он понятия не имеет, что я обладаю терпением святого. По крайней мере, именно так считает Карлос, хотя это не о многом говорит, учитывая, что его собственный запал короче ресницы.

Педро — парень, который жил на противоположной стороне улицы до того, как мы уехали, — показывает на другую сторону раздевалки.

— Ah, dejalo y mueveté[15], — говорит он мне.

Другими словами, избегай конфликта.

— Слушай своего друга, — говорит Гринго, затем хватает меня за футболку и пытается сдвинуть от своего драгоценного места.

Не на того нарвался.

Я толкаю его в ответ. Он этого не ожидает, потому что его тело с силой ударяется о шкафчики. Он теряет равновесие и приземляется на задницу.

— Я надеру тебе зад! — орет он.

Он готовится кинуться на меня, но один из его друзей становится между нами.

— Дуган, расслабься. Seriously, чувак, это не стоит того, чтобы тебя выкинули из команды.

Дуган кидает мне испепеляющий взгляд, перед тем как повернуться и перейти к следующему ряду шкафчиков. Его друзья следуют за ним. Я сажусь и делаю глубокий вдох. Я больше не в Боулдере, это точно.

Все, у кого обед четвертым уроком, забивают на столовую и вместо нее предпочитают есть снаружи. Дворик заполнен народом. Ученики с южной стороны сидят под деревьями, тогда как

те, кто с севера, — занимают столики для пикников, как будто те были сделаны персонально для них. Я замечаю Никки, сидящую с компанией каких-то идиотов, пытающихся привлечь ее внимание. Она улыбается и смеется над их шутками, но я вижу, что это наиграно. Никто из них не задерживает надолго ее внимание.

Я сижу рядом со своими старыми друзьями под большим кленом.

— Так, что ты делал, Фуэнтес? — спрашивает Педро, запуская руку в коричневый бумажный пакет и доставая свой обед. — Кроме как выводить из себя Дугана в раздевалке.

Я пожимаю плечами.

— Жил в Мексике какое-то время. Затем переехал в Колорадо.

— Что заставило тебя вернуться в эту дыру? — спрашивает Марко Дельгадо. Он сидит напротив меня и я замечаю карманный нож, выглядывающий из его носка.

— Мы вернулись по семейным причинам, — говорю я им.

— Кстати о семье, — говорит Марко, — твой брат Алекс был одним из Кровавых Латино, так?

Я киваю.

Я был бы идиотом, если бы надеялся, что эта тема не всплывет рано или поздно. Мой брат был активным членом Кровавых Латино, пока Гектор Мартинез не предал его.

— Чу попался некоторое время назад. Большинство Старших было отправлено в ИУ.

ИУ, они же «исправительные учреждения».

— Я слышал.

Чу был вторым в верхушке. Как только его повязали, остальная верхушка КЛ пошла ко дну вместе с ним. Мой двоюродный брат Энрике почти отсидел срок, но Алекс помог ему найти хорошего адвоката, который сделал так, что с него сняли все обвинения.

— Ты думаешь, Алекс связан с тем, что их всех повязали?

Ответственен ли Алекс за то, что Кровавые Латино развалились? Не думаю.

— Мой брат не предатель, — говорю я. Гордость Фуэнтесов глубоко в нашей крови, и я сделаю все, чтобы защитить моих братьев и имя моей семьи. — Comprendes?[16]

Марко кивает.

— У меня к нему никаких претензий. Все хорошо, чувак.

Мариана Кастильо, девчонка, в которую были влюблены все парни во втором классе, садится с нами. Несколько девчонок следуют ее примеру. Мариана всегда была их лидером ... все, что она делала, остальные девчонки повторяли. У нее идеальная фигура, длинные ноги, и огонь в глазах, показывающий дерзкий и безжалостный дух.

— Ну и ну, значит, слухи оказываются правдой, — говорит она мне. — Луис Фуэнтес вырос.

Марко смеется.

— Думаю, у тебя появился фан-клуб, Луис.

— Присоединяйся к нам в субботу вечером, — говорит Мариана.

— Я должен работать, — отвечаю я ей.

— Стремно. А что, если мы ...

Ее прерывает оглушающий голос, разлетающийся по двору из громкоговорителя. — Луис Фуэнтес, пожалуйста, немедленно пройдите в офис директора Агирре, — голос повторяет сообщение, на случай, если по какой-то волшебной причине, я его не расслышал с первого раза.

Марко издает тихий свист.

— Проблемы с Агирре в первый день учебы, Фуэнтес? — спрашивает он весело. — Ему, скорее всего, сказали, что мы с тобой были друзьями в младших классах. Частенько мы тогда в неприятности попадали, да?

— Бывало. — Мы с Марко сидели вместе тогда практически в каждом классе. Я всегда

получал хорошие оценки, но Марко всегда умудрялся меня уговорить на любую проказу.

— Тебя тоже вызывали? — спрашиваю я его.

— Первым делом с утра. Агирре скряга и постарается испугать тебя, чтобы ты следовал всем его правилам. Он попытается тебя разговорить, но держи рот на замке. Это ужасно выведет его из себя. Так смешно наблюдать за тем, как краснеет его лицо.

— Спорю, что это связано с той перебранкой с Дуганом в раздевалке, — встречается Педро.

— Удачи, — говорит Мариана.

— Спасибо, — говорю я, надеясь, что я не нуждаюсь в ней.

Несколько минут спустя я нахожу главный офис. Пожилая женщина за стойкой выглядит измученной, пока ученики, стоящие вокруг, требуют сделать изменения в их расписании или записываются на встречу со школьным консультантом.

Я решаю подождать в очереди, а не оповещать о своем прибытии. Я не особо желаю встречи с Агирре. Марко не единственный, кто назвал его скрягой. Мои братья предупреждали меня, что их старый директор пленных не берет.

Дверь в офис Агирре открывается и оттуда выходит высокий мужчина, одетый в костюм.

— Фуэнтес! — выкрикивает он поверх остального шума. Он сканирует взглядом комнату, пока не останавливается на мне. Он не выглядит довольным тем, что видит меня. — Ко мне в офис, — приказывает он.

Я протискиваюсь сквозь толпу.

Садясь на краешек своего стола, Агирре держит папку с моим именем. — Заходи, Луис. Садись.

Я сажусь на один из стульев и оглядываюсь вокруг. Памятные моменты Фейрфилд Хай вперемешку с фотографиями Аригге со старыми выпускниками развешены на стенах. Я вижу игрока в теннис, защитника в НФЛ и ведущего программы новостей. Впечатляюще.

Может лет через десять я тоже буду с ним на одной из фотографий, выставленной в его офисе.

Но точно не сейчас. Сейчас Агирре смотрит на меня с выражением гнева, смешенного с раздражением, на лице.

— Последний раз, когда Фуэнтес был вызван в мой офис, это был твой брат Алекс. Он был магнитом для неприятностей. — Он кидает мой файл на стол. — Я думал, что ты другой, Луис. Ты был отличником в Флатайрон Хай, и эта школа считается второй лучшей старшей школой в Колорадо. Ты был в почетном комитете, активистом в студенческом консульстве, играл в футбол и был капитаном команды по плаванию.

Я киваю.

— Да, сэр.

Он наклоняется вперед.

— Тогда какого черта ты ввязываешься в драки в раздевалке?

Я пожимаю плечами.

— Не знаю.

Агирре глубоко вздыхает.

— Если бы мне давали доллар каждый раз, когда я слышу «я не знаю», я был бы уже миллионером. Нет, миллиардером. Я придерживаюсь политики нулевой терпимости. То, что произошло в раздевалке между тобой и Джастинем Дуганом стало моей проблемой. Знаешь, что я делаю со своими проблемами?

Я не отвечаю.

Он снова наклоняется вперед и говорит тихим, спокойным голосом, чтобы полностью завладеть моим вниманием.

— Мои проблемы получают наказание. После этого идет отстранение. Три ошибки, и ты исключен.

Когда он берет со стола голубой листок и протягивает мне, я с трудом сглатываю. Мое первое наказание. Я ни за что, что бы ни случилось, не собираюсь что-либо еще нарушать. Даже если меня будут называть мексом все оставшиеся девять месяцев.

— Это пойдет в мое личное дело? — спрашиваю я, смотря на голубую бумажку у меня в руках.

— Боюсь, что да.

Черт. Я почти вижу, как я забираюсь ночью в школьный офис и помогаю отчету о наказании испариться. В фильмах люди постоянно забираются в офисы и воруют файлы. Это точно будет выбросом адреналина, особенно, если мне удастся это проверить.

— А теперь убирайся отсюда, — говорит Агирре. — Я не хочу видеть твое лицо в моем офисе еще раз, если это не о том, чтобы сказать мне, что ты в списке отличников. Держи голову в своих книжках, и все между нами будет отлично.

— Это все? — спрашиваю я.

— Нет. — Он улыбается и широко расставляет руки. — Добро пожаловать в Фэйрфилд Хай.

Глава 12

Никки

Луис разговаривал с Марко и Марианой, когда его вызвали в кабинет мистера Агирре. Он выглядел так уверенно и целенаправленно, идя по школьному двору, что я смогла оторвать от него взгляд, лишь когда он скрылся из виду.

Надеюсь, что Луис не помнит меня, хотя странное чувство в моем животе, говорит об обратном — он до сих пор помнит нашу встречу на свадьбе его брата. Но как такое возможно? Последнее мое воспоминание о нем — как он машет мне... голый. Выгляда при этом до смешного горячо, и он все еще является таким же самодовольным парнем.

По одной его походке я могу сказать: он явно в курсе, что входит в ту группу парней, чей главный показатель «сексуальная привлекательность».

В холле девочки пялятся на него. Он кивает и улыбается каждой девчонке, которая смотрит в его сторону. Марко флиртует с девчонками наряду с ним, и это признак того, что они команда.

В очередной раз я вижу Луиса на последнем уроке. Химия с миссис Питерсон. Он кажется удивленным, когда заходит в класс и видит меня сидящей на последнем ряду с Кендалл и Дерекком. Когда беременная учительница объявляет, что партнеры определяться согласно алфавитному порядку, мое сердце начинает бешено колотиться.

Моя фамилия начинается с «К», а у Луиса с «Ф». Я начинаю паниковать, ведь мы с ним можем оказаться партнерами, и тут миссис Петерсон произносит:

— Мариана Кастильо в паре с Никки Круз.

О, нет. У нас с Марианой есть только одна общая черта: наши родители родились в Мексике. Вот и все.

Мариана Кастильо ненавидит меня еще с тех пор, когда мы с Марко были вместе, казалось, будто бы я покушалась на ее собственность. Несколько раз Марко и я зависали с его друзьями, и она всегда бросала на меня сердитые взгляды и уж точно обеспечила мне нелюбовь всех девчонок с южной стороны. Я была изгоем в их компании, но пока со мной был Марко, меня это не заботило. Хотя мы с Марко уже давно расстались, Мариана продолжает меня ненавидеть.

— Эм-м-м. Почему я должна быть в паре с фальшивой мексиканской? — бормочет Мариана.

— Я не фальшивка, Мариана. Если у тебя проблемы со мной, то скажи об этом миссис Питерсон.

Мариана поднимает руку в воздух.

— Миссис Питерсон, Никки и я не можем быть партнерами.

Питерсон останавливается и смотрит вниз на Мариану.

— Да, вы можете, и да, вы будете в паре. Поверьте мне, мисс Кастильо, я каждый год выслушиваю недовольные возгласы студентов и еще ни разу не изменила своего решения.

— Но...

— Рот на замок, или останетесь после уроков.

Мариана закрывает рот, но продолжает скалиться на меня, в то время как миссис Питерсон продолжает распределение партнеров.

Луиса сажают за стол напротив нашего. Дерека назначают в качестве его партнера. Я пытаюсь не встречаться взглядом с Луисом, но я все же поглядываю на него. Наши глаза встречаются на долю секунды, перед тем как миссис Питерсон хлопает рукой по лабораторному столу Луиса.

— Итак, вижу, меня осчастливили еще одним Фуэнтосом в классе, — говорит учительница. — Ваш брат Алекс был одним из моих наиболее... сложных студентов. Думаю, что должна дать вам те же наставления, что и ему, мистер Фуэнтес. Никаких разговоров во время лабораторных работ, не используйте его для болтовни и сплетен. Это время для работы. Понятно?

— Понятно, — отвечает Луис, дерзко показывая ей большой палец.

— Буду надеяться, что вы лучше вашего брата справитесь с моими указаниями. О, это напомнило мне... — Она обращается ко всему классу. — Я придерживаюсь политики «нулевой терпимости». Никаких мобильных телефонов, даже если с вами срочно нужно связаться вашим родителям, друзьям, парням или девушкам, собаке или даже Богу. Они могут позвонить в администрацию, если это действительно важно. Кроме того, никакой одежды символизирующей банды, — говорит она, посмотрев сначала на Луиса, а потом и на весь класс, — и никаких угроз в адрес других студентов, или навсегда покинете мой класс. Я буду наказывать тех, кто не будет следовать моим правилам.

Сейчас у вас есть пять минут, чтобы представиться вашему партнеру. Расскажите интересные вещи о себе, ваше хобби или чем вы занимались летом. А после вы представите своего партнера классу.

— Не могу поверить, что должна быть с тобой в паре, — бубнит Мариана.

— Чувство взаимно, — бормочу я в ответ.

Мариана берет свой блокнот и открывает первую страницу.

— Можешь рассказывать, я запишу что надо, чтобы не вылететь из класса. Мне известно, что ты богатая сучка, которая когда-то встречалась с Марко Дельгадо, пока он не бросил тебя. Чем еще мне нужно поделиться с классом?

— Просто скажи, что я помогаю покалеченным собакам находить новые дома.

— Серьезно, ты — псих, — говорит Мариана, морщась. — Можешь сказать, что у меня сто тысяч просмотров на YouTube за видео, которое я выложила.

— Что ты на нем делала? — спрашиваю я, задаваясь про себя вопросом, танцевала ли она стриптиз. Или, может, это учебное видео, как правильно использовать кальян для курения марихуаны. Уверенна, что автограф Марианы не красовался на петиции «свобода от наркотиков», которую подписывали некоторые восьмиклассники в прошлом году для своих общественных проектов.

— Пела и танцевала... получше, чем умеешь ты, я уверена.

Я записываю информацию, чтобы поделиться ею с классом, когда настанет моя очередь. Видимо она не в курсе, что танцевать лучше меня, не такое уж великое дело.

Луис представляет Дерека, а после Дерек рассказывает о том, как Луис переехал сюда из Колорадо, но до этого уже жил в Фэйрфилде, когда был младше.

После представлений остается еще немного времени, поэтому миссис Питерсон устраивает нам экскурсию по лаборатории. Рассказывает о том, что она была отремонтирована летом, и объясняет, зачем нужна душевая кабина в конце комнаты.

— В прошлом году случился... инцидент с некоторыми моим студентами, которые не следовали инструкциям. В общем школьный совет решил, что при работе с опасными химическими веществами душ может пригодиться. Ни один из вас никогда не должен нуждаться в этом душе, но, если по какой-то причине реактив окажется на вашей коже, немедленно смойте его. Вам не нужно поднимать руку и спрашивать разрешение.

Пока мы стоим перед душевой кабиной, мой телефон начинает вибрировать. Черт. Он лежит в заднем кармане. У меня просто вылетело из головы, что его нужно отключить. Как будто мне мало того, что он звучит так громко, так ко всему прочему все начинают пялиться на меня. Я игнорирую его, надеясь, что миссис Питерсон не поймет, чей это телефон, и молюсь, чтобы скорее включилась голосовая почта.

— Тебе лучше отключить его, — шепчет Кендалл мне на ухо. — Ходит слух, что у Питерсон есть коллекция мобильных, которая стоит тысячи.

Слишком поздно.

— Мисс Круз?

Я зажмуриваюсь на мгновение, жалея, что не могу волшебным образом телепортироваться в другой класс.

— Да? — отвечаю коротко. Миссис Питерсон стоит передо мной.

— Давайте же, ответьте на звонок.

Я колеблюсь.

— Достаньте свой телефон из вашего кармана и ответьте на него, — повторяет она снова. — Прежде, чем я рожу, пожалуйста.

Я достаю телефон из кармана и нажимаю кнопку ответа, когда, к моему полнейшему ужасу, миссис Питерсон движением руки требует передать ей телефон.

Она подносит его к уху.

— Привет, это телефон Никки, — говорит она в приемник, как будто она мой личный секретарь.

Она прижимает телефон к плечу и шепчет так громко, чтобы все могли услышать:

— Это Дара из салона «Раззле», подтверждает время записи эпиляции воском бикини и бровей. — Пауза. — Это Миссис Питерсон, учитель химии Никки. — Пауза. — Дара говорит, что задерживается, и хочет спросить, сможете ли вы приехать сегодня в шесть, а не в четыре.

Я чувствую, что мое лицо становится красным и горячим, а комментарии и хихиканье разносятся эхом через комнату.

— Смогу, — тихо говорю я.

Миссис Питерсон прикладывает телефон к уху и говорит:

— Дара, в шесть часов будет просто прекрасно. Хорошо. Да, я обязательно сообщу ей. И вам тоже желаю прекрасного дня. До свидания.

Она выключает телефон, а после идет к своему столу и кладет его в один из ящиков. Питерсон облегченно вздыхает.

— Так как это первый учебный день, я буду доброй и дам вам право выбора. Либо телефон остается у меня, либо вы остаетесь после школы сегодня.

Это ее доброта? А что же тогда будет, если ее разозлить? Я провела три года в этой школе, не получив еще ни одной синей карточки с наказанием.

— Я, правда, думала, что он был отключен, — говорю, надеясь на ее сострадание.

Она указывает на свое невозмутимое выражение лица.

— Разве похоже, что меня это заботит? Нулевая терпимость. Вы должны были отключить его прежде, чем зайти в класс. Или еще лучше — оставить в своем шкафчике. Или дома. Это школьная политика — телефон должен быть выключенным во время урока, мисс Круз. И не стоять на вибровызове или в бесшумном режиме. Вы уже старшеклассница. У вас было три года, чтобы запомнить правила поведения в средней школе Фэйрфилд.

Запомнить правила? От ее серьезного тона начинает казаться, будто она действительно ждет, что мы возьмем и запомним все школьные правила.

— Я останусь после уроков, — говорю я в то время, как звенит звонок.

Пока все остальные выходят из класса, я жду миссис Петерсон, которая заполняет карточку наказания. Она вручает ее мне, наряду с моим телефоном.

— Не позволяйте этому произойти снова, — говорит она. — Если мы с вами хотим поладить.

Я не говорю, что не чувствую себя особенно оптимистично по поводу того, что мы будем ладить.

— Это жесткая любовь, — кричит она мне вслед, когда я выхожу из ее класса.

Я назвала бы это по-другому, но я не имею привычки пререкаться с учителем, так что я держу рот на замке и двигаюсь к своему шкафчику. Кендалл стоит перед ним, ожидая меня. Она выхватывает листок с наказанием из моей руки и смотрит на несправедливые слова, написанные почерком госпожи Питерсон.

— Я серьезно не могу поверить, что эта женщина назначила тебе наказание в первый день школы. Питерсон жестокая. Хочешь, чтобы я подождала тебя?

— Нет, но спасибо. — Мой брат идет к нам, напоминая мне, что мы, как предполагалось, идем домой вместе. — Я получила наказание, поэтому, я не могу идти с тобой, — говорю я ему.

— Ты получила наказание в первый день школы? — спрашивает он, потрясенно. — Я не думал, что такое вообще возможно.

— Это возможно, если твой учитель миссис Питерсон, — отвечаю я.

— Я подброшу тебя до дому, — говорит Кендалл Бену. — Но тебе нельзя говорить об убийствах драконов, будто это настоящий спорт.

Бен соглашается, хотя могу с уверенностью сказать — он расстроен тем, что не сможет поговорить с ней об этом. Мне действительно жаль брата, ведь у него не так много друзей, которые разделяют его любовь к играм. Он очень популярен в интернете, но люди, с которыми он играет, — анонимы... они не настоящие друзья.

После того, как они уезжают, я пытаюсь смириться с тем, что не могу оттягивать неизбежное, и направляюсь в столовую, которая выступает в качестве камеры заключения для тех, кто отбывает наказание после школы. Уверена, что буду там совершенно одна.

Но как только я вхожу в столовую и отдаю карточку мистеру Харрису, учителю физкультуры, вижу, что не одна.

Джастин Дуган, одетый в спортивную куртку, хотя на улице такая жара, что невозможно носить что-то плотнее футболки, сидит, согнувшись и положив голову на стол. Либо он спит, либо притворяется, будто его не волнует, что он застрял в этой комнате, где требуется молчать и делать домашнюю работу в течение часа.

Здесь присутствует еще один человек, оставленный после уроков со мной, — Луис Фуэнтес.

Я сажусь за пустой обеденный стол позади него, размышляя, как его угораздило вляпаться в неприятности. Снова смотрю на Джастина, и мне это больше не кажется таким уж невозможным. Джастин не самая приятная личность в школе. Должно быть он спровоцировал Луиса. И Луису пришлось отбиваться.

Драки недопустимы в Фэйрфилде. Так же, как и телефонные звонки во время уроков.

В течение получаса пытаюсь делать уроки, некоторые учителя считают, что в первый учебный день не стоит отрываться на учениках. Заставляю себя смотреть вниз на учебник математики, но не могу сосредоточиться, и, в конечном счете, совершенно запутываюсь. Это потому, что Луис здесь. Я чувствую его присутствие в комнате, и это отвлекает.

— Эй, Никки, — шепчет Луис.

Я поднимаю глаза и понимаю, что мистер Харрис вышел из столовой.

— Что?

Луис соскальзывает со скамейки и, немного поколебавшись, садится напротив меня.

— У нас так и не получилось пообщаться в классе Питерсон. Помнишь меня, пару лет назад?

Качаю головой.

— Нет, — лгу я.

Он кладет руку себе на грудь.

— Луис Фуэнтес. Мы встретились на свадьбе моего брата.

Как будто я когда-либо смогу его забыть. Лучше бы мне не помнить Луиса Фуэнтеса и его высокомерную, раздражающую улыбку. Или тот факт, что он пошел купаться нагишом с девицей, которую встретил после флирта со мной.

Он смотрит на меня, склонив голову набок, оценивая мою реакцию.

Я отвожу взгляд. Затем вновь смотрю на него. Он вопросительно изгибает бровь. Это бесполезно, потому что рано или поздно он все равно узнает правду. Я не смогу и дальше играть эту роль.

Пожимаю плечами.

— Ладно, я помню тебя. Доволен?

Он небрежно ставит ногу на скамейку, и я представляю его моделью на фотосессии именно в этой позиции.

— Ты все еще злишься, что мы не встретились той ночью? Знаешь, тебе необязательно было воровать мою одежду, чтобы посмотреть на мои достоинства.

— Я не воровала твою одежду. Я просто ее спрятала. И я не помню, чтобы я видела твои... — я указываю в сторону его ширинки. — Очевидно, они не были особо впечатляющими.

Но они были. Я много раз проигрывала у себя в голове тот его образ во всей красе, не выглядящим ни капельки смущенным или стыдящимся своей наготы. Я ненавижу себя за то, что помню его и все то, что он говорил мне той ночью, в деталях.

На его губах начинает играть ухмылка, потому что он знает. Он знает, что я помню тот момент также четко, как и он. Как только мистер Харрис заходит обратно в класс, Луис прыгает на свое место.

— Кстати, — шепчет Луис мне, — у тебя номер три и семь неправильные.

Смотрю на свое домашнее задание по математике.

— Откуда ты знаешь?

Он стучит себя по голове пальцем.

— У меня талант в математике. В обеих задачах ты забыла, что левой стороне необходима формула сложной производной, потому что у представляет собой функцию x .

Я смотрю в свою тетрадь. Проверяя то, что я делала, я понимаю, что он прав. В шоке я поднимаю на него глаза, но он снова повернулся ко мне спиной, а мистер Харрис сканирует комнату, чтобы удостовериться, что мы поддерживаем тишину.

Час спустя мистер Харрис говорит, что мы отработали свое наказание и теперь свободны. Джастин выходит первым. Проходя мимо, он кидает на Луиса испепеляющий взгляд. Луис либо притворяется, что не замечает, либо ему все равно.

Выхожу из столовой. Луис идет рядом со мной.

— Похоже, тебе нужен репетитор по математике.

— Я не общаюсь с южными аутсайдерами, — отвечаю ему я, не останавливаясь. Хватаюсь за входную дверь школы, чтобы выйти на улицу, в палящий летний зной. — И не встречаюсь с ними.

— Ты не встречаешься с выходцами с южной стороны? — спрашивает он, посмеиваясь.

— Больше не встречаюсь.

— Я не хочу проводить время или встречаться с тобой, Никки. — Он одаривает меня с ног сногшибательной улыбкой, видимо, тренировался перед зеркалом, чтобы сделать ее превосходной. — Но, думаю, я был бы не против покувыркаться с тобой среди простыней. Появится желание, дай мне знать.

Глава 13

Луис

Секрет того, как пережить первую неделю школы, заключается в том, чтобы ценить выходные и иметь возможность поспать подольше. Ну, если только ваш племянник не прибежит в вашу комнату, пока вы спите, и не примет вашу голову за барабан.

— Привет, мелкий! — говорю я, поднимая его и сажая себе на грудь. — Если твой подгузник протечет, пулей вылетишь отсюда. — Он дарит мне широкую улыбку в четыре зуба.

Пако уже почти два года, пришло время научить его правильно произносить мое имя.

— Скажи Луис.

— Уиис, — говорит он.

— Не очень, конечно, но мы еще над этим поработаем.

— Уиис, — повторяет он, веселясь. Он прыгает на мне вверх-вниз, как будто я его лошадь. — Уиис, Уиис, Уиис.

Бриттани просовывает голову в открытый дверной проем.

— Пако, ты беспокоишь дядю Луиса? — спрашивает она.

— Нет, — отвечаю я ей. — Мы в порядке.

Поразвлекав его немного, я приношу племянника в гостиную, где Алекс и Бриттани разговаривают с моей мамой.

— Привет, брат, — говорит Алекс, затем указывает на мои боксеры, на которых разными цветами несколько раз написано Колорадо. Мои друзья подарили мне их перед тем, как я уехал. — Клевая пижама.

— Спасибо. — Я сажаю своего племянника себе на плечи, что делает его безмерно счастливым. — У меня Питерсон по химии. Соболезнования?

Бриттани и Алекс улыбаются друг другу.

— Однозначно. Она тиран, — говорит Алекс. — Брит, разве она не выдавала нам наказания почти каждый день?

— Я пытаюсь забыть о тех днях, — кривится Бриттани. — Я ненавидела тебя тогда, Алекс.

Он проводит тыльной стороной ладони по ее руке.

— Да ладно тебе, chica. Ты хотела меня даже тогда, просто не хотела признавать этого.

Бриттани прикусывает губу, смотря моему брату прямо в глаза. Он дотрагивается до ее щеки и притягивает ближе к себе, целуя ее.

Я стягиваю своего племянника с плеч, закрывая ему и себе глаза.

— Seriously, вы разве еще не вышли из стадии медового месяца? Вы уже на втором ребенке.

— Я не хочу выходить из этой стадии, — говорит мой брат.

— Я тоже, — вторит ему Бриттани.

Мама грозит мне пальцем.

— Не слушай их, Луис. Держи голову выше и не забывай о поставленных тобой целях. — Она протягивает ко мне руки, чтобы забрать Пако, и уносит его на кухню.

— Я почти не узнал это место, — говорит Алекс, окидывая взглядом мебель и деревянные полы.

— Дом выглядит замечательно, — соглашается Бриттани. — И район тоже сильно изменился.

— Ни говори, — отвечаю я. — У нас даже коп живет по соседству.

Алекс качает головой в замешательстве.

— Коп?

— Ага. Он также наш арендодатель. — Я не упоминаю ту часть, в которой думаю, что он еще к тому же и за мамой ухлестывает.

Алекс садится прямее, я его заинтересовал.

— Ваш арендодатель — полицейский?

— Я не думаю, что он понимает, что эта часть города чертовски бедна. У меня возникает чувство, что он хочет, чтобы южная часть Фейрфилда стала следующим Вринглвиллем.

Вринглвиль — это вычурный понтовый район, где расположен Стадион Врингли, центральное место тренировок бейсбольной команды Чикаго Кабс. Фейрфилд ничто по сравнению с Вринглвиллем, вне зависимости от того, что думает офицер Рейес.

— Полицейский живет в южной части Фейрфилд, — бурчит Алекс себе под нос. — Рад, что его тут не было, когда я был в старших классах. Я точно не играл по правилам, как ты, Луис.

Меньше он знает, крепче будет спать. Я задумываюсь над тем, какие правила я буду склонен нарушить с Марко и Марианой сегодня после работы.

— Хочешь пойти с нами в Брукфилдский зоопарк после завтрака? — спрашивает Бриттани. — Пако из штатов выпрыгивает, когда мы проходим через дом летучих мышей.

Я смеюсь.

— Как бы мне ни хотелось прогуляться с вами по зоопарку, но у меня куча домашней работы. А потом я работаю с трех до десяти.

Мой брат поднимает бровь.

— Ты получил работу в Брикстоун?

— Ты смотришь на нового помощника официанта, Алекс.

— Помощник официанта? — Бриттани качает головой. — Не думаю, что тебе стоит это делать. Ты в отличной спортивной форме и слишком умен для этого. Им следовало поставить тебя на входе и к бассейну, в качестве спасателя или что-то вроде этого. Не соглашайся.

— Это деньги, — говорю я, пожимая плечами.

— Это унижительно, — парирует она.

Я снова пожимаю плечами. Бриттани вырастила богатенькая белая семья, она понятия не имеет, что значит быть бедным. Или мексиканцем. Я знаю, что нам нужны деньги, и в том месте неплохо платят. Что такого в том, что я буду подливать воды и носить грязную посуду. Не такая уж это и трагедия. Всем известно, что мексиканцы выполняют ту работу, которую белые выполнять не хотят. Я ничего не имею против. И я знаю, что через месяц добьюсь-таки того повышения до официанта.

После завтрака Алекс, Бриттани и Пако уезжают. Я получаю несколько сообщений от Марко, он приглашает меня потусоваться с парнями до работы, но этому придется подождать. Мне нужно поддерживать хорошие оценки. Если я не буду этого делать, то могу попрощаться с программой авиации.

Подготовившись к тестам по математике и истории США, я иду пешком на работу. Погода все еще нас балует, но я знаю, что это ненадолго. Весна в Иллинойсе тоже бывает милой, прямо

перед изнуряющим летом. Но что на самом деле сбивает тебя с ног, так это мороз и ледяной ветер, бьющий в лицо и заставляющий тебя желать переехать туда, где никто не знает, что такое снег. Снег в Чикаго сильно отличается от снега в Боулдере.

Фран Ремингтон встречает меня на входе и ставит меня работать с Ричардом, мужчиной средних лет с цыплячьими волосами, которые не двигаются на его голове. Они либо намертво склеены лаком, либо это парик.

В раздевалке для сотрудников мне выдают униформу — белые брюки и белую накрахмаленную рубашку с логотипом Брикстоун, вышитым на груди. Ричард переодевается в черные брюки, белую рубашку, которые дополняют черный пиджак и галстук. Он выглядит так, будто собирается на свадьбу. Я, с другой стороны, выгляжу, как уличный продавец мороженого.

Весь вечер я слеую за Ричардом. Клиенты заполняют обеденный зал, я помогаю подавать еду, убираю грязные тарелки, наполняю бокалы и, в целом, плыву по течению весь вечер без особых проблем.

До тех пор, пока не заходит Никки Круз с группой друзей. Они все белые, за исключением ее, что не должно меня особо раздражать, но, тем не менее, раздражает. Не удивительно, что она пренебрегает своей мексиканской стороной... она не общается ни с одним мексиканцем. Я не узнаю никого из них, но один из парней одет в черную футболку для гольфа, на которой вышито золотыми буквами Гольфная Команда Чикагской Академии.

Все знают, что Чикагская Академия — это эксклюзивная частная школа, в которую ходят дети из семей с большими деньгами. Их знают, как задирающих нос выскочек на дорогах, жрущих кучу бензина машинах. Поспорю, что ни один из этих *pendejos*[17] не знает разницы между карбюратором и генератором.

Никки одета в короткое розовое летнее платье, подчеркивающее ее формы. Черт, она выглядит отлично. Я не один, кто это замечает, потому что чуваки из Чикагской Академии, следующие за ней, в открытую глазуют на ее зад.

Ричард стучит меня по плечу.

— Ты почти облил водой Миссис Стейнберг, — говорит он, не особо радостным тоном.

— Извини, — бормочу я. Черт. Присутствие Никки сильно меня отвлекает.

Наблюдаю, как Никки и ее друзей проводят к столику в изолированном углу у окна. И таково уж мое везение — это часть зала Ричарда.

— Налей им воды, — говорит Ричард, указывая на стол Никки. Я слышу, как она тихо смеется над тем, что сказал один из парней.

Я подхожу к столу с графином ледяной воды. Я заведую водой — любого типа. Второй официант выполняет заказы остальных напитков.

— Какую вы желаете, простую, газированную или бутылочную воду? — спрашиваю их я.

Никки смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Луис, что ты тут делаешь?

— Я работаю здесь.

— Ты знаешь его? — спрашивает Никки один из парней из Чикагской Академии. Он пристально смотрит на меня, несомненно, оценивая, затем говорит ей: — Он твой двоюродный брат? — Поскольку мы оба мексиканцы, он думает, что мы родня? Идиот.

— Нет. Мы... эээ, — Никки запинается в словах.

— Мы ходим в одну и ту же школу, — заканчиваю я ее предложение.

— Мило, — говорит парень. — Мой отец учился в Фейрфилд до того, как они соединили южный и северный Фейрфилд вместе. Он говорит, что сейчас это полная помойка.

— Ты такой высокомерный, — отвечает Никки, но она больше изумлена, чем раздражена его комментарием. — Фейрфилд многонациональна, в отличие от заполненной только белыми школы, в которой вы учитесь.

— Ты так же высокомерна, как и я, дорогуша, — отвечает парень.

Дерек и его девушка, Кендалл, заходят в зал и присоединяются к группе. Дерек протягивает руку, и мы скрепляем приветствие рукопожатием.

— Как дела, чувак? Ты не говорил мне, что работаешь здесь.

— Мой брат знает...

Высокомерный парень стучит меня по локтю.

— Принеси нам газированной воды, — приказывает он, прерывая меня.

Дерек хмурится.

— Эй, Хантер. Тебя не учили в твоей вычурной школе не перебивать человека, когда он говорит?

Сноб закатывает глаза.

— Я только что отыграл восемнадцать лунок, Дерек. Я хочу пить. Засуди меня за то, что я

прошу этого парнишку принести мне попить.

— Окей, — говорю я снобу, но думаю: парнишка? Чувак моего же возраста, которого еще и Хантером зовут, только что назвал меня парнишкой. Невероятно.

Когда я возвращаюсь из кухни с газировкой и небольшой мисочкой с лаймом в руках, я наливаю ему воды.

Я также наполняю стакан Никки. Как бы мне хотелось не чувствовать запах ее духов, когда я наклоняюсь к ней.

Закончив с остальными, я занимаю себя другими клиентами. Я не задерживаюсь у стола Никки, подхожу, только чтобы забрать грязную посуду и наполнить стаканы.

Что-то привлекает меня в Никки и заставляет думать о том, каково это было бы, если бы мы начали встречаться. Это ее боевой дух, и тот факт, что ничего из того, что я делал, не заставило ее расслабиться. Она загадка, которую я бы совсем не прочь разгадать.

Ненавижу тот факт, что часть меня стесняется моей позиции помощника официанта перед Дерекком, Никки и Кендалл.

Когда они все встают, чтобы уйти, Хантер протягивает мне пятидесятидолларовую купюру.

— Вот, — говорит он, делая из этого показуху, как будто он жертвует на благотворительность. — Не трать это все в одном месте.

— Спасибо, чувак, — отвечаю я, хоть мне и хочется кинуть деньги ему в лицо. Или засунуть ему в задницу, где, как мне кажется, он хранит остальные. — Эй, Ник, — зову я, прежде чем она выходит из комнаты.

Она останавливается и оглядывается на меня.

Я знаю, что остальные парни наблюдают, поэтому я подхожу к ней ближе и шепчу ей на ухо:

— Кинь их, и, как только я закончу с работой, проведи время со мной, *mi chava*.

Она притягивает меня ближе к себе и шепчет мне на ухо:

— Мечтай, — затем с напыщенным видом выходит из комнаты, парни с растерянными выражениями на лицах смотрят на нее, затем на меня.

— Не следует тебе с ней заигрывать, — говорит мне Дерек перед тем, как последовать за остальными их друзьями из столовой.

— Почему нет?

— Потому что у Никки есть когти. Большие, и она выпускает их, когда ты меньше всего ожидаешь.

— Она меня не пугает, — говорю ему я.

Он хлопает меня по плечу.

— А должна.

Двадцать минут спустя я узнаю родителей Никки, заходящих в зал, и их также сажают в секции Ричарда.

— Луис, ты выглядишь знакомо, — говорит доктор Круз, смотря на табличку с моим именем.

— Мой брат, Алекс Фуэнтес. Мы виделись с вами и вашей семьей на его свадьбе.

— Ах, да. Вот почему ты выглядишь знакомо. Прошло уже немало времени.

Миссис Круз улыбается какой-то сдержанной, почти наигранной улыбкой.

— Алекс говорил нам, что вы переезжаете обратно в Чикаго. Если вам что-то понадобится, не стесняйтесь, звоните нам.

Я киваю, не уверенный, действительно ли она так думает, или просто говорит это из вежливости.

— Спасибо.

Присутствие доктора и миссис Круз заставляет меня забыть о том, что мне нужно

обслуживать остальные столики до тех пор, пока Ричард не толкает меня, напоминая, что меня ждет работа и мне следует приступить к ней, иначе я буду уволен.

Я выпрямляюсь и возвращаюсь к работе.

— Какую вы желаете: газированную, бутылочную или простую воду?

Глава 14

Никки

Парни из Чикагской Академии все одинаковые. С раздутым эго, и считающие себя горячими жеребцами. После обеда я с друзьями отправляюсь на Брикстоунскую волейбольную площадку. Мой брат исчез еще до обеда, ему нужно было попасть в игровую комнату, потому что кто-то побил его рекорд в игре-симуляторе мотоциклов. А родители уехали на какую-то лекцию в Брикстоунском конференц-зале.

Хантер МакБрайд сидит рядом со мной, вместе с группой парней и девушек из Чикагской Академии. Они живут в моем районе, так что я знаю их вечно, но из средней школы они ушли в частные академии, в то время как остальные из нас пошли в государственные. Моя мама хотела, чтобы я тоже пошла в Чикагскую Академию, но так как все мои друзья шли в государственные школы, я решила остаться с ними.

Смотрю, как разговаривают Кендалл и Дерек, сидя на другой стороне площадки. Даже не знаю, кто из них выглядит более несчастным. С тех пор как начались разговоры «в какой колледж мы пойдем», у них куча проблем. Думаю, они наконец-то поняли, что их отношения не продлятся вечно.

Хантер слегка подталкивает меня локтем и спрашивает:

— Никки, правда или действие?

Я откидываю голову назад.

— Только не эта глупая игра. В последний раз, когда мы играли в «Правда или действие», все закончилось тем, что мне пришлось съесть три гамбургера, а после меня вырвало.

— Тогда я позволю тебе начать.

Глаза всех сосредоточены на мне. Вздыхаю, задаваясь вопросом, как я оказалась в такой ситуации. Нужно чтобы Кендалл вытащила меня отсюда, но в данный момент она поглощена своими проблемами с Дерекком.

— Давай же, Никки, — говорит парень по имени Мейсон. — Теперь твоя очередь отомстить Хантеру за бургер-инцидент.

Я буду играть, но только потому, что у меня есть право начать игру.

— Хорошо... Хантер, правда или действие?

Он не колеблется.

— Действие.

Теперь мне нужно придумать ему задание. И тогда он узнает, где раки зимуют, прежде чем начинать играть со мной в эту глупую игру.

— Держу пари, ты не прыгнешь в бассейн в одежде.

— Прыгну.

— Правда что ли? — Не думала, что он согласится, ведь казалось, что вся его одежда подлежит только химчистке, или ручной стирке.

— Да, — говорит он, — но ты должна пойти со мной в качестве свидетеля.

Разумно. Остальные ребята ждут нас на волейбольной площадке, пока Хантер и я идем по траве к открытому бассейну.

— Ты действительно собираешься прыгнуть? — спрашиваю я.

— Абсолютно. — Он шевелит бровями. — Сделаю все, что скажешь.

Я закатываю глаза. Хантер не может смириться тем фактом, что я не встречаюсь с ним из-за

того, кем он являлся. Он сказал, что цель его жизни — это заставить меня сказать «да» на предложение сходить на свидание, поэтому он сделал из этого своеобразную игру. Большинству девушек до смерти хочется узнать, какого это — быть с Хантером МасБрайдом, сыном крупнейшего магната недвижимости в Чикаго. Он встречается с девушками раз или два, а потом устаёт от них. Хотя он и знает, что мы никогда по-настоящему не будем с ним вместе, все равно не оставляет своих попыток.

Я не должна ему подыгрывать, но я делаю это. Хантер богатый безобидный парень, которому нужны в его жизни друзья, такие, как я, чтобы спускать его с небес на землю. Это нелегко... годы избалованности и исполнения всех капризов разложили его мозг. Кендалл думает, что он безнадежный, но я думаю о нем, как об одной из собак в приюте, в котором я помогаю — ему просто нужно немного тренировки.

Мы открываем ворота в бассейн Брикстона, который официально закрыт для посетителей, так как уже больше десяти часов.

— Так что за дела у тебя с тем парнем, помощником официанта?

— Ничего такого.

— Ага, ну да. Он смотрел на тебя все время. Я видел, как ты сама за ним наблюдала, больше чем несколько раз.

— Я не делала это. Ты меняешь тему, — говорю я, потому что чувствую, как мое лицо становится горячее просто от разговора о Луисе. — Тебе лучше поторопиться и прыгнуть в воду до того, как придет охрана.

Хантер садится в шезлонг и снимает свои туфли.

— Я сказала в одежде, Хантер.

Он смеется.

— Это туфли от Эдварда Грина, сделанные на заказ, дорогая. Я не собираюсь мочить их.

Я беру одну из его драгоценных туфель, становлюсь у края бассейна и делаю вид, что бросаю её в воду.

Его глаза расширяются.

— Не следует делать этого.

— А если бы я бросила? — спрашиваю я, кидая ему туфлю обратно. Ему нужно знать, что материальные вещи не должны так много значить.

Он ставит обе туфли аккуратно под стул. Это заставляет меня задуматься: одежда в его шкафу тоже аккуратно сложена и рассортирована по цветам?

— Если бы ты бросила мой ботинок, я сделал бы это! — говорит он, потом, удивив меня, подхватывает и прыгает со мной в бассейн, крепко держа в своих объятиях.

Я выныриваю, сплевывая воду.

— Я убью тебя!

Подплываю к краю бассейна полностью промокшая, размышляя о том, как я буду объяснять это моим родителям. Я вылезает из воды и отжимаю волосы.

— Я ненавижу тебя.

— Нет, ты не ненавидишь меня. На самом деле, я думаю, что я тебе немножко нравлюсь.

— Здесь ты ошибаешься. Ты должен мне новые туфли, — говорю я ему.

— Нет проблем. Когда я могу заехать за тобой, чтобы поехать по магазинам? — Хантер вылезает из бассейна. Его рубашка прилипла к груди, а штаны к ногам... и он смотрит прямо на мою грудь. Я смотрю вниз и понимаю, что моё платье прилипло к коже.

— Никогда. Я по электронной почте пришлю тебе свой размер и изображение туфель.

Хантер смотрит на мои каблук.

— Кто их дизайнер?

— Я не знаю. Я приобрела их в Target.

Он смеется.

— Ты знаешь, какая ты милая?

— Не тогда, когда я мокрая и макияж течет по лицу. Я уверена, что выгляжу ужасно, благодаря тебе.

— Ты выглядишь горячей, Ник. Супер горячей. Он подходит ближе. — Мы оба мокрые. Ты знаешь, что это значит, не так ли?

— Что я больше никогда не буду играть в правду или действие?

— Нет. Думаю у нас есть что-то общее. Возможно, во мне нет ничего мексиканского, но мы оба промокли насквозь.

— Ты хватаешься за соломинку, Хантер. То, что мы мокрые, ещё не означает, что у нас есть что-то общее.

— Просто замолчи и смирись с этим. Ты же знаешь, я всегда готов, если тебе вдруг приспичит повалить дурака. У тебя нет парня, у меня нет девушки...

Он наклоняется, чтобы поцеловать меня, но я кладу руку на его грудь и останавливаю его.

— Серьёзно, не смей меня.

— Давай, Ник, — он смотрит вниз на мою грудь. — Твое тело говорит тебе кое-что.

Если это он о том, что у меня через одежду видно соски, так всему виной прохладные порывы ветра, от которых меня знобит. Мы сейчас в пригороде Чикаго — и ни одна девушка не застрахована от чикагского ветра.

— Бассейн закрыт для посетителей, — говорит парень из-за ворот. А позади него куча сотрудников, готовых «после закрытия» прыгнуть в воду и поплавать. Луис тоже там, разговаривает с официанткой из столовой.

— Бассейн закрыт? — спрашивает Хантер, словно впервые о таком слышит. А после подмигивает мне, чтобы я подыграла ему. Он отлично справляется с ролью идиота, ничего не скажешь.

— Вы можете вернуться завтра, — говорит парнишка — охранник. — После десяти бассейн открыт только для сотрудников.

— Извините, — Хантер хватается за свои туфли, потом берет мою руку в свою и выводит меня из бассейна.

— Привет, — говорит Луис, когда Хантер и я проходим мимо него.

— Привет, — отвечаю я, как дура.

Я вынимаю свою руку из хватки Хантера.

— Напомни мне, чтобы я больше никогда снова не играла с тобой в правду или действие.

Хантер смеется.

— Ты шутишь? Это было весело. Держу пари, я мог бы заплатить тому охраннику и мы могли бы остаться. Ты должна прийти ко мне домой в следующий раз и отправиться со мной в наше джакузи.

— Мечтай.

По ту сторону волейбольной площадки вижу своих родителей, разговаривающих с моими друзьями.

— Что с вами случилось? — спрашивает нас папа, когда быстрым взглядом осматривает нашу промокшую одежду. — Вы оба мокрые.

Я не собираюсь признаваться, что играла в правду или действие. Лучше изображать глупого подростка.

— Хантер думал, что было бы весело, если б мы пошли купаться в одежде, — говорю я ему.

Хантер открывает широко рот в притворном шоке и осуждающе указывает на меня.

— Она заставила меня сделать это.

Мама качает головой.

— Я думаю, что вечеринка закончилась, Никки. Пора домой.

— Я иду с тобой, — говорит Кендалл и присоединяется к нам. Она оставляет Дерека дуться в одиночестве.

Пока мы идем к машине, я смотрю на участок у бассейна, где все ещё тусуются сотрудники. Хотя участок не полностью освещен, я могу видеть Луиса на одном из шезлонгов, по-прежнему говорящего с девушкой из столовой.

— Мы столкнулись с Луисом Фуэнтесом, — говорит папа, когда мы начинаем ехать домой.

— Ты помнишь его, не так ли, Никки? Очень умный мальчик.

— Я знаю, — говорю я. — Он в моем классе по химии.

— Я подозреваю, у Луиса теперь будет неконтролируемый период, так как он вернулся в южную сторону, — говорит мама предупреждающим тоном. — Не связывайся с ним.

— Я едва сказала ему два слова, — говорю я чрезмерно опекающей меня матери, когда на самом деле мне хочется застонать от расстройства.

Было легко отклонять ухаживания таких парней, как Хантер, потому что я не чувствую связи с ними.

Когда Луис и я в одной комнате, я кожей это чувствую, поэтому размышляю о том, как долго я смогу держать защитную стену, прежде чем он пролезет через неё. Его развязность, его уверенность, его заигрывания ... они делают меня слабой, и я должна постоянно напоминать себе, что такой парень, как Луис, может заставить меня потерять контроль.

Остаться сильной никогда не было так тяжело.

Глава 15

Луис

В понедельник утром, как только я захожу в школу, я вижу Никки, ждущую меня у моего шкафчика.

— Каковы мои шансы на то, что я смогу убедить тебя сменить работу? — спрашивает она меня.

Она говорит это так, как будто я могу найти другую работу по щелчку пальцев.

— В чем проблема, chica?

— Проблема в том, что я не хочу, чтобы мои друзья интересовались тем, откуда мы знаем друг друга, или думали, что между нами есть что-то... чего между нами нет.

— Тебе не все равно, что думают другие?

— Мне не все равно, — отвечает она. — Все знают, что у меня нет парня и что я не хочу его заводить.

Я смеюсь.

— Кто тогда тот парень, с которым ты была в бассейне в субботу вечером?

— Хантер — просто друг. — Она скрещивает руки на груди, при этом неплохо имитируя нашу преподавательницу по химии. Все, что ей еще нужно, так это взгляд, плавающий метал.

— Так ты просто перепихиваешься с теми, кто не является твоим парнем? Ничего себе, — говорю я.

— Я не перепихиваюсь.

Марко засовывает свою голову между нами.

— Да, Никки, перепихиваешься. У меня информация из первоисточника. — Он шлепает меня по груди тыльной стороной ладони. — Но ей нравится называть это «заниматься любовью». Разве не правда, puta[18]?

— Прекрати, чувак, — говорю я Марко серьезным тоном, но когда я смотрю в его налитые

кровью глаза, вижу, что он пьян.

— Чего это я должен прекращать? — Марко обвивает рукой Ники и насмешливо целует ее в щеку. Она и бровью не ведет. — Нашей Ники нравится поразвлечься, разве не так, малыш?

Она кривится. Я отталкиваю его от нее и говорю ему:

— Чувак, серьезно. Не будь *pendejo*[19].

В ту же секунду Ники убегает вперед по коридору и исчезает из виду.

— С тех пор, как мы расстались, все, что она делает, так это тусуется с богатенькими белыми. Ей не помешает напомнить, каково это — быть с латинским жеребцом, — говорит Марко.

Я беру книги из шкафчика и направляюсь в класс.

— Тебе следует пойти домой и выспаться, чтобы то, чем ты сейчас накачан, выветрилось.

— Нужно быть в школе, — отвечает он. — Если пропущу, мне не разрешат принять участие в отборе для команды по футболу.

Пробы для футбольной команды сегодня и завтра после школы. Футбол не был очень популярным спортом в Флатайрон Хай, но в Фейрфилде, видимо, это большое дело, потому что все только об этом и говорят. Даже несколько девчонок собирались смотреть, как парни будут пробоваться.

Я не видел Ники до конца дня, до химии.

Она стоит у лабораторного стола напротив меня.

— Как дела? — спрашиваю я. Она не отвечает. — Марко не серьезно говорил это сегодня утром.

— Он был серьезен. Вы, парни, все одинаковые. Оставьте меня в покое.

— Почему Ники так меня ненавидит? — спрашиваю я Дерека.

Он смеется.

— Ники ненавидит всех парней, напоминающих ей Марко. Ты мексиканец, он — мексиканец... и хуже того, вы друзья. Этим все сказано.

— Значит она предпочитает таких, как Хантер?

Он качает головой.

— Не спрашивай меня. У меня в моих отношениях проблем хватает; последнее, чего я хочу, так анализировать чьи-то еще.

Пока мы ждем инструкций от Питерсон, Дерек и я начинаем готовить лабораторный стол к использованию.

— У тебя когда-нибудь была девушка? — спрашивает он меня.

— Серьезной... не было, были те, которые не длились больше пары месяцев. — Я встречался с девчонкой, когда жил в Мексике, но я не нравился ее родителям. Они говорили, что не хотят, чтобы их дочку видели с каким-то бедняком. Поспорю, если бы ее родители знали, что я снова живу в США, они бы локти себе кусали по поводу нашего расставания. Получить билет в одну сторону в Штаты, не пересекая границу, как какой-то беглец, это как выиграть в лотерею.

— Наша компания собирается посмотреть на тебя на пробах по футболу, — говорит Мариана, наклонившись через лабораторный стол. — Я слышала, что ты идешь.

Ники фыркает.

— Первый стол, я слышу разговоры, — кричит Питерсон с другого конца комнаты. — Вы хотите четыре наказания? А то у меня есть несколько запыхавшихся листовок в моем столе. Вы знаете, как я ненавижу пыль.

После последнего звонка мы с Дерексом направляемся в раздевалку. Во время проб социальные различия размыты. Тренер определяет меня и Марко в одну команду, и мы превосходим всех. Другая команда не может забить даже одного гола. Джастин Дуган, который

оказывается нашим вратарем, толкает меня сзади, когда я становлюсь близко к нашей сетке, чтобы заблокировать мяч.

— Какого черта, Дуган. Если ты не заметил, мы в одной команде.

— Ой, — говорит он с сарказмом, потом протягивает руку так, чтобы любой наблюдающий подумал, что он собирается помочь мне встать.

— Ты родился придурком?

— Заткнись Фуэнтес. Мы можем быть в одной команде, но мы никогда не будем в одной лиге.

Дерек встает позади меня.

— Дуган, отвали.

— Все нормально, — говорю я Дереку и игнорирую Дугана все оставшееся время.

Под конец тренировки все ребята идут к лавке с хот-догами в квартале от школы. Дерек занят всю дорогу. Он достает свой телефон и начинает набирать смску, через минуту мы забираем свои хот-доги и садимся.

— Ты давно встречаешься с Кендалл? — спрашиваю я его.

— С лета, — отвечает он. — Она не доверяет мне. Она думает, что я собираюсь обмануть её и найти кого-то ещё, если мы пойдем в разные колледжи. — Он хватает жареную картошку. — Ты знаешь, я люблю её. Я даже не могу представить себя с кем-нибудь другим.

— Она знает, что ты серьезен в отношении нее?

— Черт, Луис, я говорю ей это все время. Никки забивает ей голову негативом и сомнениями с тех пор, как мы начали встречаться. Не пойми меня неправильно... Я считаю Никки клевой, но она думает, что все мы хотим трахнуть как можно больше девчонок. Я мечтаю, чтобы у неё появился парень, и тогда бы она расслабилась.

Он кивает в мою сторону.

— Ты бы встречался с ней?

Я думаю о злющем отношении Никки, смешанным с ее тонкой уязвимостью, которая заинтриговывает меня так, что этому нет предела. У нее также охренительно красивое тело, которое вызывало у меня больше, чем несколько фантазий. Я боюсь того, что если я приглашу её на свидание, я не захочу отпустить её. У меня есть план, и он не включает в себя быть привязанным к девушке.

— Так ты бы встречался с ней, или как? — спрашивает Дерек снова.

— Я бы встречался с ней, — соглашаюсь я.

— Я предложил Кендалл пойти ко мне на лодку в следующие выходные. Ты должен пойти с нами... Я скажу, чтобы она привела Никки.

— Никки не пойдет, если узнает, что я буду там, — говорю я ему.

— Оставь это мне.

Незнакомый парнишка проходит мимо нас.

— Привет, Бен! — говорит Дерек.

Паренек машет в ответ и направляется в игровой зал на другой стороне.

— Это Бен Круз, брат Никки, — объясняет Дерек. — Он восьмиклассник и полностью замкнут, если ты не играешь в игры.

— Игрок, да? — говорю я.

— Да.

Я бреду в игровой зал после того, как заканчиваю есть, и большинство парней уходят.

Бен играет в какую-то инопланетную стрелялку.

— Ты брат Никки, правильно? — спрашиваю я, прежде чем он засовывает другой жетон в прорезь.

Он смотрит на меня, затем возвращается к игре.

— Я Луис Фуэнтес.

Он начинает расстреливать инопланетян.

— Я знаю тебя. Ты брат Алекса.

— Откуда ты знаешь?

Он пожимает плечами.

— Фотографическая память, наверное.

Геймеры любят, когда с ними разговаривают на их языке.

— Ты когда-нибудь играл в Варкрафт?

— Конечно.

— У них немного стремная графика. — Я играл в Ворлд оф варкрафт, но бесплатный период кончился, а ежемесячную плату я бы вносить точно не смог. — Но классная игра, — говорю я ему.

Когда он узнает, что я играл в Ворлд оф варкрафт, его лицо загорается.

— Я играл в неё два года, — говорит он. — Я проектирую свою собственную игру с клевой графикой и с уровнями, как в Варкрафте. Никого это не волнует, кроме геймеров. Я показал бы её тебе... — Он колеблется. — Но ты, наверное, не захочешь пойти ко мне домой.

— Почему нет?

— Потому что, я ботаник-восьмиклассник, а ты старшеклассник, который ходит с крутыми ребятами и спортсменами. Кроме того, я слышал, как моя сестра говорила своим друзьям, что ты придурок.

Марко кричит:

— Эй, Луис. Мы идем тусоваться в дом Хуана. Пошли с нами, я дам тебе прокатиться.

Бен застывает, как только голос Марко звучит в воздухе. Бедный парень до смерти боится Марко. Это из-за Никки? Или у Бена и Марко были проблемы в прошлом?

— Я собираюсь остаться здесь, — говорю я Марко.

Он смеётся.

— Ок. Но, когда тебе надоест играть с ботаниками, позвони мне.

Бен притворяется, что не слышит обидных слов. Мы разговариваем о сетевых играх и простых традиционных. Проходит немного времени, прежде чем Бен настаивает на том, чтобы мы пошли к нему домой и он показал мне ту игру, над которой работает и которая будет сочетать в себе и то, и другое. Парнишка так воодушевлен, как, думаю, я не был бы, свались на меня сейчас бесплатная Камаро. Проследовав за Беном к их дому, я оказываюсь впечатлен. Внутри каждая комната отделана странными линиями и цветовыми гаммами.

А компьютерная комната украшена темой джунглей, в комплекте с чучелом тигра в углу.

У Бена огромный навороченный компьютер с монитором, похожим на экран телевизора. Могу поспорить, все это стоит около четырех штук.

Бен объясняет правила игры, которую он создает. Я выбираю роль победителя драконов, и моей миссией становится убийство огромного дракона, охраняющего принцессу. Посреди моей битвы дракон замирает. Бен забирает у меня джойстик.

— Надо исправить эту ошибку, — говорит он. Я пытаюсь помочь ему, но компьютерное программирование не самая сильная моя сторона.

— Что ты тут делаешь? — спрашивает Никки, заходя в комнату.

— Игру в видеоигры с твоим братом.

— Он восьмиклассник, — говорит она.

— Ну и что? Луис — геймер, — говорит Бен с гордостью. — Как и я. Мы, геймеры должны держаться вместе.

Никки смеётся надо мной.

— Луис не геймер, Бен. — Она фыркает от раздражения и выходит из комнаты.

— Я скоро вернусь, — говорю я Бену и следую за Никки. Она направляется к лестнице, но я хватаю ее за локоть и заставляю посмотреть на меня. — В чем твоя проблема?

— Ты мне не нравишься.

— Ты даже не дала мне шанса.

Она смеется.

— Мне это не нужно. Ты слишком дерзкий для своего же блага.

— Это прикрытие для моей чрезвычайной неуверенности в себе в отношении тебя. Может, если бы мы поцеловались, то проверили бы, существует между нами химия или нет.

— Только один поцелуй?

Я киваю.

— Ты не знаешь, что упускаешь.

Она сокращает между нами расстояние и, перед тем, как мой мозг успевает понять, что происходит, Никки хватается за волосы на затылке и притягивает к себе так, что наши губы почти соприкасаются.

Вот вам и адреналин раш.

— Ты целуешься только губами? — шепчет она, и прикасается своими к моим. — Или ты любишь чем-то это разнообразить? — Ее язык проскальзывает между моих губ и двигается в медленном, чувственном ритме, от которого в моем сознании возникают картинки, изображающие нас вместе в более интимной обстановке.

Я держу руки по швам, позволяя ей управлять ситуацией. Это означает, я все еще себя контролирую, даже при том, что поцелуй контролирует он. Уверен, она просто играет со мной, пытаюсь завести и кинуть после.

Я непоколебим. К тому же, думаю, это она, кто сейчас теряет весь контроль.

— Мне точно нравится разнообразие. — Я провожу своим языком по ее. Он горячий и влажный и ощущение просто сногсшибательное. Она издает тихий стон, который, я могу поклясться, звучит, как «О, Луис», и в этот момент контроль покидает и меня.

Никки сама по себе адреналин раш. Я отстраняюсь и нежно беру ее порозовевшую щеку в руку.

Мы просто смотрим друг на друга.

— Что ты делаешь? — спрашивает она.

— Смотрю на тебя. Между нами существует огромная химия, не так ли?

— Не-а, — она не разрывает контакт, надеясь, что это я первым отведу глаза. И когда я этого не делаю, она делает шаг назад и расплывается в огромной, наглой улыбке. Она цокает языком и качает головой. — Прости, Луис, но тебе необходимо немного практики. Движения твоего языка были немного неуклюжими. Это было неплохо. У тебя есть потенциал, но, очевидно, мы просто несовместимы.

Ошарашено стоя там, я думаю о том, что эта девчонка — ведьма, а не ангел. Она точно заколдовала меня, и я практически готов умолять ее дать мне шанс попробовать еще раз — сейчас. Это не было всего лишь нормально, и движения моего языка совсем не были неуклюжими. Я часто с девчонками целовался. С множеством девчонок. Никто никогда не жаловался.

Когда я смотрю в её глаза, и её взгляд встречается с моим, в нем что-то есть. Это бесспорно. Никки вытирает губы тыльной стороной руки.

— Не смей никому говорить, что мы целовались.

Почему? Потому что я бедный мексиканский парень, и после Марко единственные парни,

которые достойны её, имеют пятидесяти долларовые купюры, которыми они размахивают вокруг, как бумагой?

Бен входит в комнату и спрашивает:

— Что вы здесь делаете, ребята?

— Ничего, — говорит Никки.

В то же самое время я произношу:

— Мы с твоей сестрой просто целовались.

Глава 16

Никки

Иногда некоторые вещи лучше оставить в прошлом. Тот факт, что я поцеловала Луиса, как раз из этой серии. Это не было так уж плохо, как я сказала... и, по правде говоря, я не могу прекратить думать о повторении этого. Но он не должен знать об этом. Всю неделю во время школы мне удаётся избежать разговоров с ним, и это здорово. Кроме того, требуется много энергии, чтобы избегать кого-то, кого вы не можете не заметить.

Воскресным утром я помогаю в приюте для животных рядом с моим домом. Когда я прихожу, менеджер Сью говорит мне, что сегодня утром к ним поступила собака по кличке Гренни.

— Она слепая, — добавляет Сью, и мое сердце немного разрывается на части. — Бульдог. Вероятно, около девяти или десяти лет. Ее пожилой владелец умер, и никто в семье не смог взять собаку.

Я видела, как старые собаки умирают в своих клетках в приюте, потому что мало кто хочет взять к себе собаку и, как правило, платить, в итоге, большие деньги на ее медицинское обслуживание. Кроме того, люди не хотят брать собаку, которая не пробудет рядом долгое время.

— Где она?

— Клетка тридцать три. Ты можешь сходить к ней, а затем приступай к вычищению клеток с западной стороны.

Я немедленно направляюсь к клетке тридцать три. Гренни лежит в углу, опустив голову на землю.

— Привет, девочка, — говорю я, когда открываю клетку.

Она поднимает голову, когда я глажу её, и кладет ее на мои колени. Довольно быстро я узнаю, что Гренни нравится, когда ей гладят животик. Я беру её на прогулку, веду к открытому травянистому участку в задней части, чтобы она могла обнюхать все кругом.

Выгуливая остальных собак, я все время думаю о Гренни. И возвращаюсь к её клетке, чтобы почесать ей животик еще пять раз.

— Я вернусь завтра, чтобы проверить Гренни, — говорю я Сью во время моего перерыва.

— У тебя же завтра выходной.

— Я знаю. Но я заметила, что её миска была полна. Я покормила её с руки. Если она и завтра не поест, я все равно помогу ей.

Сью закатывает глаза.

— Она будет есть, Никки. Здоровые собаки не моят себя голодом.

— Подавленные так делают, — отвечаю я. — Она в депрессии.

— Жаль, что у нас нет денег на собачьего психотерапевта, да?

Ничего, у неё есть я.

Я трачу остальную часть времени, ухаживая за другими собаками, до того, как я уйду из приюта и отправляюсь домой, в душ.

Когда я подхожу к своей подъездной дорожке, Кендалл уже ждет меня. Она смотрит на грязные пятна на моих джинсах.

— На тебе полно собачьих микробов?

— Да.

Она поднимает руки вверх.

— Фу, не трогай меня. Я подожду снаружи, пока ты будешь принимать душ. Поторапливайся!

Мы давно планировали прокатиться на лодке Дерека на озере Фокс. На самом деле, это не его собственная лодка, а лодка его родителей.

Двадцать минут спустя я выбегаю из дома, чтобы провести остаток дня, отдыхая и загораая на лодке.

— Так... — говорит Кендалл. — Хочешь более подробно рассказать, что происходит между тобой и Луисом, начиная с поцелуя?

Я позвонила Кендалл после нашего поцелуя и все ей рассказала.

— Ничего. Ты знаешь, я сделала это с Луисом только, чтобы доказать свою точку зрения себе... и ему.

— И, твоя точка зрения заключается в том, что...

— Что я могу поцеловать парня, не становясь чересчур эмоциональной.

— И как, сработало?

Я смотрю в окно.

— Я не настолько неэмоциональна, насколько хочу быть. Я просто рада, что мы собираемся на лодке, где я могу разобраться со своими мыслями. Я не хочу быть ни с кем, Кендалл. Особенно с таким как...

— Как Марко? — говорит Кендалл, заканчивая мое предложение.

— Да. Я не могу сделать это.

Кендалл пожимает плечами.

— Что если Луис не такой? Что если он любит тебя, ты любишь его, и все будет хорошо?

— Это не работает таким образом. Ты любишь Дерека, и Дерек любит тебя, но у вас, ребята, все еще есть проблемы.

— Я все же еду к нему на лодку сегодня, не так ли? Я пытаюсь жить настоящим моментом, вместо того, чтобы заморачиваться о нашем неизбежном будущем.

— И это то, что, ты думаешь, должна сделать я?

После сорокаминутной поездки она поворачивает на гравийную дорожку.

— Я думаю, что ты должна быть счастлива. Ты наказывала себя два года, Никки.

— Я не хочу, чтобы мне опять было больно. — Я улыбаюсь и обнимаю ее. — Я люблю тебя за то, что ты хочешь, чтобы я была счастлива.

Кендалл была со мной после того, как я потеряла ребенка. Она слушала, как я плакала час за часом, день за днем, ночь за ночью, пока мои слёзы не закончились. Когда я нуждалась в ней, чтобы поговорить, она была со мной. Она говорила обо всем и ни о чем, пока у нее не начинало болеть горло. Когда я не хотела говорить, мы часами сидели молча. Она покупала мне мороженое и открытки с наилучшими пожеланиями и однажды сказала мне, что моё сердце исцелится, даже если шрамы на теле останутся навсегда.

— Просто попробуй повеселиться, хорошо? — Мы идем вокруг дома Дерека у озера и направляемся на его личную пристань.

— Эй, девочки! — Дерек кричит из лодки. — Вы опоздали.

— Никки смывала с себя микробы собак, — отвечает ему Кендалл. Первый раз за неделю Кендалл обвивает руками Дерека и целует его. Я рада, что дела у них уже лучше, но у меня есть сомнения.

Я потрясена, заметив Луиса, сидящего на носу лодки, одетого только в длинные плавки,

которые хорошо оттеняют его загорелую кожу и тонкую линию волос, простирающуюся от пупка, и скрывающуюся под плавками, которые низко сидят на бедрах. Вау. Я ненавижу себя за то, что не могу перестать смотреть на него.

— Кто тебя пригласил?

— Определенно не ты, — говорит он.

— Дай парню расслабиться, — вмешивается Дерек, сидя в капитанском кресле.

— Не думай, что это свидание, — тихо говорю я Луису, когда он предлагает мне руку, чтобы помочь забраться на лодку.

Луис хмурит брови.

— Кто сказал что-то о свидании? Я ничего не говорил. Эй, Дерек, ты говорил что-то о свидании?

— Вообще то, это сделал ты. Ты сказал, что хочешь пригласить Никки, но боишься сделать это.

Это будет интересным днем.

— Луис, между нами ничего не будет. Мы поцеловались. Это было неудобно. Все кончено.

Луис причмокивает губами и подмигивает.

— Как скажешь, *mi chava*.

— Прекрати называть меня так.

— Угу, — говорит он пренебрежительно.

Дерек заводит лодку, и мы летим по волнам. Я сижу напротив Луиса, а не рядом с ним, потому что боюсь схватиться за него изо всех сил, когда лодка высоко подпрыгивает на волнах. Мне нравится кататься по волнам, но не так быстро. К несчастью, Дерек не разделяет мою философию. Я сижу в стороне, держусь за поручень и молюсь, чтобы мы не перевернулись.

Я перевожу взгляд на Луиса. Он смотрит вниз, зачарованный тем, как вода разбивается о борт. Мы пролетаем волну, вызванную другой лодкой, я закрываю глаза и крепче сжимаю поручень.

— Ты боишься? — говорит Луис, перекрикивая рев двигателя. И вдруг он на моей стороне. Я чувствую жар его тела рядом с моим и хочу потянуться к нему, чтобы он держал меня, но вместо этого открываю глаза, чтобы посмотреть на пейзаж, пролетающий мимо.

Мне не нужен парень, чтобы чувствовать себя в безопасности. Я могу сделать это сама. Я хватаю поручень крепче.

— Я в порядке.

— Ты лжешь. Если ты будешь продолжать так крепко сжимать поручень, то перекроешь поступление крови к пальцам.

Он двигается ближе.

— Я хочу поддержать тебя, Никки. Ты позволишь мне?

Глава 17

Луис

Я не знаю, что именно не так с этой девушкой. Она одновременно уязвима и решительна. Она заставляет меня хотеть защитить её и вместе с тем разобрать слои той стены, которую она воздвигла вокруг себя.

— Позволь мне обнять тебя, — я говорю еще раз.

Она качает головой.

— Нет.

Я отстраняюсь от нее. Она отвергает меня.

— Это из-за Хантера или какого-то другого чувака?

— Нет. Это потому, что я не хочу, иметь серьезные отношения ни с каким парнем.

Я пожимаю плечами.

— Так давай не будем серьезными. Давай просто весело проведем время друг с другом и посмотрим, куда это приведет. Я не буду давить на тебя или настаивать на отношениях. Только настоящий я.

Я знаю, что она думает об этом. По крайней мере, она не отвергла меня в то же мгновение.

— Это было круто, не так ли? — кричит Дерек после того, как ставит лодку на якорь. Он бросает плот в воду и обратным сальто прыгает за борт.

Следующей прыгает Кендалл.

— Давайте, ребята! — Кричит она из воды.

Никки снимает шорты и майку, обнажив красный бикини с черной отделкой. Я смотрю, как она стоит на краю лодки, кончики ее пальцев свисают через край. Я загипнотизирован, но стараюсь не показывать этого.

— Так что... Луис? — Она смотрит на меня без своей обычной неприязни. Я замечаю игривый вызов в ее голосе. — Ты сказал, что мы должны повеселиться. Достаточно ли ты храбр, чтобы сделать решительный шаг?

Глава 18

Никки

Я спросила, присоединится ли он ко мне, в момент чистой слабости.

Мне не удастся долго изучать его атлетическое тело. Он становится на край лодки, вытягивает свои мускулистые руки над головой и ныряет в воду, как олимпийский чемпион. Я выглядываю за борт, ожидая, когда он вынырнет из воды. Когда этого не происходит, я начинаю волноваться.

— Где он? — спрашиваю я, паникуя.

— Меня ищешь? — говорит он. Его голос эхом звучит с противоположной стороны лодки.

Инстинктивно моя рука подлетает к груди.

— Никогда так больше не делай, Луис. Ты меня напугал до полусмерти. Я думала, что ты утонул.

— Учитывая, что он чемпион штата по плаванию, — говорит Дерек, подплывая к Кендалл, — мы не должны о нем волноваться.

Я хмурюсь. Луис — чемпион штата по плаванию? Я прыгаю в воду ногами вперед. Это не изящно, но я не чемпионка, это уж точно.

— Давай посмотрим, насколько ты быстр, Фуэнтес. Как насчет гонки? — Дерек показывает налево. — К буйку и обратно. Девушки начинают первые. — Кендалл и я немедленно начинаем плыть к буйкам.

Мальчики ждут, но недолго. Это несправедливая гонка, потому что Луис и Дерек обгоняют нас через пять секунд. Дерек состоит в команде по плаванию в Фейрфилде и может постоять за себя. Луис легко его обгоняет еще до того, как они достигают цели.

Дерек и Луис останавливаются у буйка и ждут меня и Кендалл.

— Что за задержка? — кричит Дерек.

Кендалл брызгает в Дерек, но он слишком далеко.

— Вы, парни, такие хвастуны.

— Это тестостерон, — говорит Луис, держась на воде без видимых усилий.

Я стараюсь плыть быстрее, но быстро устаю, и мне требуется передышка.

— У вас, девушки, нет выносливости, — говорит Дерек.

— Я покажу тебе выносливость, — Кендалл разворачивается и плывет к лодке. Дерек плывет за ней, в то время как Луис плывет ко мне.

— Ты в порядке?

Вода стекает с его губ, подбородка и волос. В этот момент он выглядит даже моложе, чем когда я первый раз встретила его.

— Я закончила гонку, если ты об этом, — говорю я ему, ложась на спину, чтобы тело отдохнуло.

Луис плывет рядом со мной, перехватывая брошенный Дерексом плот. Мы оба беремся за него. Некоторое время мы молчим, качаясь на волнах проезжающих мимо лодок, и просто смотрим на небо.

Он указывает на одно из облаков.

— Смотри, похоже на собаку, не так ли? Видишь уши и длинный хвост?

— По мне, так похоже на змею. Оно не может быть собакой, потому что у него нет ног.

Он смеется.

— Никто не идеален.

— Это правда. Я знаю это по своему горькому опыту, — выдаю я, показывая на другое облако, чтобы он не анализировал мой комментарий. — Это похоже на радугу.

— Нет, это черепаха, — говорит он. — Видишь, голова торчит?

— Ты не прав, это не голова. Это горшок золота на конце радуги, — говорю я с ирландским акцентом, протягивая руку я провожу по контуру радуги и горшку с золотом пальцем.

— Ты уверена? — спрашивает он.

— Абсолютно. Я эксперт в рассматривании облаков.

— Ты никогда не задумывалась, как Земля будет выглядеть из космоса?

Я никогда не задавалась этим вопросом.

— Я видела картинки и видео. Выглядит, как огромный шар.

— Я имею в виду, сделать это самому. Ты бы сделала это, если бы представилась возможность? — Он отпускает плот и заводит руки за голову, лежа спиной на воде и смотря в небо. — Я сделаю что угодно, чтобы попасть туда.

— Ты можешь умереть на пути вверх... или вниз.

— Меня это не волнует. Быть так близко к луне и звездам, знать, что вселенная бесконечна.

— Ты замечтался, Луис. Вернись на землю. — Я брызгаю на него.

Он наклоняет голову в сторону и нагло говорит:

— Просто чтоб ты знала, я отомщу.

Я брызгаю на него снова.

— Я тебя предупреждаю.

Я брызгаю на него в третий раз и говорю:

— Докажи это.

Он ныряет. Я бью ногами по воде, пытаюсь предугадать, что же он будет делать.

— Луис, если ты меня напугаешь или утопишь, клянусь, я убью тебя. Я шутила, когда говорила «Докажи это».

Я продолжаю дрыгать ногами. Нет никаких признаков Луиса рядом со мной, даже малейшего плеска воды. Ожидание сводит с ума. Я знаю, что он где-то здесь, если, конечно, он на самом деле не является рыбой или дышит под водой каким-то волшебным способом. Он вынырнет... но когда?

Он выныривает рядом со мной, создавая большой всплеск воды. Я громко вскрикиваю, как самая настоящая плакса, что заставляет его смеяться. Вытирая воду рукой с лица, он говорит:

— Ты не такая уж и храбрая, как думаешь, *mi chava*

— Я храбра, когда парни не подкрадываются ко мне.

— Я не подкрадываюсь.

— Преследуешь?

— Этого я тоже не делал. Когда мне нравится девушка, я не трачу зря время. В третьем классе я положил в стол Селены Ибарра любовное письмо.

— Что произошло? Она прочитала его?

— Да. Она посмеялась. А потом показала его каждому на площадке. Надо мной насмеялись, пока мой брат Карлос не пригрозил надрать задницы каждому, кто издевался надо мной. Никто больше после этого не беспокоил меня. Карлос бывает пугающим, когда он этого хочет.

— Ты думаешь, он надерет мне задницу, если я буду смеяться над тобой?

— Он в армии, за границей. Я думаю, ты в безопасности.

— Хорошо. Тогда он не будет возражать, если я сделаю это. — Когда я тяну руку, чтобы обрызгать его, он с легкостью ныряет, а когда выныривает, мы оказываемся нос к носу.

Мое дыхание становится более глубоким и частым. Я не знаю, почему это происходит, то ли потому, что я пробыла долго в воде, то ли потому, что он так сильно напоминает мне Марко. Внезапно в глазах темнеет, и начинает кружиться голова.

— Эй, — говорит он. — Что случилось?

— У меня внезапно закружилась голова.

Я тянусь и с силой хватаю его за руку для поддержки.

— Ты в порядке? — спрашивает он, беспокойство звучит в его голосе. Его свободная рука обхватывает меня за талию и удерживает крепкой, уверенной хваткой.. как настоящий герой. Наши ноги соприкасаются под водой, и это кажется очень интимным, хотя это не так.

Я быстро вынимаю свою руку из его.

— Прости... Просто закружилась голова на секунду. Я в порядке.

Я думала, Марко был моим героем, но это не так. Герои — всего лишь выдуманные персонажи в сказках. Они не существуют. По крайней мере, в моем мире их нет. Но Луис был близок сегодня к одному из них.

Он направляет меня обратно к лодке, находясь рядом со мной все время и периодически спрашивая, в порядке ли я. Перед тем как взобраться на лодку, он дотрагивается до моей руки.

— Никки?

— Да?

— Просто знай, я отлично провожу время.

Я киваю и одаряю его небольшой улыбкой.

— Я тоже. Хорошо, что мы установили, что это не свидание.

— Я должен предупредить тебя, что планирую потратить остаток дня, меняя твое мнение, — говорит он с огромной ухмылкой на лице.

Глава 19

Луис

После футбольной практики в понедельник мы с Марко зависаем у него дома. Марко закатывает глаза, когда я настаиваю на том, чтобы сделать домашнюю работу перед тем, как пойти на вечеринку какого-то парня.

Покончив с домашкой, мы с Марко забираемся в черный внедорожник с тонированными стеклами и едем по городу.

— Я проводил время с Никки, — говорю ему я, когда мы поворачиваем на Грин Бей Роуд.

— Я знаю.

— Есть проблемы с этим?

— С чем у меня по-настоящему проблема, так это с тем, что ты тусуешься с Дерекком и Беном — парнями с северной стороны. Ты должен быть с нами. Ты один из нас, Луис.

— Я же не кидаю вас.

— Просто помни, на чьей ты стороне. Comprendes, amigo[20]?

— Si.[21]

— Bien[22]. А теперь поехали на пляж, там тусуются настоящие латино.

Я не говорю ему, что Никки настоящая латино, и о том, что я не могу выкинуть ее из головы. После нашего «несвидания» на лодке Дерек она сказала, что ей нужно побыть вдали от меня. Я могу ей это дать, но не буду отрицать, что хочу быть с ней.

Марко едет в сторону озера Мичиган. Он не паркуется около публичного пляжа, вместо этого он поворачивает направо и направляется к изолированной части, где раньше ошивались Кровавые.

— Почему здесь? — В Фейрфилде Кровавые больше не активны, поэтому я думал, что этот пляж пустует. Но это не так.

— Ты разве не слышал новости? — спрашивает Марко.

— Какие новости?

— Чу вышел из тюрьмы в пятницу.

Чу — один из самых опасных ублюдков. Я не думаю, что тюрьма изменила его. Если он вернулся, значит ли это, что КЛ станут сильнее?

Я видел в банде смерти, избиения и ложь. Но также я видел честь и преданность парней из банды по отношению к их друзьям.

Пляж наполнен ребятами из моего района; моими друзьями. Парнями, которых я не видел с тех пор, как вернулся сюда, и которые вышли из подполья, чтобы отпраздновать возвращение Чу.

Какое-то время мы играем в футбол. После этого Марко хватает банку пива из охладителя. Он глотает алкоголь до тех пор, пока жидкость не начинает бежать по его подбородку. Закончив, он вытирает рот тыльной стороной ладони и бросает пустую банку на землю, заодно хлопая себя по коленям, как будто только что забил гол.

Марко бросает мне банку.

— Твоя очередь.

Я открываю банку пива и выпиваю её залпом, в надежде, что алкоголь сотрёт образ насквозь промокшей Никки в бикини из моей головы. К сожалению, это не помогает. Я тянусь к охладителю и беру другую банку, делая большие глотки в ожидании кайфа. Я не часто в стельку напиваюсь, но, с другой стороны, никакая другая девчонка никогда раньше так часто не занимала мои мысли.

— Луис, иди сюда! — кричит Марко, махая мне.

Я направляюсь туда, где разговаривают Марко и его друзья.

— Что такое? — спрашиваю я.

— Это Чу Сото.— Он кивает в сторону нового человека, спускающегося на пляж.

Парень, крупный как медведь, с полностью покрытыми татуировками руками и шеей, идет с пугающим самодовольным видом, будто говоря: не-связывайся-со-мной-или-ты-покойник. В довершение образа в уголке его рта висит сигарета.

Все вокруг замолкают. Чу останавливается около меня. Если бы я не жил вместе с членами банды всю свою жизнь, я бы, наверное, наделал в штаны прямо сейчас.

— Я слышал, Фуэнтес украсил Фэйрфилд своим присутствием, — говорит Чу и протягивает мне руку для рукопожатия.

— Я привел его, — говорит Марко, гордясь оказанным ему доверием.

Яжимаю руку Чу сильной, уверенной хваткой. Парни, как Чу, уважают любого, кто не дрожит от страха при их приближении.

— Caballeros[23], позвольте мне поговорить с Фуэнтесом наедине, — заявляет Чу.

Не говоря ни слова, Марко и остальные расходятся кто куда. Марко присоединяется к группе

бандюг, которые стоят у кучи бревен и палок, собираясь их поджечь.

— Я попросил Марко привести тебя сегодня вечером, — говорит Чу.

Это не имеет смысла. Из того, что я слышал, Чу думает, что мой брат — предатель, с тех пор, как он вырвался из Кровавых. С чего вдруг такие внезапные изменения в сердце к одному из братьев Фуэнтес? Если Чу считает Алекса врагом, почему я не падаю замертво от его гнева?

Если только он не ожидает, что я заменю Алекса в банде.

— Я думал, что ты в тюрьме, — отвечаю я.

Он улыбается с сигарой, все еще висящей в уголке его рта.

— Скажем так, я вышел из-за формальности, — он наклоняется вперед и говорит низким голосом. — Слушай, я должен восстановить Кровавых Латино, и ты поможешь мне это сделать.

— Почему я? Я не связан с этим.

— Вот тут ты ошибаешься, Луис. Ты родился в Кровавых. — Он хлопает меня по спине. — И ты будешь в КЛ, пока не умрешь.

«Если бы я был животным, я бы, скорее всего, был бы»... написано Луисом Фуэнтесем.

Обычно мне нравится писать эссе. В прошлом году я написал статью для класса по английскому о том, почему некоторые аспекты мексиканской культуры настолько интегрированы в американском обществе. Конечно, я получил пять. Мистер Хайлман как-то даже умудрился напечатать его в местной газете, что было очень клево.

Но сейчас я в тупике, что редко со мной случается. Бьюсь об заклад, большинство парней из моего класса выбрали льва, короля джунглей. Я не король, и никогда им не был.

Размышление о короле напоминают мне Чу Сото.

Моя ручка висит в воздухе над моей работой. Мне интересно: я был пьян вчера вечером или Чу действительно сказал мне, что ждет от меня помощи в восстановлении Кровавых Латино? Я смотрю на фотографию Алекса, Бриттани и Пако на стене.

У Mi'amá выходной. Я понимаю, что она не готовит, как я думал. Она стоит у раковины с зажатой в руке сигаретой.

— Я ненавижу, когда ты куришь, — говорю я ей.

— Это расслабляет меня. Она делает затяжку и сбрасывает пепел в раковину. — Мне предложили вчера работу администратора. Это в больнице, где работает Елена.

— Здорово.

— Это приличные деньги, и включает в себя оплачиваемый больничный, — говорит она, затем снова подносит сигарету к губам.

— Все в порядке, мам? Ты выглядишь взволнованной.

— Estoy bien[24]. — Она выпускает дым. — Ну, на самом деле, все не в порядке. Мне позвонили сегодня и сказали, что Карлос был ранен.

Я начинаю паниковать, когда ужасные картины солдат, возвращающихся в инвалидных колясках и с потерянными конечностями, вихрем проносятся в моей голове.

— Что случилось? Скажи мне прямо.

— Ничего серьезного, но достаточно плохо для возвращения домой на поправку.

— Что ты имеешь в виду говоря «ничего серьезного»? — спрашиваю я. — И, поскольку он возвращается домой, случилось что-то плохое.

— Это его нога. Ему должны были сделать операцию, и он не может присоединиться к остальному своему подразделению, поэтому они заставляют его взять больничный. Ему также нужно решить, хочет ли он записываться снова. Я хочу, чтобы он вернулся домой, но...

— Ты слышала, что Чу Сото вышел из тюрьмы.

— Елена только что узнала от Хорхе. — Она указывает сигаретой на дверной проём. —

Просто держись от него подальше. Я не хочу, чтобы ты или Карлос связывались с ним или с КЛ.

Поздно для этого. Я потираю затылок. Как бы это сказать? Я колеблюсь, и мои ладони становятся потными.

— Мам, меня «крестили» в Кровавых?

— Где ты это слышал?

— Чу Сото сказал что-то о том, что я родился в Кровавых и, ну, я не понял, что он имел в виду.

Она указывает на меня, её палец дрожит.

— Не слушай Чу, Луис. Ты меня слышишь? Просто держись от него подальше.

— Он снова руководит делами. Он хочет восстановить КЛ.

Я знаю, моей характерной чертой является стремление бросаться с головой в опасности, а это безумно и опасно. По большей части я научился это контролировать, но когда прошлой ночью я встретился с Чу... меня, словно молнией, ударил выброс адреналина от мысли, что я могу заставить его заплатить за то, что он сделал, когда Алекс ушел из банды, и это почти стоило ему жизни.

Мі'амá делает ещё одну затяжку.

— Просто держись подальше и не задавай вопросов.

— Я что, не имею право знать, почему новый глава Кровавых Латино думает, что я один из них? — спрашиваю я её.

Она кладет руку мне на щеку.

— Нет, Луис. Никаких вопросов. Нам будет лучше, если не будем задавать вопросов. Ты в безопасности. Мы все в безопасности, пока ты держишься как можно дальше от Чу.

Я не говорю ей, что не хочу держаться подальше, потому что мне нужно выяснить, что запланировал Чу. Чем больше власти он имеет, тем меньше её у остальных из нас в Фейрфилде.

Если у Чу есть власть, он может приказать отомстить Алексу. Если моя семья в опасности, мне нужно знать об этом. Приблизиться к Чу — мой единственный вариант.

Глава 20

Никки

Дерек всегда устраивает вечеринку в свой день рождения, потому что его родители в это время уезжают из города на ежегодную конференцию по продажам. Это то, чего все в Фейрфилде ждут с нетерпением.

Я сильно воодушевлена возможностью прийти сегодня на вечеринку. С тех пор, как мы были на лодке Дерека две недели назад, я не открылась Луису ни физически, ни эмоционально, но я думала об этом каждый день.

Мы с Кендалл пришли раньше всех, чтобы украсить дом. Дерек взял удостоверение личности своего старшего брата и купил несколько бочонков пива. Обычно я не пью, но Луис написал мне, что точно приедет сюда сегодня вечером.

— Что ты делаешь? — спрашивает Дерек, когда я наполняю пластиковый стаканчик до краев пивом и начинаю пить.

— Расширяют свои границы, — отвечаю я. — А на что это похоже?

— Ты же не пьешь, Никки.

Я поднимаю стакан в воздух.

— Я пью прямо сейчас.

— Кендалл! — кричит Дерек, по-видимому не зная, как вести себя со мной. — Иди сюда!

Кендалл заглядывает в кухню.

— Что случилось?

Дерек показывает на меня.

— Твоя лучшая подруга «солирует» перед вечеринкой.

Кендалл улыбается, когда я делаю ещё один глоток.

— Эмм... не очень хорошая идея, Ник.

— Отличная идея. Луис будет здесь сегодня вечером. — Чем больше я пью, тем меньше чувствую напряжённость из-за мыслей о том, чтобы быть с ним.

Кендалл и Дерек обмениваются друг с другом понимающими взглядами.

— Это не то, что вы думаете, — говорю я им. — Я просто хочу знать, на что это похоже, притворись мы парой.

— Притворство? Просто признай, что он тебе нравится. — Говорит Кендалл. — И смирись с этими чувствами. Напиться... это как пластырь, который не клеится.

— Я сказала тебе, у меня нет никаких чувств к нему. — Я смеюсь над этой мыслью.

Кендалл похлопывает Дерек по груди.

— Дерек, сделай что-нибудь... скажи что-нибудь.

Дерек поднимает руки.

— Я не лезу в это. — Он быстро уходит, как раз, когда раздаётся звонок в дверь.

Я почти залпом выпиваю весь стакан и наливаю себе ещё.

— Ты знаешь, что Луис был первым парнем, с которым я целовалась после Марко?

— Я знаю, — говорит Кендалл.

— Я много думала об этом. Намного больше, чем следовало бы. Луис идеален для того, чтобы попрактиковаться, не так ли?

Кендалл берёт стаканчик из моих рук.

— Я не думаю, что ты должна использовать парня для практики. Ты причинишь ему боль.

— Нет, не причиню, — уверяю её я. — Он признал, что он — игрок, как и Марко. Он сам сказал, что мы должны просто весело провести время. Я удостоверюсь, что он знает, что бы ни случилось между нами, это не серьёзно.

— Так поступают девушки вроде Марианы, не ты, — отвечает Кендалл. Когда я беру ещё один стаканчик и заполняю его до краев, она оставляет этот разговор. — Не говори, что я тебя не предупреждала.

— Я буду в порядке. Ты говоришь мне, что нужно расслабиться. Луис говорит мне тоже самое... Я просто попробую.

Час спустя гремит музыка, и дом переполнен. Я определенно пьяна и хочу найти Луиса. Выпиваю остатки в своем стакане, бросаю его в мусорное ведро и проталкиваюсь сквозь толпу в поисках Луиса. Я спрашиваю у всех вокруг, но его никто не видел.

— Привет, Никки, — говорит Джастин Дуган, улыбаясь широко и показывая зубы, такие белые, что, держу пари, даже слепой человек смог бы увидеть их. — Ты выглядишь отлично.

— Эмм... у меня вроде были планы с... — Я собираюсь сказать с Луисом, но у нас, на самом деле, не было планов. У меня есть планы. Я просто предполагала, что Луис согласится с ними. И тусовок с Джастином Дуганом в моих планах точно нет.

— Пойдем со мной наверх, — говорит он, беря меня за локоть и вытаскивая из толпы людей, пришедших на вечеринку.

— Я не пойду с тобой наверх, Джастин. — Он не является одной из моих фантазий.

— Доверься мне, — говорит Джастин. — Я ничего тебе не сделаю.

— Я не доверяю любым парням, которые говорят «доверься мне». Мне... нужно на свежий воздух.

— Прекрасно. Тогда прогуляйся со мной на свежем воздухе.

Прежде чем я успеваю возразить, Джастин ведёт меня на улицу, к бассейну. Всё это время я вытягиваю шею, чтобы хоть мельком увидеть Луиса, но безрезультатно. Он сказал, что будет

здесь, но возможно, он передумал.

Джастин тоже пьян. Я вижу это по тому, как по пути он спотыкается о настил, прежде чем сесть на один из шезлонгов.

— Садись рядом со мной, — говорит он, хватая меня за запястье и заставляя меня опуститься. — Ты выглядишь, как остренькое тамале.

— Это не совсем комплимент, — говорю я ему.

Он наклоняется ко мне. Я не знаю, то ли он падает на меня, то ли пытается облапать. В любом случае, от него пахнет пивом и потом. Это не хорошее сочетание. Я отталкиваю его от себя.

— Эй, — я слышу голос Луиса, как только он попадает с моё поле зрения.

Он классно выглядит в джинсах, немного висящих на его бёдрах, и в футболке, которая смотрится поношенной, но она, наверное, мягкая, как шёлк.

Джастин поднимает на него взгляд.

— Свали, мекс.

— Никки тоже мексиканка, ты, тупица, — говорит Луис.

Джастин замирает.

— Кого ты назвал тупицей?

— Никого! Он не это имел в виду, — говорю я. — Правда Луис?

— Вообще-то, — произносит Луис. — Как раз это.

Джастин собирается встать и врезать Луису, когда Дерек хватает его за руку и утаскивает прочь.

— Дуган, мне нужна твоя помощь.

— С чем? — спрашивает Джастин.

— Просто... кое с чем. — Дерек ведет его в дом, оставляя меня наедине с Луисом.

Луис смотрит на меня, как будто я предала его.

— Что ты делаешь, сидя с этим Pendejo[25]?

— Я, на самом деле, не сидела с ним... Хорошо, сидела но...

Вздыхаю. Сегодняшний вечер идет не так, как я запланировала. Я пьяна и не знаю, как объяснить то, что ждала его все это время. Хотя, я могу показать ему.

— Иди за мной. — Он колеблется. — Давай, — говорю я, беря его за руку, и веду его к дому у бассейна.

Я знаю, что ключ спрятан в горшке для цветов. Я вынимаю его и открываю дверь, как мне кажется, с одной целью: освободиться от своих запретов и поцеловать Луиса так, как я сделала это у себя дома. На этот раз нам не помешают. Луис пытается включить свет, но я кладу свою руку на его.

— Закрой дверь, — говорю я ему. Он делает это.

Я иду дальше в комнату.

— Не хочу быть с Джестином сегодня вечером. Ты прав, он pendejo.

— Мне не нравится видеть тебя с ним, — говорит он. — Я не думаю, что мне хочется видеть тебя с каким-либо парнем... кроме меня.

Сейчас у меня есть отчаянная потребность быть в его объятиях. Это не о моих ограничениях. Это о веселом времяпрепровождении и воплощении фантазий в реальность.

— Обними меня, — говорю я. — Пожалуйста.

— Ты пьяна, — произносит он.

— Просто немного выпила, вот и все.

— Никки, — шепчет он, придвигаясь ко мне. Как только я чувствую тепло его тела, я протягиваю руку и медленно провожу ей вниз по его руке.

— Не говори ничего, — шепчу я. Если он заговорит, то может сказать что-то не то и испортить момент. Если честно, я боюсь того, что он может сказать.

Наше присутствие здесь, в темноте, делает все нереальным. Это, как смесь фантазии и реальности, все вместе. Сейчас я абсолютно согласна с тем, чтобы жить в фантастическом мире, потому что это то, что мне нужно. Если бы это было слишком реально, я не была бы в состоянии пройти через это.

Я касаюсь губами его лица и направляюсь к уху.

— Обними меня, как ты хотел на лодке.

Во второй раз он обнимает меня, приятное спокойствие струится по всему моему телу. Это напоминает мне о том, как он крепко обнимал меня, когда мы были на озере Фокс.

Я не ввожу себя в заблуждение размышлениями о том, что это невероятное чувство будет длиться вечно, но я наслаждаюсь его объятиями. Я чувствую себя живой, и это так удивительно хорошо, я не хочу, чтобы это закончилось.

Его руки медленно ласкают мою спину, тепло его сильных пальцев прожигает мою кожу через шелковый топ.

Я отталкивала его так долго, но сегодня все давление спало. Я с решимостью прикасаюсь кончиками пальцев к его лицу.

Он отступает назад.

— Ты уверена в этом?

— Определённо. Ты — моя фантазия на сегодняшний вечер, хорошо?

— Фантазия, значит?

— Да, как в противоположной реальности, — смеюсь я, так головокружительно просто быть здесь с ним. Я взволнована, удастся ли осуществить мой план в действии. — Только на эту ночь, посмотрим, что случится.

— А завтра?

Завтра?

— Я не думала так далеко вперёд. Я просто хочу сейчас быть с тобой. Ты согласен?

— Это зависит...

— От чего? — спрашиваю я.

Он наклоняется и целует чувствительное место у меня под ухом, затем шепчет:

— От того, хочешь ли ты остановиться на поцелуях или пойти дальше?

Когда он касается губами моей шеи и медленно спускается вниз, я запрокидываю голову и надеюсь, что он будет продолжать двигаться в этом темпе. Это так непривычно для меня.

— Так хорошо, — я издаю стон, когда его губы задерживаются на местечке, где он может чувствовать мой пульс. Он легонько целует чувствительную кожу. — Не останавливайся.

Он целует там снова. И снова. И снова.

— Твой пульс зашкаливает, — шепчет он у моей кожи.

— Да что ты, — говорю я, чем заставляю его рассмеяться.

Я кладу руку ему на грудь. Через рубашку чувствую, как его сердце быстро бьётся под моей ладонью.

— Твой тоже.

— Ммм, — мурлычет он, перед тем, как мягкость его теплого, влажного языка на моем пульсе заменяет губы.

Ух ты. Внезапно, голова начинает кружиться, и я хватаю его за плечи для поддержки. Его сильные руки незамедлительно окружают и надёжно держат меня, как будто он готов быть сегодня вечером моим героем. Мне нужен герой.

Так романтично. Шторы задернуты, и мы полностью скрыты от хаоса, что творится

снаружи. Несколько полосок тусклого света проникают сквозь просветы в темную комнату. Не знаю, может, это алкоголь заставляет меня хотеть его так сильно, но я такого раньше никогда не испытывала, даже с Марко.

Как бы мне хотелось, чтобы это могло длиться вечно.

Когда его губы спускаются ниже по моей шее, и он мягко отодвигает ляжку моей маечки, чтобы поцеловать верхнюю часть моего плеча, я больше не могу себя сдерживать.

— Если ты не поцелуешь меня, я умру. Забудь о том, чтобы двигаться медленно.

— Я думал, ты сказала, что моему языку необходимо больше тренироваться.

— Я солгала. Хочешь попробовать ещё раз?

— О да, — говорит он. — Хочу до ужаса.

Он колеблется на долю секунды, но потом я чувствую ладонь на моей щеке, в то же время его большой палец движется вверх и вниз, мягко лаская мои губы. Я закрываю глаза и целую его палец.

— Так хорошо? — спрашивает он, заменяя свой палец прикосновением губ.

— Да, — шепчу я в ответ, запуская руки ему в волосы.

Я, должно быть, более пьяна, чем мне казалось, потому что все, о чем я могу думать, когда он целует меня, — лишь бы это продолжалось вечно.

От прикосновения его языка к моим губам у меня перехватывает дыхание.

— Дай мне попробовать тебя на вкус, *mi tñesa*[26].

Я выбрасываю из головы все мысли и запреты, когда мой язык тянется к его. Он задерживает дыхание в предвкушении. Когда наши языки соприкасаются, это настолько горячо, влажно, гладко и медленно... так грязно, сексуально и волшебно — все сразу.

Я растворяюсь в нем, когда он притягивает меня ближе. Наши рты открыты и пробуют друг друга на вкус. Чувствую, как внутри все плавится, когда он кладет руки на мою задницу и прижимает к себе. Я ощущаю его реакцию на меня, и наши поцелуи и прикосновения разжигают в моем теле огонь.

Мы оба тяжело дышим. Здесь нет кондиционера, и я начинаю потеть. Одним движением я разрываю поцелуй и стягиваю свою майку через голову. Я остаюсь в шортах и лифчике.

Взяв его руку, я кладу ее себе на грудь. У него перехватывает дыхание, и горячий воздух вокруг нас кажется наэлектризованным.

Его пальцы скользят по шелковистому атласу моего лифчика и чувствительной кожей между грудями. Движения его рук умелые и медленные. Он дразнит меня, и я тяжело дышу в ожидании, когда он отодвинет в сторону ткань.

Ожидание — ужасная пытка. Я больше не могу. Я завожу руки за спину, расстёгиваю лифчик и позволяю ему упасть на пол.

Я хотела бы видеть его лицо прямо сейчас.

— Твоя очередь, — говорю я игриво, затем тяну нижнюю часть его рубашки. — Я хочу почувствовать твою кожу на моей.

Он колеблется снова.

— Всё в порядке, — говорю я ему. — Не думай об этом. Мы весело проводим время. Разве не этого ты хотел?

Без дальнейших колебаний он срывает с себя рубашку и притягивает меня к себе. Моя грудь прикасается к его твёрдому, стройному телу.

Он гладит мою голую спину, двигаясь руками вниз, к ягодицам, и я, не удержавшись, обнимаю его за шею и оборачиваю ноги вокруг его талии. Его руки удерживают меня на весу, и он придвигается ближе, прижимая меня к стене. Его твёрдое тело прижимается к моему мягкому, и я хотела бы, чтобы мы были голыми, и в то же время, я рада, что это не так, потому что сейчас

я не контролирую ситуацию. Я потеряла контроль, и у меня такое чувство, что он тоже.

— Скажи, чтобы я остановился, — стонет он мне в губы.

Я этого не делаю. Не могу. Вместо этого я крепче обхватываю его ногами, убеждая продолжать двигаться. И он продолжает. Я кусаю его нижнюю губу, когда всё становится слишком интенсивным, слишком эмоциональными. Мои руки лежат на его разгорячённой груди, и я больше не могу сдерживаться. Крепче обхватывая его руками, издаю громкий стон ему в шею. Весь мой мир взрывается вокруг меня, и чувство не останавливается. Затем я чувствую, как он сжимает меня, распадаясь на кусочки в моих руках. Это просто... вау.

— Это было удивительно, — слабо говорю я после того как возвращаюсь с неба на землю и пытаюсь отдышаться. — Честно говоря, я нервничала всю неделю. Но... это было классной фантазией, правда?

Он нежно касается моих волос, проводя по ним пальцами.

— Это было больше, чем фантазия, *mi chava*.

— Эй, Луис, — зовет Марко снаружи. Тук, тук, тук. — Луис, ты здесь?

Глава 21

Луис

Никки быстро прикрывает свою наготу руками и шепчет безумным голосом:

— Это Марко. Что он здесь делает?

— Я не знаю. — Мое тело еще не отошло после оргазма, и я не могу мыслить четко. Я едва успел прийти в себя и понимаю, что есть отличный шанс, что доказательства того, чем мы тут сейчас занимались, будут очевидны. Не хорошо.

Тук. Тук. Тук.

— Я избавлюсь от него. — Я поднимаю ее одежду и протягиваю ей.

Я смотрю, как Никки прижимает лифчик и рубашку к ее груди.

— Спасибо, — шепчет она.

Она торопится мимо меня, но я мягко ее останавливаю, заставляя встретиться со мной глазами.

— Между нами все окей? — я знаю, что это глупо, но никакие другие слова не приходят в голову. Я хочу сказать ей больше, намного больше, но не могу.

— Да, круто. Просто... иди.

Она запирается в небольшой ванной, в то время как я удостоверяюсь, что моя футболка скрывает любые доказательства нашей встречи.

— Какого чёрта ты так долго? — спрашивает Марко.

Дерьмо. Придумай что-нибудь, быстро.

— Ходил отлить. А что ты тут делаешь? Я думал, ты не бываешь на вечеринках северных парней.

— Я не праздновать пришел, у меня с ними бизнес.

Видимо под бизнесом он имеет в виду наркотики.

— Ты сумасшедший.

— И я горжусь этим.

Он смотрит через мое плечо и сканирует комнату, но свет выключен, так что ничего не видно. Я закрываю дверь и надеюсь увести Марко подальше от Никки. Очевидно, она не хочет, чтобы он знал, что произошло между нами. Чёрт возьми, вдруг она захочет отрицать то, чем мы занимались. Или, возможно, она настолько пьяна, что и не вспомнит об этом утром.

Мы с Марко идем в основной дом.

— Это место угнетает. Давай сваливать отсюда, — говорит он, расталкивая толпу, которая смотрит на нас с подозрением.

— Кто пригласил переселенцев? — Джастин Дуган кричит нам в тот момент, как мы выходим. Он стоит снаружи с несколькими пьяными парнями из футбольной команды. Они все смеются и дают ему пять за наше оскорбление.

Марко и я останавливаемся, обмениваемся понимающими взглядами и одновременно поворачиваемся лицом к Дугану и его команде.

— Как, черт возьми, ты только что назвал нас? — спрашивает Марко, готовый к драке.

— Ты слышал меня, — говорит Дуган. — Мы позволяем переселенцам только чистить наши дома или косить газоны.

— Правда? — произносит Марко. — Потому что когда я трахал твою сестру в её спальне две недели назад, она не говорила ничего об этом. На самом деле, я не понаслышке знаю, что она любит насладиться большим жирным буррито.

О, черт. Ноздри Дугана раздуваются, и его группа движется на нас.

— Ты покойник, Дельгадо.

— Ты действительно трахнул его сестру? — бормочу я в его сторону одними губами, чтобы только он мог услышать. Он лукаво улыбается и кивает.

— Валите обратно в Мексику, где вам, животным, и место, — говорит Дуган, а потом смачно харкает в нас, словно это не мы животные.

Тут же Марко атакует его. Я прикрываю его, когда еще два друга Дугана оттаскивают Марко в сторону и начинают избивать. Моим кулакам не требуется много времени, чтобы ринуться в бой.

А у толпы не занимает много времени собраться.

Я не часто ввязываюсь в драки, но когда я это делаю, зверь во мне выходит с удвоенной силой. Возможно, Дуган прав, и я — животное. Боевой инстинкт у Фуэнтесов в крови.

Два парня держат меня, в то время как третьей бьет ногой в живот. Это даже не больно... с каждым ударом ярость, рождающаяся во мне, только делает меня сильнее. Я вырываюсь из их хватки и вырубая двоих из них, прежде чем подняться и оттащить парня от Марко. Я валю его на землю и бью кулаками, пока тот не перестает сопротивляться. Потом переключаюсь на Дугана. Он наносит удар и попадает прямо в челюсть. Наношу ответный удар, который сбивает его с ног. Я даже не замечаю мигающие синие огни полицейского автомобиля, пока пара копов не прижимает меня к земле. Один ставит колено мне на спину и надевает на меня наручники. Я вижу, что еще двое полицейских надевают наручники на Марко.

— Поднимайся, Луис, — приказывает один из офицеров.

А? Я знаю этот голос. Я поворачиваюсь и смотрю на офицера. Вот дерьмо. Это никто иной, как офицер Рейес, мой ближайший сосед и парень, который флиртовал с mi'amá.

— Пиздец, — стону я. — Только не вы.

— Ты знаешь этого парня? — другой полицейский спрашивает у Рейеса.

— Да. И ещё я знаю, что его мама не обрадуется, когда узнает, что он участвовал в драке. — Рейес осматривает землю вокруг меня. Две пачки, завернутые в голубой целлофан лежат в траве. — Что это такое? — спрашивает он меня. — Это выпало из твоего кармана, когда вы дрались?

— Нет.

Он поднимает пакеты.

— Похоже на дурь, — говорит один из полицейских, держащих Марко.

— Вы двое торговали сегодня вечером? — спрашивает он нас.

Марко качает головой.

— Нет, сэр.

— Цезарь, я клянусь, что они не мои, — говорю я ему.

Я поднимаю взгляд на толпу и вижу Никки, стоящую в шоке и закрывающую ладонью рот.

Когда наши взгляды встречаются, она отворачивается от отвращения. Она не верит мне.

Судя по выражению лица Рейеса, он также мне не верит.

Он медленно выдыхает и сокрушённо качает головой.

— Ладно, вы двое, в полицейские машины. Живо! — Мне приказывают расставить ноги, чтобы Рейес мог проверить меня. — При тебе есть оружие, наркотики или иглы, Луис?

— Нет, — отвечаю я.

— Ты под кайфом или пьяный? — спрашивает он, похлопывая руками вверх и вниз по моим ногам.

— Нет.

— Тогда почему ты ввязался в драку?

Пожимаю плечами.

— Потому что посчитал это правильным. — Я уверен, что он не оценит то дерьмо, что вывалил на нас тот *pendejo*, считая мексиканцев второсортным народом.

— Подумай хорошенько, потому что это мне придется звонить твоей маме и объяснять, почему ты был задержан и что мы подозреваем, что ты торгуешь какой-то серьезной херней. Я предпочитаю сказать ей, что ты посчитал, что заявиться на северную сторону города и ввязаться в неприятности, хорошей идеей.

Рейес что, тоже думает, что бедные мексиканцы допускаются на северную сторону, только чтобы косить газоны и убирать дома?

— Я пришел сюда, не для того, чтобы вызывать неприятности, — говорю я ему.

— Правда? Почему ты здесь?

— Он был приглашен, — выкрикивает Дерек. — Мной.

— А ты кто такой, черт возьми?

— Я живу здесь.

— Покажи мне своё удостоверение личности. — Дерек достаёт документ, и Рейес изучает его.

У Рейеса вырывается короткий смешок.

— С днем рождения.

— Спасибо.

— Слушай, я уверен, ты знаешь, что употреблять алкоголь без нарушения закона в Иллинойсе можно с двадцати одного года. Тебе восемнадцать. — Рейес качает головой. — Где твои родители?

— В Вегасе.

— Таким образом, ты решил, что ударно отпразднуешь день рождения, пока они в отъезде?

Дерек кивает.

— Тогда это казалось хорошей идеей.

— Угу. Вытаскивай всех из своего дома, запирай его и отправляйся к нам в участок, чтобы мы могли позвонить твоим родителям, — говорит Рейес.

Дерек единственный нормальный гринго, который вышел и заступился за меня.

— Не нужно в участок, Рейес, — говорю я. — Дай парню передышку. Это его день рождения.

Рейес качает головой.

— Дни рождения — не лицензия на нарушение закона, Луис.

Меня ведут к задней двери одной из полицейских машин, а Марко и Дерек — к другой. Два офицера увозят их, в то время как Рейес идет к Дугану и его приятелям. Он говорит с ними некоторое время, все время делая заметки. Через некоторое время Рейес и его партнер идут назад к полицейской машине, в которой нахожусь я.

Рейес садится на сидение водителя и поворачивается ко мне.

— Ты действительно облажался сегодня вечером.

— Кому ты рассказываешь.

— Слушай, Луис. Я забочусь о твоей матери. Твое вовлечение в драку и торговля наркотиками причинит ей сильную боль.

— Я уже говорил вам, кокаин был не мой.

— Твоего приятеля?

Я пожимаю плечами.

— Я не знаю.

— Давай договоримся так. Я собираюсь отпустить тебя и твоих друзей сегодня вечером после звонка вашим родителям, потому что я не нашел наркотики непосредственно при тебе и несколько свидетелей сказали, что тебя и Марко оскорбляли перед дракой. Но с этого момента я буду наблюдать за тобой, как гребаный ястреб. Если я узнаю, что ты имеешь дело с наркотой или снова ввязываешься в драки, то я буду на твоей заднице, так быстро, что голова закружится.

Дерьмо, этот парень прокладывает свой путь в жизнь mi'amá, и теперь он ведет себя как родитель по отношению ко мне. Я жил без отца всю свою жизнь и делал это очень хорошо.

— Ты мне не отец, — напоминаю я ему.

— Ты прав. Если бы я был им, то запер бы тебя в камере на ночь, чтобы преподать тебе урок.

Глава 22

Никки

Я позволила себе потерять бдительность, что не было запланировано. Сегодня вечером, когда мы с Луисом были в доме у бассейна, я позволила себе поверить, что Луис и Марко совершенно разные.

Это было до того, как я увидела его в драке.

Луис и Марко против Джастина и некоторых парней из футбольной команды. Кулаки Луиса летали туда-сюда, и хуже того, я думаю, что ему нравилось это — как будто драка удовлетворила в нем какую-то потребность.

Я не знаю, кто начал драку. На самом деле, это не имеет значения. Луис не отступил. Вместо этого, он был единственным, кто остался стоять, готовый взять на себя тех, кто осмелится бросить ему вызов. Он не остановился, пока полицейские не скрутили его.

А потом я увидела наркотики на земле, прямо рядом с ним.

Я не могу быть с кем-то, кто дерется и торгует наркотиками. Марко раньше дрался так много, что его все время отстраняли от занятий. Директор Агирре говорит, что он придерживается политики «нулевой терпимости», но он быстро понял, когда наш класс пришел в Фэрфилд, что, если бы он давал всем по три отстранения и затем исключал их, тут едва бы остались студенты из южной стороны. Агирре все еще угрожает исключать студентов, но редко выполняет угрозу.

Мне нужно заставить себя перестать думать о Луисе. Падая в кровать, когда я возвращаюсь домой, я не могу не ненавидеть себя за то, что была так уязвима сегодня вечером. Я перестала следовать своим запретам и знала, что делаю. Но Луис не говорил мне, что он имел дело с наркотиками, это меняет правила игры.

Наступает утро воскресенья, и я просыпаюсь с надеждой, что Грэнни начала есть самостоятельно.

— Как дела у Грэнни? — спрашиваю я Сью.

— Она не хочет много есть. У неё определённо депрессия.

Я иду к её клетке и сижу с ней.

Грэнни принимаются, когда я открываю её клетку.

— Эй, девочка, — говорю я, протягивая руку и ведя её к своим коленям. — Скучала по мне?

В ответ она махает хвостом. Она выглядит худой. Слишком худой.

Я глажу её за ушами, и она заваливается на спину. Когда она кажется довольной, я беру еду из её тарелки и начинаю кормить с рук. Она ест, когда я подношу еду к её носу.

— Хочешь, я отвезу тебя домой?

Она отвечает тем, что тыкает своим носом в мою ногу.

— Мне просто нужно убедить своих родителей, чтобы они позволили взять тебя, — говорю я ей.

Когда я дома рассказываю своим родителям о Грэнни, они оба говорят, что я не могу взять её.

— У тебя слишком много дел, — говорит мама.

— А когда ты пойдёшь в колледж, тогда что? — говорит папа.

— Но она старая и слепая и живет в клетке! Если бы вы были старыми и слепыми, вы бы хотели провести последние дни в клетке? — спорю я.

Мама гладит мою руку.

— Никки, мы думаем, это замечательно, что ты хочешь помочь собаке, но...

Я вздыхаю.

— Просто... Вы можете встретиться с ней? Встретиться с ней, а затем принять решение, хорошо? Я уверена, что она будет хорошим домашним питомцем, и я знаю, когда вы хоть разок взгляните на нее, вы будете думать о ней так же, как и я.

Они оба смотрят на меня, как будто я вызываю жалость. Я знаю, что они думают, что я пытаюсь заботиться о бедном животном, потому что мне необходимо быть нужной.

Мы обсуждали это раньше. Возможно, они правы. Я не могу ничего с собой поделать, но у меня возникает особая связь с наименее удачливыми собаками, которых приносят в приют — с теми, что кажутся беспомощными. Я болею за уязвленных, каждый раз.

— Вот что я скажу тебе, — говорит папа. — Если в следующие выходные Грэнни всё ещё будет там, мы с твоей мамой встретимся с ней.

Широкая улыбка появляется на моём лице.

— Это потрясающе! Большое спасибо! — Я обнимаю их обоих.

— Мы не даем никаких обещаний, Никки.

— Знаю, знаю. — Ну, я действительно знаю. Как только они увидят Грэнни, они влюбятся в нее.

В понедельник шум по поводу драки в доме Дерека, аресте и наркотиках, найденных у ног Луиса, набирает обороты. Я не могу пройти ни по одному коридору, не услышав что-то о Луисе, Дерекке, или Марко.

Я также ловлю на себе косые взгляды. Все в школе знают, что я встречалась с Марко, и некоторые до сих пор связывают нас воедино.

Я избегаю зрительного контакта с Луисом, даже когда он зовет меня по имени, и во время обеда я сижу в библиотеке и занимаюсь, готовясь к экзамену по алгебре, таким образом, нет никакого шанса встретиться с ним или с Марко. Но я знаю, что все же увижу Луиса на химии.

Я подгадываю время моего прихода таким образом, что захожу в класс по химии только тогда, когда звенит звонок.

— Ты не сможешь игнорировать меня вечно, — шепчет Луис у меня за спиной, пока миссис Петерсон инструктирует нас, что нужно идти к раковине, находящейся в задней части комнаты, чтобы вычистить наши пробирки.

— Да, могу, — говорю я ему.

— Что насчёт субботнего вечера в доме у бассейна?

Я замираю, вспоминая момент, когда отпустила все свои запреты. Это было ошибкой, и я снова возвела свои стены.

— Я пытаюсь забыть его.

— Ты можешь попробовать, но это не сработает, — он наклоняется ближе. — Знаешь, я тоже не могу забыть его.

Его слова переворачивают что-то глубоко во мне, и мне приходится напасть, чтобы оттолкнуть его.

— Ты знаешь, что во мне вызывает сильное отвращение? Ты, начинающий драку с Джастином Дуганом через несколько минут... И то, что ты продавал наркотики.

Он делает шаг назад и проводит рукой по волосам.

— Да, это было стремно. Ты знаешь, что вызывает во мне еще большее отвращение?

— Что?

— То, что ты так отчаянно хочешь верить всему плохому, что слышишь обо мне. Ты явно не являешься сторонницей высказывания «невиновен, пока не доказана вина».

— Мистер Фуэнтес, — зовет миссис Петерсон. — Хватит болтать. Знаете ли вы, что есть люди позади вас, которым необходимо использовать раковину?

Луис смотрит прямо на нашу учительницу и говорит:

— Если честно, Миссис П, мне на самом деле, насрать на это.

Глава 23

Луис

Хватит с меня переживаний по поводу наказаний — пора привыкнуть к тому, что я буду частенько оставаться после школы на час. К тому же, последний раз, когда меня оставили после уроков, я даже сделал домашнее задание. Проблема в том, что некоторые учителя настаивают, чтобы ты отработывал наказание в их аудитории вместо столовой, где его отбывают остальные нарушители.

Я сажусь на своё место в лаборатории и достаю домашнюю работу. Я собираюсь заняться задачами по математике, когда миссис Питерсон встаёт надо мной.

Я смотрю на нее. Она смотрит на меня недобрым взглядом, который заставил бы меня смеяться, если бы я не думал, что она даст мне еще одно наказание, если я это сделаю.

— Здрасьте, — говорю я.

— Никаких мне «здрасьте». Что с вами происходит? — Она скрещивает руки на груди, и я могу только чувствовать гнев Надин Питерсон, который собирается поразить меня, как торнадо. — Вы знаете, что в моем классе лучше не ругаться. Вы также знаете, что иметь размолвки личного характера в классе посреди эксперимента является неприемлемым.

— У меня плохой день.

— Судя по синяку на вашем лице, также могу сказать, что у вас были плохие выходные. Хотите поговорить об этом? — спрашивает она, когда садится на стул Дерека и наклоняется к лабораторному столу. Я понимаю, что она устроилась на этом месте и не уйдет, пока я не выговорюсь.

— Нет.

— Хорошо, не говорите. Говорить буду я, а вы будете меня слушать.

Я поднимаю руку, останавливая её.

— Вы можете не тратить лишних слов.

— Мой девиз — слишком много лекций не бывает. Спросите своего брата, чтобы подтвердить мою философию. Иногда, ты идешь по хорошему пути, но достигаешь развилки. Иногда ты решаешь пойти прямо, и все выходит чики-пуки. Но иногда другие пути также

выглядят интересными, и ты решаешь немного сменить пейзаж.

— Мораль сей басни?

— Не меняйте пейзаж, Луис. Я знаю вашу семью с тех пор, как вам было одиннадцать. Вы такой же умный, как и Алекс, такой же целенаправленный, как и Карлос, и вы полны своей собственной харизмы, которая располагает к вам. И вы можете потерять все это вот так... — Она щелкает пальцами.

— Иногда у тебя нет выбора в том, какой дорогой следовать. Иногда тебя силой заставляют идти по ней, — отвечаю я.

Она вздыхает.

— Я знаю, что это нелегко. Алекс пошёл по разрушительному пути, но он нашёл способ всё исправить. Я знаю, вы тоже сможете. Она указывает пальцем на моё лицо, действуя как строгий учитель, которым она всегда и была. — И если вы будете ругаться в моём классе снова, я лично отведу вас в офис директора Агирре.

— Вы не такая уж и строгая, как думаете, — говорю я ей. — В вашей политике нулевой терпимости слишком много серых пятен.

Она фыркает и соскальзывает со стула.

— Это из-за беременности. Уверяю вас, после того, как я рожу, я вернусь в школу злее, чем когда-либо была.

— С нетерпением буду ждать, — с сарказмом говорю я.

После наказания я отправляюсь в Брикстоун.

— Ты опоздал, — говорит Фрэн, когда я подхожу к ней.

— Я знаю. Моя учительница химии задержала меня после школы. Этого больше не повторится.

— Надеюсь, это так. Я не терплю опозданий сотрудников. — Она сужает глаза и подходит ближе. — Что случилось с твоим лицом?

О чёрт. Я мог бы просто соврать ей, что упал с лестницы, но сомневаюсь, что она мне поверит. Я говорю ей правду.

— Я подрался.

Она даёт мне знак следовать за ней в её офис.

— Садись, — говорит она, указывая на кресло для гостей. Она кладёт руки на стол и наклоняется вперёд.

— Я наняла и уволила за мою карьеру больше сотрудников, чем хотела бы признавать. Я знаю, что ты новый сотрудник, но сегодня ты опоздал, и у тебя синяки на лице. Мои клиенты не хотят, чтобы их обслуживали преступники. Я видела парней, как ты, и раньше, они шли по извилистой дорожке, которая становилась все уже. Я давала им шанс за шансом, но, честно говоря, это, в конечном счете, никогда не срабатывало. Мне хотелось бы сообщить тебе лучшие новости, но мои инстинкты говорят мне, чтобы я отпустила тебя.

— У меня была плохая неделя. Просто дайте мне ещё один шанс, — говорю я, но она уже направляется к двери.

— Мне жаль. Твоя последняя зарплата будет отправлена к тебе домой. — Фрэн смотрит на часы, давая понять, что моё время закончилось. — Я желаю тебе всего наилучшего в твоей будущей работе. Билл! — кричит она. — Мистер Фуэнтес больше не является сотрудником. Пожалуйста, проводи его из здания.

Сначала она увольняет меня, словно этого было мало, а теперь, в довершение всего, еще и вышибалу простит выпроводить меня

Я следую за Биллом к выходу.

— Это не твоя вина, — говорит он, когда я возвращаю ему карточку с моим именем и

забираюсь в автомобиль охранника, также известный, как гольф-корт. — У нас были раньше происшествия с уволенными работниками, которые оставались на территории и наводили беспорядок.

— Нет проблем, чувак. Ты просто делаешь свою работу.

Когда я выхожу из здания Брикстоуна, я не тороплюсь идти домой. Как, чёрт возьми, я объясню это mi'amá?

Уже достаточно плохо то, что она не говорит со мной с тех пор, как забрала меня из полицейского участка в субботу ночью. В добавок к этому, Чу сказал мне, что я уже КЛ; Никки думает, что я кусок дерьма, торгующий наркотиками. Питерсон дышит мне в затылок; полицейский подкатывает к mi'amá; а теперь ещё и увольнение.

К слову о недели ада.

Большой чёрный внедорожник тормозит рядом со мной. Это Чу.

— Эй, Фуэнтес. Садись в машину.

Когда я был ребёнком, я знал, что нужно держаться подальше от Чу. Однажды я подслушал, как Алекс говорил Пако, что Чу был сумасшедшим ублюдком, который в одну минуту утверждает, что он твой лучший друг, а в другую — направляет пистолет в твою голову.

Чу стал старше, с обветренной кожей и пустыми глазами. Mi'amá предупредила меня держаться от него подальше. Но я его не боюсь, и я хочу знать, что он задумал. Я не знаю, делает это меня смелым или просто глупым.

Я сажусь в машину и восхищаюсь чистыми кожаными сидениями и приятной системой звука.

— Куда мы едем?

— На склад. — Он выпускает сигаретный дым, который задерживается в машине, прежде чем медленно исчезает. — Ты был там?

— Нет.

— Пришло время, amigo[27]. — Он едет через город. Я замечаю, что он смотрит в зеркало заднего вида и оглядывается вокруг, вероятно, убеждаясь, что за нами не следят. Он делает резкий поворот на небольшую улицу между железнодорожными путями и промышленной зоной. Вскоре мы проезжаем сквозь лесистую местность и останавливаемся у здания с большой вывеской: «КИНТЕРО ОТПРАВКА и ПОЛУЧЕНИЕ». Это всегда было прикрытием для сбора Кровавых Латино. И теперь, когда Чу вернулся, это место снова в деле.

Я оглядываюсь вокруг, размышляя, почему этот чувак мне доверяет.

— Пошли, — говорит Чу. — Нам с тобой надо немного поболтать.

Несколько парней ошиваются у входа. Он показывает им сигнал КЛ, и они отвечают тем же, прежде чем расступиться и дать нам пройти.

Он ведёт меня в комнату с огромным кожаным диваном и телевизором с плоским экраном.

— Садись, — приказывает Чу, доставая ещё одну сигарету и закуривая.

Я хочу знать, что, черт возьми, он хочет от меня, безо всякой фигни.

— Я в порядке.

Он пожимает плечами, потом садится на диван и кладёт ноги на журнальный столик, стоящий перед ним.

— Я хочу, чтобы мы были друзьями. Я следил за тобой, когда ты оставил Фейрфилд. Ты умный парень, Луис. Умнее, чем большинство pendejós[28] тут.

— Ты вышиб дерьмо из моего брата и оставил его умирать. Ты не хочешь быть друзьями, Чу. Ты хочешь использовать меня как пешку.

— Все мы пешки, Луис. Суть в том, что Кровавые нуждаются в тебе, и пришло время для тебя сделать шаг вперёд. Всем когда-то приходится это сделать.

— Чтобы занять место моего брата?

— Конечно, если ты хочешь так это назвать. Кровавые возвращаются обратно в Фейрфилд. Ты либо с нами, либо против нас. Алекс знал, как все работает, и был достаточно умен, чтобы присоединиться. Он знал о последствиях того, что случится, если откажешься, когда тебя приглашают вступить в наше братство. Теперь твоя очередь.

— Что ты имеешь в виду?

Он достаёт из-за пояса своих джинсов глок, с громким стуком кладёт его на журнальный столик и смотрит на меня со строгим, серьёзным выражением на лице.

— Ты ведь хочешь, чтобы твоя семья и дальше была в безопасности, не так ли?

Глава 24

Никки

Я верю в систему правосудия. Тот факт, что Луис намекнул, будто я несправедливо его осудила, просто...

Ладно, может быть, я и осуждала его. Но доказательства были у его ног.

Во время ужина я не могу есть. Было больно смотреть на искаженное лицо Луиса, после того, как я сказала ему, что он торговал наркотиками, это заставляет чувствовать себя ужасно. После ужина я иду домой к Кендалл.

Я плюхаюсь в фиолетовое кресло-мешок в комнате Кендалл и всё вкладываю.

— Я все высказала Луису, а он разозлился, что я осудила его прежде, чем выслушать его версию. Я чувствую себя дерьмом. Мы с Луисом дурачились в домике у бассейна Дерекка прямо перед дракой. Это было впечатляюще. — У меня в животе бабочки от воспоминания, как далеко мы зашли. — Я не помню, чтобы с Марко когда-нибудь было так впечатляюще, и это пугает меня. Я не могу погрузиться в отношения с парнем, который в банде, дерется и торгует наркотиками.

— Я согласна с тобой, — говорит Кендалл.

Ох, как бы я хотела повернуть время вспять и заставить Луиса проигнорировать стук Марко в дверь бассейнового домика.

— Я сказала Луису, что было весело дурачиться с ним, но честно, это было больше этого. Ощущение было реальным, и я увлеклась из-за этого.

— Ты сказала ему, что это было просто случайным развлечением?

— Что ещё я должна была делать, Кендалл? Я не хочу, чтобы он думал, что это была уловка, чтобы начать с ним встречаться и что я запала на него. Он наверняка посмеялся бы мне в лицо.

С первой секунды моей встречи с Луисом я знала, что он был игроком. Он даже не пытался скрыть тот факт, что он хотел провести со мной ночь, когда мы встретились. Когда я отказала ему, он переключился на кого-то, кто был более чем готов.

У Кендалл звонит телефон, но она игнорирует его.

— Ты никогда не задумывалась, что Луис не будет считать, что его поймали в ловушку, будучи в отношениях с тобой?

— Нет.

— У тебя, подруга, есть проблемы, над которыми тебе все ещё нужно работать.

Я и без тебя это знаю.

— Только мысль о том, чтобы завести отношения с кем-то, пугает меня. Хотя это спорная тема, потому что мы предполагаем, что Луис — бандит.

Кендалл вздыхает.

— Я не знаю. Если он имеет дело с наркотиками, уходи сейчас, пока не втянулась. Но Дерек думает, что у него нет никаких дел с этим. Они стали друзьями.

Ух, я настолько сбита с толку. Я была так уверена, после того как Луис участвовал в драке и

я увидела наркотики на земле, что он виновен. Сейчас я сомневаюсь в себе.

— Ты думаешь, что я должна поговорить с ним?

— Поговорить с кем? — говорит Дерек, заходя в комнату и целуя Кендалл, будто они супружеская пара.

— С Луисом, — говорю я.

— Я видел, как его выпроваживала Брикстоунская охрана около двух часов назад. Я пытался дозвониться до него, но он не отвечает. Он выглядел довольно удрученным, — говорит Дерек.

— Что случилось? — в панике спрашиваю я. — Почему они его уволили?

Он пожимает плечами.

— Я не знаю. Я поспрашивал нескольких сотрудников, но не получил ни одного ответа.

С новой решимостью я встаю с кресла и беру свои ключи.

— Я поеду к Луису, поговорю с ним.

Я чувствую себя ужасно, а что, если каким-то образом его увольнение из Брикстоуна связано с задержкой в классе химии. Я так и не дала ему возможности всё объяснить, потому что в глубине души я искала предлог, чтобы оттолкнуть его.

Я выбрала путь трусихи.

— Никки, подожди! — Кендалл хватается за сумочку. — Мы пойдём с тобой. Для моральной поддержки.

— Спасибо, но я должна сделать это сама.

Кендалл смотрит на меня понимающим, сочувствующим взглядом.

— Просто запомни, что если это должно было произойти, это к лучшему!

Это заставляет меня задаться вопросом, если это не должно было случиться, насколько хуже все может стать?

Глава 25

Луис

Я иду домой, радуясь тому, что mi'amá работает, так я могу побыть один и запереться в своей комнате. Но в мгновение, когда я вхожу в дом, понимаю, что это не вариант. Оба моих брата сидят на диване в гостиной. Я не видел Карлоса больше года и не ожидал, что его отпустят из больницы в Германии раньше, чем на следующей неделе. Он выглядит хорошо, но, когда он встает, я могу сказать, что ему больно.

— Привет, братан, — говорю я. — Они отпустили тебя раньше?

— Я не мог больше терпеть сборище людей в больнице, поэтому уговорил отпустить меня. Я почти не узнал тебя, — говорит Карлос, быстро меня осматривая. — Сверкаешь неплохими синяками. Как выглядит другой парень?

— Ты имеешь в виду других пятерых парней?

Карлос оценивающе свистит и обращается к Алексу:

— Наш младший брат превратился в истребителя, пока меня не было.

— Кому ты рассказываешь, — бормочет Алекс. — Спроси его, с кем он болтается?

Карлос поднимает бровь.

— С кем ты болтаешься, Луис?

— Не твое дело. Алекс, где Брит и Пако?

— На ужине в доме ее родителей. Я избежал этого, когда узнал, что Карлос прилетает сегодня. Так, Луис... Я получил сообщение от Хулио несколько минут назад, в котором говорилось, что тебя уволили. Что случилось с твоей работой в загородном клубе?

— Это также не твое дело.

— Ты наш младший брат, — говорит Карлос, продвигаясь ко мне, как солдат на миссию. — Всё, что ты делаешь, наше дело.

Последняя вещь, которая нужна мне, — это братья, дающие мне по башке, особенно сейчас. Я бы пихнул Карлоса, но предполагается, что он получил глубокую рану с кучей стежков на ноге от осколка, который врезался глубоко в его мышцу.

— Отстань, — говорю я ему, но мои слова не находят отклика.

Карлос пытается прижать меня к стене, как он делал, когда мы были маленькими. Я быстрее и ускользаю из его досягаемости, но не до того, как он успевает схватить меня за футболку и резко притянуть ближе к своему лицу.

— У тебя есть оружие, не так ли? — спрашивает он, отпустив мою футболку.

Дерьмо. Поймали. Алекс в гневе. Он встает рядом с Карлосом, и оба моих брата образуют «живую» стену, не давая мне убежать.

— Отдай это мне, — рычит Алекс.

Карлос качает головой.

— Что за херня, Луис? Ты состоишь в банде?

Я слышу, как открывается входная дверь, и mi'amá зовёт.

— Что происходит?

Рейес стоит за ней в военной форме.

Карлос моментально покровительственно меня закрывает.

— У вас есть орден? — спрашивает он.

— Карлос, — выговаривает mi'amá. — Не будь грубияном. Я пригласила Цезаря на ужин.

— Кто такой, чёрт возьми, Цезарь? — спрашивает Карлос.

— Наш сосед, — объясняю я. — И хозяин.

Карлос смотрит на меня, на Алекса, затем на mi'amá.

— Это какая-то шутка?

— Боюсь, что нет, — говорит Алекс.

Mi'amá ставит продукты на кухне и возвращается в комнату.

— Что ты делаешь дома так рано, Луис?

— Меня уволили. — Она в шоке моргает несколько раз. — Уволили?

— Им не нравятся сотрудники с синяками от северных клиентов.

Mi'amá разочарованно качает головой и вздыхает. Чёрт, я думаю, она вот-вот заплачет. Интересно, это потому что Дружелюбный Офицер здесь? Она извиняется и угрюмо уходит обратно на кухню.

Рейес выходит вперед и протягивает руку Карлосу.

— Ты, должно быть, Карлос. Твоя мать очень гордится твоей службой. Хорошо наконец-то встретиться с тобой.

В то время как Карлос и Рейес пожимают друг другу руки, Алекс хлопает меня по плечу.

— Мы с Луисом скоро вернёмся, — говорит он им.

В моей комнате, которая когда-то была нашей, Алекс по-отцовски наседает на меня.

— Лучше тебе не быть торговцем наркотиков, — говорит он строгим шепотом, так, чтобы Рейес не мог слышать нас.

— Я не дилер.

— Почему тебя уволили? Не заливай мне.

— Это не из-за банды, Алекс. Я уже говорил, меня уволили из-за синяков на лице... и из-за опоздания на работу, — добавляю я.

— Почему ты опоздал? — спрашивает Алекс, не прекращая свой допрос. Я думаю, он выбрал не ту профессию.

— Питерсон наказала меня. Теперь отвали, бро. Я не связан с бандой, и я не дилер. Seriously, Алекс, перестань выкладывать свое дерьмо на меня. — Я стягиваю рубашку и

показываю ему, что я скрываю. Это черный свернутый блокнот за моим поясом. Я вытаскиваю его.

— У меня нет пистолета за поясом. Вот, что я прятал. — Карлос, который только что зашел в комнату, выхватывает блокнот из моей руки. — Что это?

— Пушка, которую ты думал, он прячет в штанах, — говорит Алекс. — Это блокнот, Шерлок.

Карлос открывает блокнот и начинает читать первую страницу вслух.

— Никто, на самом деле, не знает ее, кроме немногих избранных. Ее тайны скрывает поцелованный солнцем оттенок ее кожи.

— Отдай мне его! — кричу я, стараясь забрать назад блокнот. Карлос держит его вне моей досягаемости и продолжает читать.

— Если я протяну руку, чтобы прикоснуться к ней, она просто сбежит, моя вечность, мое всегда. И придется ждать другого дня.

— Святое дерьмо, бро. Это нечто. Алекс, я готов был поспорить, что ты был единственным слащавым в нашей семье, но я ошибся. Луис побил твои рекорды. — Карлос закрывает блокнот и отдает его мне. — И кто же эта счастливица?

— Неважно. Она думает, что я грязь.

Карлос смеется.

— Это значит, что ты ей нравишься, братан. Черт, когда я в первый раз встретил Киару, она думала, что я придурок.

— Ты и был придурком, — вмешивается Алекс.

— Чертовски верно, — говорит Карлос, полностью собой гордясь. — Девушкам нравятся придурки, по крайней мере, так было, когда я учился в средней школе. Для них мы загадка. Киара была другой. — Он смеется, думая о своей девушке.

— С другой стороны, Киара была загадкой для меня. Она не сделала мой путь лёгким. — Никки тоже не делает это лёгким для меня. Всё было так просто, пока мы не вернулись в Фейрфилд. У меня был уверенный, надёжный десятилетний план. Теперь, когда я вернулся, все мои планы превратились в дерьмо. Сегодня я был вынужден сделать выбор между безопасностью моей семьи и моим собственным будущим. Я мне пришлось сделать то, что я сделал. Моя семья на первом месте. Они всегда на первом месте. Мне пришлось забрать оружие Чу, лежащее на столе. Затем присягнуть на верность Кровавым Латино, что все кардинально испоганило. Как долго я смогу сохранять правду в секрете от моих братьев, когда они уже подозревают?

— Алекс! Луис! Карлос! Помогите мне накрыть на стол! — зовет нас mi'amá.

Мои братья отвлекаются, когда слышат ее голос.

— Ну, поговорим об этом потом, — обещает Алекс.

Я притворяюсь спокойным, пока все заняты на кухне. Это мой шанс, чтобы спрятать оружие.

Когда Рейес вошел, я спрятал глок в мои шорты. Никто не видел, что я вытащил блокнот из рюкзака и свернул его.

Я не думал, что смогу проверить это, но мне удалось. Я клянусь, несколько раз я думал, что пистолет был готов сползти, но каким-то чудом он держался, пока Алекс не вышел из комнаты.

Теперь я могу спрятать его так, чтобы братья не смогли найти его и чтобы Пако случайно не взял его, когда придет, и не принял его по ошибке за игрушку. У меня нет времени, чтобы подумать, и я сую его в карман единственного костюма, который у меня есть. Я надевал его на похороны, свадьбы и несколько дней рождений (пятнадцатилетий). Костюм висит в задней части шкафа, так что я уверен, что он надежно спрятан. Я иду обратно в кухню и надеюсь, что чувство

вины не написано на моем лице.

— Эй, ма. Ты знаешь, что Луис влюблён в девушку? — говорит Карлос, когда мы все садимся за небольшой кухонный стол. Даже Рейес все еще здесь, но так как он уловил прозрачный намек на то, что мы не в восторге видеть его тут, он сидит тихо.

— Это для меня новость, — говорит mi'amá. Она даже не смотрит в мою сторону, явно ещё злясь, что я подрался и потерял работу. Я рад, когда раздаётся звонок в дверь, который прерывает молчание.

— Ждёте кого-то? — спрашивает Алекс, пока идет к входной двери.

— Нет, — говорит mi'amá.

Моя кухня Елена врывается в дом, будто торнадо. Всё в Елене большое. У нее большие волосы, большая личность, и... Ну, давайте просто скажем, ей не нужны силиконовые имплантаты. Елена веселая, но она становится страшной латиноамериканкой, когда кем-то сильно разозлена.

— Этот ублюдок здесь? — спрашивает она.

Алекс пожимает плечами.

— И этот ублюдок...

— Хорхе. Ты знаешь, мой неверный муж.

Mi'amá торопится к Елене.

— Что случилось?

— Я застала его в Хомстайл Буфшет с этой шаболдой, Ниной Херрера.

— Кто такая Нина Херрера? — спрашиваю я.

— Его девушка из старшей школы. Я поймала их на месте преступления.

— Ты поймала их, когда они занимались сексом в Homestyle Buffet? — вмешивается Карлос, сбитый с толку и, может быть, немного удивленный.

— Нет. Они обедали! Когда в последний раз мой, сукин сын, муж брал меня на ужин? А? А? Никто не хочет ответить на этот вопрос?

Она показывает на каждого из нас, когда она фокусируется на Рейесе, она усмехается.

— Лорена, ты в курсе, что у тебя полицейский сидит за обеденным столом?

— Я Цезарь, — поднимаясь, представляется он.

Она смотрит на наручники, прикрепленные к его форме, только и ждущие, когда их замкнут на ничего не подозревающем преступнике. У самой Елены были стычки с La Ley[29], когда она была моложе, так что она доверяет полицейским не больше, чем остальные из нас. Она делает шаг в сторону от Цезаря, как будто у него есть какие-то инфекционные заболевания.

— Да, ммм... — Она поворачивается к mi'amá и говорит быстро и яростно: — Какого-черта-ты-делаешь-с-полицейским-в-своём-доме? — Она говорит так быстро, как будто это одно слово.

— Он мой друг, — отвечает Mi'amá.

Елена медленно кивает, пока ее мозг обрабатывает информацию.

— Он друг? С каких это пор ты стала дружить с полицейскими? Подожди, может быть, это знак!

Она наклеивает большую улыбку на лицо и поворачивается к Рейесу.

— Вы мне нужны, чтобы арестовать моего изменника-мужа.

— Я действительно хотел бы помочь вам, — говорит Рейес, — но по закону я не могу этого сделать.

— Кто сказал что-нибудь о выполнении закона?

— Она шутит, да? — спрашивает Цезарь mi'amá, она смущённо пожимает плечами.

— Нет.

Оставляя Рейеса, потому что он не может помочь в её деле, Елена становится возле тарелки

Карлоса и протягивает руку, чтобы взять кусочек его такито.

— Я забыла поздравить тебя с возвращением домой, Карлос. Как твоя нога?

— Если честно, Елена, — говорит Карлос, пока она целует его в щеку, оставляя большой красный след от помады, — когда ты вошла, я не чувствовал никакой боли. Ты даже более занимательна, чем телек, и более эффективна, чем вайкодин.

Она переводит свой взгляд от Карлоса на меня. Я издаю стон, когда она берет мою щеку и сжимает между пальцами.

— Я люблю вас, мальчики Фуэнтес, как своих собственных. Чмок!

Она подходит ближе. Я ясно вижу волосы на ее подбородке, которые нужно вырвать, и ее сильный парфюм режет мне нос. Ее губы начинают сжиматься и меня передергивает.

— Пожалуйста, не измажь меня в помаде.

— О-о-о, ты знаешь, что любишь это, — отвечает она. Я стараюсь спасти своё лицо, но она всё равно оставляет мокрый след на моей щеке своими большими губами.

— Как там, все плохо? — спрашиваю я у Алекса.

Алекс наклоняет голову в сторону, исследуя отметку.

— Да-а-а. Неслабо она тебя, брат.

Алекс не ждет, пока Елена оставит свою метку на нем. Вместо этого я вижу, как он раскрывает руки для объятий. Когда она идет, чтобы поцеловать его, он наклоняет и сам оставляет поцелуй на ее щеке.

— Ты изворотливый, — говорит она, грозя ему пальцем. — Если ты когда-нибудь изменишь Бриттани, я действительно отрежу твой член.

— Тебе придётся встать в очередь за Бриттани, если это когда-либо произойдет. Слушай, Елена, я позвоню Хорхе и выясню, что случилось. У него нет никакой интрижки.

— Есть кто дома? — голос Хорхе эхом разнесся по дому.

Мой стул скрипит по полу, когда я быстро двигаюсь, чтобы помочь Алексу сдержать Елену, только бы она не кинулась на Хорхе. Когда Рейес хочет вмешаться, я выставляю руку, чтобы остановить его.

— Это нормально, — я говорю ему.

— Для кого? — отвечает он.

— Я не изменял тебе, — говорит Хорхе, выглядя ужасно. — Нина хотела с кем-то поговорить после того, как она рассталась со своим парнем, вот и все. Не веди себя, как ревнивая жена.

— Я не ревную, — выкрикивает Елена, царапая нас, чтобы добраться до него. — Culero[30], получи подсказку. Когда бывшая девушка хочет поговорить с тобой, это код «Я хочу вернуть тебя обратно».

Снова раздался дверной звонок.

— Я открою, — говорит Алекс. Я не обращаю внимания, пока его громкий командующий голос не разносится на весь дом, сообщая: — Луис, к тебе гость.

Глава 26

Никки

Я стояла рядом с домом Луиса в течение нескольких минут, успокаивая нервы, прежде чем позвонить в звонок. У них явно вечеринка. Через окно я вижу полный дом людей. Дверь открывает Алекс. Он знает, кто я. Каждые несколько месяцев мои родители приглашают его с женой и сыном к нам в дом на ужин или воскресный бранч. Он зовет Луиса, и мое сердце колотится в ожидании.

Луис подходит к двери с большим красным следом от помады на щеке.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает он напряженным голосом. Очевидно, он не рад

меня видеть.

— Заходи, — говорит Алекс, обнимая меня и подталкивая внутрь.

— У тебя по-прежнему чертова помада на лице, брат, — бормочет Алекс Луису, когда мы проходим мимо него.

Луис выругивается, затем начинает энергично вытирать щеки.

— Моя кузина любит ставить на нас отметки, — объясняет он. — Это своего рода ненужная и раздражающая традиция.

Я прохожу, замечая полицейского, стоящего рядом с мамой Луиса. Карлос тоже здесь, наряду с другой парой. Супруги, должно быть, в пылкой ссоре, потому что они не выглядят счастливыми.

Карлос указывает на меня:

— Это та девчонка? — спрашивает он Луиса. — Из стихов.

— Каких стихов? — спрашиваю я, из-за неожиданно возникшего любопытства.

— Нет никаких стихов, — настойчиво отвечает Луис. — Мой брат бредит от обезболивающих. Не слушай его.

— С тобой все в порядке? — спрашиваю я Карлоса.

Карлос поднимает штанину, обнажая страшноватый порез, идущий через все его бедро, вплоть до икры, стянутый рядом скоб.

— Это доказательство того, что свобода не является бесплатной.

— Ауч. Как это произошло? — съёживаясь, спрашиваю я. Даже смотреть на это больно.

— Осколок от IED. — Он прищуривается, глядя на меня. — Ты мексиканка?

— Карлос! — восклицает его мама осуждающим тоном.

— Серьёзно, брат, заткнись, — произносит Луис.

Карлос поднимает руки в знак капитуляции.

— Что, это преступление, спросить девушку, мексиканка ли она?

— Нет. Это просто грубо, — говорит Луис.

Карлос от души смеется.

— Братан, когда я не грубил?

Я отвечаю Карлосу:

— Я американка больше, чем мексиканка. Это имеет значение?

— Только если ты не отрицаешь своё наследие. Ну, знаешь, не хочу разжижать культурную вражду.

— Карлос, кто бы говорил, — произносит Алекс в тон ему. — Его собственная девушка — белее не бывает.

— Ты шутишь, Алекс? Ты смотрел на свою белую, как лилия, жену в последнее время? — игриво спорит Карлос.

— Эй, — говорит Алекс. — Перед тем, как критиковать белых людей, ты может вспомнишь, что твой племянник наполовину белый.

— Не та половина, которую я считаю, — с гордостью говорит Карлос. — Послушайте, я — американец и то, что я борюсь за эту страну, не значит, что я игнорирую своё мексиканское наследие, будто стыжусь этого.

— Я не стыжусь этого, — говорю я. — Я не знаю испанского и не хожу, размахивая мексиканским флагом. Я не собираюсь притворяться, когда я не очень много знаю об этом.

— Никогда не поздно учиться, — отвечает Карлос.

— Луис, ты собираешься представить меня своей подруге? — вмешивается его мать.

Луис колеблется, поэтому я делаю шаг вперёд.

— Я Никки, — говорю я с улыбкой.

— Никки Круз, — говорит Алекс. — Дочь доктора Круза.

— Ах, я помню тебя. — Она наклоняет голову, глубоко задумавшись. — Ты была на свадьбе Алекса?

Я молча молюсь, чтобы она не упомянула, как я ударила коленом Луиса в пах на танцполе. Я бы не хотела вспоминать этот случай прямо сейчас. Но Карлос не позволяет этому проскользнуть мимо. Он оживает.

— О да! Никки, это не ты ли ударила Луиса в...

— Никки ходит в Фейрфилд, — объясняет Луис. — Мы вместе в классе химии.

Теперь все молчат в ожидании, что скажу я. Я тихо обращаюсь к Луису:

— Мы можем поговорить?

— Да. Иди за мной. — Я следую за ним через кухню и чёрный выход. — Хорошо, — произносит он. — Говори.

Я откашливаюсь и смотрю на небо, зная, что Луис хочет подняться туда однажды. Он будет следовать своим мечтам, или он изменил свои планы?

— Я думала о том, что ты сказал на химии сегодня. Ты знаешь, часть меня осудила тебя

прежде, чем у меня были все факты. Ну, а после, я подумала об этом... и ты был прав.

— Это неважно. — Он пожимает плечами.

— Важно... для меня, — говорю я.

— Почему? У тебя сложилось мнение обо мне. — Он коротко усмехается. — У всех есть мнение обо мне.

— Скажи мне прямо сейчас, что ты не торговал наркотиками, и я поверю тебе. Посмотри мне в глаза и скажи правду.

Он смотрит прямо мне в глаза.

— Я не дилер, — говорит он, его взгляд абсолютно прямой. — Наркотики были не моими. Я не Марко, так что прекрати ставить нас на одну и ту же ступень.

— Ты дружишь с ним.

— Я так же дружу с Дерекком. Я не знаю, что, чёрт возьми, произошло у тебя с Марко. И честно, я не хочу знать, потому что, если бы я знал, я бы, наверное, хотел выбить из него все дерьмо.

— Мне не нужно, чтобы ты защищал меня.

— Что, если я хочу?

Я наблюдаю, как он смотрит на небо и разглядывает звезды.

— Черт, Ник, ты не имеешь понятия, какие сумасшедшие мысли проносились в мой голове с тех пор, как мы были на лодке Дерекка, и потом после субботней ночи... Ты хочешь игнорировать то, что случилось, но я не могу.

— Честно говоря, я тоже не могу. — Я сглатываю комок в горле. — Я должна знать, если ты состоишь в КЛ, потому что ты не должен там быть.

— Посмотри на меня, — говорит он. Когда я смотрю, он вздыхает. — Я не бандит, Ник.

— Ты был прав. Я хотела думать худшее о тебе, потому что так я могла игнорировать связь между нами, которую я чувствую, когда мы вместе. Это как будто мы без слов понимаем друг друга, а потом в субботу вечером, когда мы были одни в доме у бассейна ...

— Ты сказала, что это было веселье.

— Я сказала так, только чтобы оттолкнуть тебя. Хантер однажды сказал мне, что большинство парней могут сделать больно девушкам, которых любят с такой же легкостью, с какой имеют однодневные связи. Марко был последним парнем, с которым я встречалась, и он практически уничтожил мое сердце, душу, и все между ними. Это было более, чем весело в субботу ночью, Луис. Мне нужно знать, если ты думаешь, что мы можем сделать так, чтобы это сработало между нами.

— Ничего себе. Судя по тому, как проходит моя неделя, это последнее, что я ожидал услышать. — Луис проводит рукой по волосам. Я чувствую, что он напряжен. — Моя жизнь сейчас так чертовски сложна.

— Прости, — говорю я. — Я не хочу усложнять всё ещё больше. — Я смотрю на землю, потому что не хочу видеть его лицо, когда он скажет мне, что я сбрендила.

— Это не твоя вина, — Он делает глубокий вдох, а затем медленно выдыхает. — Ник, я должен быть честным. Я не знаю, хорошая ли это идея, связываться со мной прямо сейчас.

— Я понимаю, — отвечаю я. — Ты не должен объяснять.

Он не пытался скрыть тот факт, что был бабником, когда я встретила его. Я была глупа, думая, что наша связь могла бы вдруг изменить его.

— Нет, ты не понимаешь, — уголки его губ изгибаются в небольшой улыбке. Моё дыхание сбивается, когда он протягивает руку и кладет ее мне на затылок, побуждая меня посмотреть на него. — Я не хочу быть ни с кем, *mi chava*. Я хочу, чтобы ты была моей девушкой.

— Правда?

— Да, правда.

Его слова успокоили мои увеличивающиеся сомнения.

— Я тоже не хочу быть с кем-то другим, — говорю я.

Я не хотела позволять любому быть рядом со мной, но это было прежде, чем Луис вернулся в мою жизнь. Возможно, это просто мы, пытающиеся выяснить, где мы находимся. Времена изменились, я изменилась, и я готова оставить прошлое позади. Момент проходит, и я чувствую, что умиротворение накрывает меня, как одеяло. Я надеюсь, что он не видит слез, угрожающих пролиться из моих глаз.

— Иди сюда, — говорит он, притягивая меня к себе. — Ты вся дрожишь.

Я закрываю глаза, и слеза стекает по моей щеке. Луису удалось разрушить мою невидимую защитную броню, и я чувствую себя очень уязвимой.

— Мне страшно.

— Мне тоже. — Он крепче обхватывает меня и целует в макушку.

Так хорошо снова быть в его объятиях. Я упираюсь головой в его грудь, впитывая тепло его тела.

— Обещай, что ты всегда будешь со мной честен, Луис.

— Я обещаю.

Глава 27

Луис

Вторая ложь, которую я только что сказал своей девушке, — я буду с ней честен. Первой было то, что я не в КЛ. Если бы она знала, что у меня есть задание от Кровавых, и то, что мне было приказано спрятать пушку, я бы ее потерял.

Я понимаю, что я эгоистичный ублюдок, но я не могу отказаться от шанса сделать Никки частью своей жизни.

Задняя дверь открывается. Бриттани держит на руках Пако. Она удивленно вздыхает, заметив нас.

— Упс, извините, — говорит она, отступая назад. — Я не хотела вам мешать. Пако искал тебя, Луис, и твоя мама сказала, что ты на улице. Я не знала, что ты с кем-то. — Она щурится в замешательстве, пытаясь понять, кого видит перед собой. — Никки Круз, это ты?

— Да, — говорит Никки, отходя от меня.

— Ох. Вау, хорошо. Я не думала, что вы с Луисом, гм, друзья.

— Мы, как бы, больше, чем друзья, — говорю я своей невестке.

— Что происходит? Вы, ребята, как бы встречаетесь?

Я обнимаю Никки рукой, потому что считаю, что это то, что я должен сделать, и, к тому же, я хочу ее ближе. Она смотрит на меня, и я могу поклясться, что готов смотреть в ее карие выразительные глаза до конца моих дней.

— Да, мы встречаемся, — говорю я, не отводя взгляда от моей девушки. — Так, *mi chava*?

Наши глаза всё ещё сосредоточены друг на друге, когда Никки улыбается и кивает.

— А твоя мама знает? — спрашивает Бриттани.

— Пока нет, — говорю я ей.

Бриттани смеётся.

— Я думаю, она догадывается. Я ловила её выглядывающей из кухонного окна по крайней мере дюжину раз, с тех пор как я пришла. Я понятия не имела, что ты здесь с девушкой... что полностью объясняет, почему шла слезка. *Mamá* Фуэнтес защищает своих мальчиков, как наседка. Я уверена, что не буду отличаться, когда мой сын начнет знакомиться с девочками. Запомни это, Пако.

— Уаа! — кричит Пако и извивается, чтобы вылезти из маминых объятий.

— Пако, Тіо[31] Луис занят, — говорит она ему. — Он не может поиграть с тобой прямо сейчас.

— Всё в порядке, — говорит Никки, разрывая наш зрительный контакт. — Мне всё равно нужно возвращаться домой.

Как только Бриттани отпускает его, Пако бежит ко мне.

— Как мой маленький taquito? — спрашиваю я, беря его на руки и давая ему пять. — Разве ты не должен сейчас спать?

— Да, должен, — раздражённо вмешивается Бриттани. — Моему сыну нравится бодрствовать всю ночь и спать весь день... как и его отцу. — Она кладёт руку на растущий живот. — Этот тоже каждую ночь мне спать не дает. Да поможет мне Бог.

— Он Фуэнтес, — говорю я с гордостью. — Правда, Пако? Скоро станешь боссом младшего брата? Он кивает.

Не Бриттани.

— Надеюсь, это девочка. Мужчины-Фуэнтес этой семьи истощают меня. Я не знаю, как ваша мама выжила рядом с вами тремя под одной крышей.

— Было не скучно, — слышу я тихий смех Карлоса. — Это все еще не скучно.

Алекс зовёт Бриттани в дом, оставляя меня с Пако на руках.

— Помнишь меня? — спрашивает Никки, щекоча животик моего племянника. — Я Никки.

— Ки-ки! — кричит Пако. — Ки-ки-ки-ки. Ки-ки-ки-ки. — Он кивает из стороны в сторону, как будто поет песню.

— Мы работаем над его вербальными навыками, — говорю я ей.

Она нежно проводит рукой по волосам Пако.

— Он прекрасен.

— Как и ты. — Я наклоняюсь, чтобы поцеловать ее, и на мгновение изображение нас в такой же момент в будущем вспышками проносится в моей голове... я, Никки, наш собственный сын.

— Мне действительно нужно идти. Знаешь, нам завтра в школу, — говорит Никки.

— Я не хочу, что бы ты уходила.

— Я знаю, что тебя взяли в футбольную команду. Я могу понаблюдать за вашей тренировкой после школы. Мы можем встретиться потом.

— Я должен сделать кое-что после практики. — Небольшая задача от Чу, но Никки не нужно об этом знать. — Но я встречу с тобой позже.

— Ладно, — говорит она, кивая. Я не могу сказать, есть скептицизм в этом движении или нет.

Мы идем обратно в дом. Все, к сожалению, еще здесь. И, к сожалению, все глазеют на нас.

— Я собираюсь проводить Никки к её машине, — объявляю я своей семье и вручаю Пако моему брату.

— Пока, — смущенно говорит Никки, чувствуя всеобщее напряжение в комнате. Она подходит к mi'amá. — Было здорово снова встретить вас, миссис Фуэнтес.

— Спасибо, — вежливо отвечает mi'amá. — Передавай привет своим родителям.

Передавай привет своим родителям? Внезапно mi'amá превратилась в светского человека. Или она разыгрывает сцену перед офицером Рейесом? В любом случае, я ей благодарен.

Мы с Никки выходим к ее машине, припаркованной снаружи. Она облокачивается на дверцу, прежде чем открыть ее.

— Эй, — говорит она, нервно прикусывая нижнюю губу.

— Эй.

— Ты знаешь, это уже наша традиция, да? Ты всегда мне говоришь «Эй», на что я отвечаю

«Эй». Или наоборот.

Я улыбаюсь. Она бы обратила внимание на что-то подобное. Я смотрю на эти сладкие губы, которые я до смерти хочу попробовать снова.

— Эй, — шепчу я, наклоняясь, чтобы поцеловать её.

— Эй, — тихо отвечает она в мои губы, кладя руку мне на грудь. — Хм, прежде, чем мы пойдем дальше и поцелуемся ... Я думаю, ты должен знать, что твоя семья смотрит на нас.

Я оглядываюсь на дом. Огни внезапно выключены, и я могу разобрать тени своей семьи, шпионящей через переднее окно.

— Это стрёмно, — бормочу я.

— Позвони мне позже, — говорит она, открывая дверь машины.

— Погоди, мы не поцелуемся? — Серьёзно, теперь, когда у меня есть девушка, я собираюсь извлекать из этого выгоду. Чёрт, эта неделя всё ещё продолжается, и я думаю, что поцелуй с ней сохранит меня нормальным.

Она легко целует меня.

— Вот.

— Дурацкие поцелуи моей кузины Елены и то лучше, чем это, Ник. Давай, mi chava, уступи мне тут.

— Я же сказала тебе, у нас тут зрители, — объясняет она.

Я пожимаю плечами.

— Мне плевать. Давай дадим им для просмотра нечто стоящее. Моя спина всё закрывает, так что они много не увидят.

Она обхватывает руками мою шею.

Я стону, наслаждаясь ощущением её тела, прижимающегося к моему.

Снаружи темно и тихо, только уличные фонари испускают жёлтое свечение. Никки знает, как разжечь меня простым прикосновением своих губ, и она пользуется своим преимуществом. Ее мягкие губы касаются моих, снова и снова. Мы начинаем по-настоящему целоваться. Хорошо, что моя спина скрывает наши горячие объятия.

Подъезжает автомобиль, неоднократно сигналив, и останавливается рядом с её машиной, разрушая момент.

— Повезло, Фуэнтес, — знакомый голос кричит в окно. Это Марко.

Никки замирает, затем прижимает лицо к моей груди, пытаясь скрыть свою личность. Но это бесполезно, потому что ее машина выдает ее с головой. Мои руки лежат на машине, скрывая Никки, но я знаю, что это не помогает.

— Как дела, Дельгадо? — спрашиваю я.

Он высовывается в окно.

— Очевидно, не так хорошо, как у вас с Никки. Просто совет: ей нравится, когда ей проводят языком за ухом.

— Спасибо за совет, чувак, но я думаю, я смогу понять это самостоятельно, — говорю я ему, — а теперь проваливай отсюда.

Смех Марко еще хорошо слышен, когда машина визжит шинами и исчезает в конце квартала.

— Он уехал? — спрашивает она, её голос приглушён, потому что она всё ещё держит голову у меня на груди.

— Да, не волнуйся. Я скажу Марко прекратить. — Я слегка приподнимаю её подбородок, чтобы я снова мог потеряться в её проникновенных глазах. — Моя цель — заставить тебя забыть, что ты когда либо встречалась с ним.

Я наклоняюсь, чтобы поцеловать ее снова, но она отступает.

— Я просто, знаешь, должна сказать тебе кое-что, прежде чем уеду. Я не хочу волноваться по этому поводу всю ночь.

— Давай.

— Я не буду заниматься с тобой сексом, — выпаливает она.

Ее слова врезаются в мое либидо, как ведро воды, вылитое на пламя, полное тестостерона. Я думаю, что мой член дернулся просто в знак протеста.

— Никогда? — спрашиваю я.

— Я просто не хочу, чтобы наши отношения были только сексом и ничем больше, — говорит она. — Если убрать сексуальное ожидание прямо сейчас, то так будет лучше.

Лучше для кого?

— Я не хочу, чтобы наши отношения были только сексом, Ник, но я буду честным... я надеялся, что это будет частью их, в какой-то момент.

Она смотрит налево, затем направо, как будто убеждаясь, что никто не подслушивает наш разговор.

— Я просто не могу. Знаешь, это слишком сложно.

Нет, не знаю. А хочу я знать? Дерьмо. Это из-за Марко? Или из-за меня?

— Я пойму, если отсутствие секса испортит все для тебя, — говорит она застенчиво.

Я не буду врать. Только смотря на Никки, я уже возбуждаюсь, но это больше, чем просто возбуждение. Она мне нравится. Сильно. Достаточно, чтобы хотеть называть её моей девушкой. Мне нравится просто сидеть с ней и говорить. Остальное придет, когда она будет готова.

— Хорошо, — говорю я ей. — Я согласен с этим правилом без секса. Но, эм, мы можем оставить себе возможность открыто говорить об этом в будущем? Ну, знаешь, в случае, если ты изменишь своё мнение.

— Да, — говорит она, слегка целуя меня в губы. — Хотя не думаю, что я это сделаю. Но мы можем делать и другие вещи.

Я поднимаю брови, интересно.

— Какие, например?

— Я покажу тебе позже. — Она закрывает рот, и улыбка появляется на ее лице. — Я не могу говорить об этом, когда твоя мать наблюдает за нами. Увидимся завтра.

Она садится в свою машину и отъезжает, как раз когда mi'amá открывает двери нашего дома.

— Ты не хочешь мне ничего рассказать? — спрашивает она, прежде чем я захожу домой и сталкиваюсь с остальными членами семьи.

— Да. У меня есть девушка.

— Тебе не кажется, что девушка будет только усложнять тебе жизнь?

— Sí, Mamá. Это усложнит мне жизнь. — Но не в том смысле, о каком она думает. Кровавые Латино, словно черное облако у меня над головой. Как бы мне хотелось, чтобы была какая-то возможность узнать, что замышляет Чу, не связываясь с Кровавыми. Но ее нет. — Все будет нормально.

— Колледж гораздо важнее, — говорит она. — Важнее девчонок. Не позволяй ничему отвлечь тебя от твоей цели, Луис. Ты будешь сожалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

Сейчас моей целью является пережить завтрашний день, особенно после футбола, когда мне нужно будет быть в Эванстоне. Это мое первое поручение Чу и еще один способ доказать, что я готов идти на риск ради Кровавых. Я бы солгал, если бы не признал, что часть меня с нетерпением ждет этого задания.

Глава 28

Никки

Утром я просыпаюсь и немедленно включаю свой телефон, надеясь увидеть сообщение от

Луиса. Бабочки порхают у меня в животе только от мысли, что, возможно, он думал обо мне, когда проснулся этим утром.

Текст появляется на экране. Это от Луиса. Я не могу не улыбаться, когда я читаю его прекрасно продуманное сообщение.

Луис: Эй.

Сообщение было отправлено двадцать минут назад. Я быстро напечатала соответствующий ответ и нажала ОТПРАВИТЬ.

Я: Эй.

Я бегу в ванную, но телефон беру с собой, на всякий случай, вдруг он ответит. Пока я чищу зубы, я слышу звук моего телефона. Другое сообщение. Быстрее заканчиваю и беру телефон.

Луис: Всё в порядке?

Я: В смысле?

Луис: Мы. Я.

Я: Да. Почему спрашиваешь?

Луис: Просто проверяю.

В школе до звонка мы с Луисом сидим на полу перед моим шкафчиком.

— Я не сделала домашнее задание по математике прошлым вечером, — я говорю ему, вытаскивая лист который выдал мистер Гэспер нашему классу. — После того, как я вернулась домой, я не могла сосредоточиться. Так или иначе, я с трудом понимаю, что здесь нужно. Мой мозг не любит исчисления. Я даже не знаю, почему мы должны учить это. Это не то, что я собираюсь использовать в реальной жизни.

— Зависит от того, чем ты будешь заниматься, чтобы выжить. — Луис двигает лист к себе на колени и изучает его. — Так, ладно, у нас есть десять минут до звонка. Я помогу тебе закончить.

Я стараюсь сосредоточиться на чем-либо еще, кроме него. Я рисую своей рукой на его невидимые круги и, в конце концов, сплетаю наши пальцы.

— Ты отвлекаешь меня, — говорит он.

— Я знаю.

Он смеётся и разделяет наши руки.

— Разве ты не хочешь закончить свою домашнюю работа, *mi chava*?

Я целую его.

— Да, но больше я бы хотела просто поболтать с тобой.

— Я не хочу, чтобы моя девушка провалила математику и осталась в летней школе. Сосредоточься, — говорит он мне.

— Ладно, ладно, — я кладу карандаш на бумагу, готовая к работе. — Я сосредоточилась.

Мы работаем, пока есть время, прежде чем звенит звонок. Я знаю только то, что Луис имеет терпение святого. Он был в состоянии объяснить вещи на уровне моего понимания, а не способом мистера Гэспера, который является слишком запутанным.

— Спасибо, — говорю я, убирая лист в папку.

— Садись со мной на обеде сегодня, — говорит он.

— С твоими друзьями?

— Да, — он сплетает свои пальцы с моими.

— Я не думаю, что это сработает. Они ненавидят меня.

— Всё будет в порядке. Я обещаю.

Кендалл и Дерек подходят к нам.

— Я думаю, вы оба решили вашу проблему прошлой ночью, а? — говорит Кендалл.

Я сжимаю руку Луиса.

— Да.

Мы с Луисом расходимся, когда звенит звонок. Я знаю, что не увижу его до обеда, но я увижу Марко. Он в моём классе по физкультуре. Я обычно игнорирую его, и он игнорирует меня.

Сегодня мне не так везет.

— Так ты наконец-то нашла другого парня, которым будешь одержима? — спрашивает Марко, пока мы бежим по трассе, которая окружает футбольное поле.

Я бегу быстрее, но он бежит в ногу со мной. Мистер Харрис, наш учитель физкультуры, держит секундомер.

— Продолжайте в том же темпе, — говорит он, когда мы пробегаем мимо.

— Знаешь, эти отношения, между тобой и Луисом не продлятся долго, — говорит Марко. Он замолкает, пока пара учеников пробегает мимо нас. — Когда он кинет тебя, ты тоже заставишь его чувствовать себя, как дерьмо, и настроишь всех на северной стороне против него, как ты это сделала со мной?

Я никого не настраивала против Марко. Мы расстались в то же самое время, когда он присоединился к Кровавым Латино. Появление в школе с татуировками банды действительно не помогло ему стать популярным среди людей, с которыми я общаюсь.

Я знаю, почти все на северной стороне игнорировали Марко после того, как мы расстались. Я просто не думаю, что это имело какое-либо отношение к разрыву, это все было связано с его попаданием в банду.

Я продолжаю бежать и игнорирую каждое слово, которое слетает с губ Марко. Жаль, что у меня нет наушников, чтобы полностью его заблокировать.

— Если ты скажешь Луису, что я говорил, я покажу всем ту фотку на моём телефоне, где ты голая. — Он наклоняется ближе. — Когда я сказал, что удалил её, я соврал. — Слёзы угрожают пролиться из моих глаз, но я сдерживаю их. Когда физкультура заканчивается, я спешу в раздевалку и молюсь, чтобы слова Марко были блефом.

В обед я замечаю Луиса в коридоре, как раз, когда мы оба входим в столовую.

— Эй, — говорит он.

— Эй. Я поем в библиотеке, — говорю ему я. — Я должна заниматься и не могу это делать, когда вокруг столько людей. Увидимся на химии, хорошо? — мне нужно уйти подальше от Марко и его угроз.

Луис начинает идти за мной.

— Я пойду с тобой в библиотеку.

— Нет. Ты самое большое отвлечение для меня прямо сейчас. А мне нужно сосредоточиться.

— Серьёзно? — спрашивает Луис. Он выглядит неубеждённым.

— Серьёзно. — Я целую его, наслаждаясь чувством его теплых губ на моих, что заставляет меня забыть угрозу Марко на данный момент. Луис заставляет меня верить, что, в конце концов, все будет хорошо.

— Эй, вы двое. Никаких публичных выражений привязанностей, — кричит учитель. О, нет. Это миссис Питерсон. Она хлопает нас по плечам.

— Прекратите это.

Миссис Питерсон ждёт, пока мы отойдем друг от друга, затем скрещивает руки на груди.

— Никки, я отправлю вас к директору Агире, чтобы он отослал вас домой вместе со студенческим руководством. Вы, очевидно, не запомнили правила. Если хотите остаться после школы и пробежаться по основам, я могу вам помочь. — Она поднимает бровь, глядя на Луиса. — Это и вас касается, мистер Фуэнтес.

— Разве вы никогда не нарушали правила, миссис Пи? — спрашивает Луис.

— Нет, — парирует она, но потом задумывается. — Ну, был разок в средней школе... — Она

замолкает. — Неважно. Я не хочу ловить вас двоих целующимися в коридоре снова. Не я составляю правила, но я должна следить за их выполнением.

Шок. Миссис Петерсон призналась, что сама нарушала правила. И, возможно, она не согласна с некоторыми из них. Луис выглядит довольным собой, потому что заставил ее в этом признаться.

— Увидимся позже, — говорю я, направляясь в библиотеку. Иди, поешь со своими друзьями.

Я сижу в одной из рабочих кабин самостоятельных исследований и вытаскиваю свой обед и книгу из раздела фантастики, которую я просто взяла с полки. На самом деле я, не должна заниматься. Я просто не знаю, как сказать Луису, что я не могу общаться с его друзьями.

Глава 29

Луис

На химии Питерсон наблюдает за нами, как ястреб. Черт, эта женщина, возможно, не составляла правила, но она точно наслаждается их соблюдением. Сегодня Питерсон читает лекцию всему классу.

Я смотрю на Никки и ловлю её взгляд на себе. Она улыбается. Я самый счастливый парень на земле. И я ненавижу себя за то, что собираюсь оставить её после практики.

Наконец звенит звонок. Никки и я идем к нашим шкафчикам вместе.

— Я встречу тебя на поле, — говорю я ей, притягивая её ближе.

Она отталкивает меня.

— Ты слышал, что сказала миссис Питерсон. Никаких ПВП в коридорах.

— Она не смотрит. К тому же, уроки закончились.

Никки грозит мне пальцем.

— Вы ходите по краю, мистер Фуэнтес, — говорит она, подражая миссис Питерсон. — Обещай мне, что не получишь другого наказания.

— Я не могу обещать этого, mi chava.

В раздевалке Дуган подходит ко мне, когда я надеваю футболку.

— Никому не нравится, что вы с Никки вместе, — говорит он. — Ну, кроме Дерека и Кендалл.

— Мне по правде похрен, что думают другие, — говорю я ему.

Я сажусь на скамейку и беру свои бутсы в надежде, что Дуган просто исчезнет.

Он не исчезает.

Он садится рядом.

— Ты знаешь, что у её родителей будет истерика, когда они узнают, что она встречается с парнем, состоящим в КЛ. Я знаю, что ты один из них... не надо отрицать это. Просто знай, я буду тем, кто будет утешать Никки, когда она поймет, что ты просто ещё один мексиканский подонок.

Я зашнуровываю первый ботинок и надеваю второй. Я не хочу, чтобы кто-либо, тем более Дуган, лез в мои отношения с Никки.

Я знаю, что у Алекса и Бриттани были похожие проблемы. Все их друзья пытались предупредить их о том, что их отношения закончатся катастрофой, но, в итоге, не имело значения, что и кто думал. Я хочу, чтобы у нас с Никки было бы так же — мы выясним все сами, без чьего-либо ещё вмешательства.

— Ты ни черта не знаешь, Дуган.

— Я знаю больше, чем ты думаешь.

Я заканчиваю с бутсами и осматриваюсь, чтобы удостовериться, что мы одни.

— Дуган, если ты хоть пикнешь об этом Никки, клянусь, КЛ надерет тебе задницу.

Не дожидаясь его ответа, я направляюсь на поле, где тренер показывает команде движения для разминки коленей. Никки сидит на трибунах с Кендалл и смотрит на нас с группой других

девушек.

Марко бежит рядом со мной.

— В чем дело Фуэнтес? — Он кивает в сторону трибун. — Я вижу, у тебя появились фанаты.

— Держи свое мнение о моей девушке при себе, — говорю я ему. — Seriously, прекрати лезть к ней, иначе будешь отвечать передо мной.

— Кто ты, её телохранитель или парень? — шутит он.

— И тот, и другой. — Я смотрю на трибуны. Никки не выглядит слишком счастливой, когда я разговариваю с Марко.

— Думаю, это забавно, что у вас с Никки небольшая интрижка, говорит Марко, хлопая меня по плечу. — Удачи с этим, брат... пока она длится. — Перед тем как я успеваю что-нибудь ответить, он убегает в сторону, чтобы поговорить с тренером.

Дерек — полузащитник, который пинает мяч так далеко и точно, как я никогда раньше не видел. Мы с Марко нападающие, и мы делаем расчеты в игре, как будто делим один мозг на двоих. Инстинктивно, мы знаем чего ждать друг от друга, и о чем мы думаем.

Единственное, что меня отвлекает, — это Никки. Каждый раз, когда мяч выходит за пределы поля, я ловлю себя на том, что смотрю на Никки, сидящую на трибунах.

— Фуэнтес, что ты делаешь? — кричит тренер. — Сал только что пасовал тебе мяч, а ты стоишь тут и витаешь в облаках.

— Извините, тренер, — говорю я.

— Уходи с поля до тех пор, пока не настроишься обратно на игру, — кричит он, давая сигнал, чтобы другой игрок заменил меня.

Я убегаю с поля и останавливаюсь возле пункта с водой. Я брызгаю в рот, потом поливаю себе на голову, чтобы я мог остыть.

— Я отвлекаю тебя, не так ли? — спрашивает Никки.

Я оборачиваюсь и вижу ее, облокотившуюся на железную ограду. Солнце светит на ее блестящие темные волосы, создавая в них проблески красного.

Она отвлекает меня? Черт, да.

— Я пропустил мяч, потому что смотрел на тебя.

— Не делай этого, — говорит она. — Ты хочешь чтобы я ушла? Это не имеет большого значения. Я не хочу разозлить вашего тренера.

Я подмигиваю ей.

— Ты знаешь, я не хочу, чтобы ты уходила.

— Никки Круз, перестаньте отвлекать моего игрока, или я сделаю тренировки закрытыми и выгоню вас! — кричит тренер.

— Иди забей гол, чтобы успокоить бедного человека, — говорит она мне.

— Так и сделаю.

Остальную часть тренировки я сосредотачиваюсь на упражнениях, а не на Никки. После тренировки Марко и я говорим о стратегии, когда покидаем раздевалку. Никки ждет меня в коридоре.

— Эй, — говорит она.

— Эй. — Я хлопаю Марко по спине. — Встретимся в твоей машине.

Он вздыхает.

— Хорошо. Но не задерживайся. Нам надо поторопиться, брат.

Я обнимаю Никки и наклоняю голову, чтобы поцеловать её, но она отступает назад.

— У тебя планы с Марко?

— Да, — я пожимаю плечами. — Он хочет, чтобы я помог ему с кое-чем.

— Почему ты не сказал мне?

— Потому что не хотел, чтобы ты знала; все в порядке? Слушай, у тебя есть проблемы с этим парнем, и я не хотел раздражать тебя. Я приеду сразу же после этого, я клянусь.

— Извини, не хотела заваливать тебя вопросами. — Она притягивают меня к себе и целует.
— У меня проблемы с доверием.

— Я знаю. Моя цель — вылечить тебя о этого.

Я обнимаю её, и мы идем на стоянку. Марко ждет в своей машине. Он сигналиит, когда видит меня.

— Давай, *pendejo!* — нетерпеливо кричит он из окна.

— Увидимся позже, — говорю я Никки, затем снова целую её, прежде чем проскользнуть в машину Марко.

Через несколько минут после того, как мы отъезжаем, Марко показывает на свой бардачок.

— Открой.

Когда я делаю это, пять маленьких пакетов с белым порошком, упакованным в голубой целлофан, смотрят на меня.

— Чу хочет, чтобы мы избавились от этого дерьма за семьдесят пять долларов за штуку. Мы можем оставить себе двадцать пять.

Я сильным ударом закрываю бардачок .

— Чувак, это кокаин. Ты знаешь, что из-за этой дряни меня едва не арестовали на выходных.

— Скажи мне что-то, чего я не знаю. Вот, — говорит он, вытаскивая листок бумаги с адресом: 2416 Ньюберри Драйв. Эванстон.

— Чу сказал, что мы можем избавиться от этого, продав этим *culero*[32].

Мы едем в Шеридан Род через Фейрфилд, поворачиваем на усаженную деревьями ухабистую дорогу, пока не доезжаем до Эванстона. Я все время молчу, высматривая в окне пешеходов, и мне интересно, что они думают про нас. Они видят двух мексиканцев в машине и сразу думают, что они наркоторговцы? Сегодня они были бы правы. Это небольшая партия товара, она не может отправить нас в тюрьму на десять лет, но этого достаточно, чтобы нас арестовали.

Угрозы Чу проносятся в моей голове. Ты или с нами, или против нас. Ты хочешь, чтобы твоя семья была в безопасности, не так ли?

Да, я хочу, чтобы моя семья была в безопасности. Я должен сделать это для своих братьев, племянника, невестки и *mi'amá*. Иметь дело с наркотиками для КЛ — это обязанность, как и возможность для меня разведать информацию изнутри. Я почти уверен, что Алекс делал это; я знаю, что Карлос делал это... сейчас моя очередь.

На улице все еще светло, поэтому нам не составляет особого труда найти дом по адресу.

— Это место — полная помойка, — говорю я, взирая на куски металла и древесины, сваленные во дворе.

— Я буду ждать в машине, — говорит Марко.

Я засовываю пять пакетов в свои карманы. Никогда не делал ничего подобного раньше и чувствую себя не в своей тарелке.

— Почему ты не сделаешь этого? — спрашиваю я у Марко. — Ты же ветеран.

— Чу сказал мне заставить тебя сделать это. Что-то насчет того, чтобы доказать твою верность. — Он смотрит в зеркало заднего вида. — Вон, я не удивлюсь, если это один из дружков Чу, проверяет, чтобы ты следовал указаниям.

Черт.

— Прикроешь меня?

— Да... да, прикрою. — Марко ведет себя абсолютно спокойно, как будто делал это уже

тысячу раз и ничего такого в этом нет. — Иди уже. Хватит увиливать.

Я лезу в сумку, которую оставил в машине Марко сегодня утром, и достаю глок. Засовывая его себе за пояс, я иду к входной двери. На ней наклейка, на которой написано ТОРГОВЫМ АГЕНТАМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН. Я собираюсь продать им наркотики. Интересно, это входит в их описание торговых агентов? Я, скорее всего, могу накатать отличное сочинение на эту тему и привести кучу аргументов за и против.

Ладно, я увиливаю. Ты можешь сделать это, говорю я себе, но мое сердце стучит часто и быстро. Я нажимаю на звонок и слышу, как кто-то подходит к двери. Она открывается.

Передо мной стоит бугай с бритой головой, похожий на одного из бойцов в клетках из ТВ-шоу. Такое чувство, что он не мылся неделю, от него разит за километр.

— Кто ты, черт возьми? — спрашивает парень.

Э-э-э... что сказать? Не так уж и легко придумывать это сразу.

— Э-э-э... Полагаю, у меня есть для тебя товар.

Я звучу, как идиот.

— Что за товар? — спрашивает парень, его не волнует то, насколько идиотским кажется этот разговор.

Я начинаю вытягивать один из пакетов, когда он хватается за рубашку и тащит в дом.

— Не вздумай сделать это снова, слышишь?! Свиньи постоянно ездят мимо, только того и ждут, чтобы сцапать таких олухов, как ты. Заметят тебя, размахивающим коком, обоих арестуют. Ладно... — Он втягивает носом воздух и его руки трясутся в предвкушении. — Показывай, что там у тебя.

Я достаю пять пакетиков.

— Семьдесят пять долларов каждый. Триста семьдесят пять за все.

Я всегда был хорош в математике.

— Как насчет трехсот пятидесяти? — возражает он.

Серьезно, это вообще позволительно, торговаться на сделке с наркодилером? Он точно считает меня новобранцем. А так и есть, но если Чу наблюдает за этим, мне бы лучше не сдавать позиции. Если завалю сделку, моя верность будет под вопросом.

— Ты что, черт возьми, думаешь, что я оптовик? — говорю я раздраженным тоном, легко входя в роль крутого члена банды. — Триста семьдесят пять или я ухожу. — Поскольку я здесь и рискую всем, я мог бы вдобавок получить и всю сумму. — У меня есть еще десять парней, которые дадут мне четыреста за дрянь этого сорта. Либо ты берёшь, либо возьмут они.

У меня был класс по высшей экономике, спрос и предложение — серьезная штука. Если этот чувак думает, что предложение низкое, а спрос высок, хороши шансы на то, что он сыграет по моим правилам. Он колеблется на долю секунды. Я рискую и иду на блеф, направляясь к двери.

— Хорошо, хорошо! — кричит он. — Я сейчас вернусь с деньгами. Просто... просто подожди прямо здесь.

Я в одной руке держу пакет, а другой обхватываю глок. Если этот парень собирается стрелять в меня, я лучше буду готов отстреливаться или уносить ноги.

Блин, во что это я превратился? Бандюга, торгующий наркотой и кайфующий от своей позиции. Как же легко для меня оказалось сделать поворот на все сто восемьдесят градусов.

Единственное, что держит меня здесь, так это факт, что если я уйду, я никогда не узнаю, что там у Чу в рукаве. Это что-то, связанное со мной. Точно это знаю. Я не могу пойти к копам. У Чу глаза и уши везде, говорят, что даже некоторые копы в Фейрфилде у него в кармане. Впервые в моей жизни, я не могу сделать то, что должен.

В голову приходит мысль о том, что этот *pendejo*, собирающийся купить у меня наркоту может быть полицейским под прикрытием, но по тому, с каким желанием он смотрел на пакеты и

как втягивал носом воздух в предвкушении скорой возможности насладиться дурью, заставляет выкинуть дурацкие мысли из головы.

Парень возвращается в комнату с пачкой банкнот в руке.

— Вот, — говорит он, пихая мне деньги.

Считать их сейчас, до того, как уходить или это будет считаться наглостью? Я не знаю манеры поведения здесь, я просто следую течению. Я кидаю взгляд на деньги, затем передаю дурь.

Пока иду к машине, сердце все еще колотится в груди. Я кайфую от такого выброса адреналина, это совершенно безвредно и, в то же время, заставляет меня чувствовать себя неуязвимым, так же, как я себя чувствовал, когда лазил по горам без страховки в Боулдере. Шансов на то, что меня тут укусит змея, почти никаких, но то, что я вру маме и Никки, может иметь и худшие последствия.

— Давай выбираться отсюда, — говорю я Марко, проскальзывая на пассажирское сиденье. Я получаю сообщение, когда мы уносимся прочь от дома.

Никки: Эй. Что делаешь?

Я не отвечаю.

Глава 30

Никки

Я говорю Луису, чтобы он встретился со мной в приюте для животных. Когда он подъезжает на мотоцикле, я внимательно осматриваю его. Он снимает шлем и подходит ко мне.

— Это твой мотоцикл? — спрашиваю я его.

— Это моего двоюродного брата Энрике. Он позволил мне одолжить его. И казал, что я могу работать в его автомастерской несколько дней в неделю, так как он знает, что я потерял работу в Брикстоун, а его бизнес наконец-то расцвел.

Он обнимает меня и долго не отпускает.

— Я скучал по тебе, несмотря на то, что ты пахнешь, как мокрая собака.

— Я искупала Грэнни.

— Грэнни?

— Это моя любимая собака здесь. Хочешь встретиться с ней?

— Определенно.

— Пойдем. — После представления его персоналу я веду его к клетке Грэнни. — Разве она не очаровательна? — спрашиваю я, наклоняясь и беря ее на руки.

— Она слепая, но может отлично тебя слышать.

Луис берет ее у меня.

— Эй, Грэнни, как дела? — Она прижимается носом к его рубашке, и он ставит её на пол. — Ты хочешь, забрать ее домой, не так ли? — спрашивает он меня.

— Как ты узнал?

— По тому, как ты смотришь на нее.

— Мои родители не хотят брать собаку, но я работаю над этим. Я думаю, они скоро уступят. Я даже устроила им встречу с ней. — Я смотрю вдаль. — Думаю, они боятся что у меня будет нервный срыв, когда она умрет.

— А он будет?

Я глажу Грэнни за ухом.

— Да, наверное.

— Сколько ей осталось?

— Сколько осталось каждому из нас? — спрашиваю я его, получая взамен задумчивую улыбку Луиса.

Я знакомлю его с множеством собак и рассказываю об их историях и повадках. Джек — бигль — не прекращает выть, Ханне — овчарке — чересчур нравится напарница по клетке. Щенят, которые прибыли сегодня, вероятно разберут к полудню.

— Все любят щенят.

— Кроме тебя. Ты любишь жалких, как Грэнни.

Я игриво толкаю его.

— Она не жалкая. Она нуждающаяся.

— Я проходил психологию в прошлом году. Если бы я был психологом, я, наверное, диагностировал бы тебя как человека, который любит чувствовать себя нужным.

— Справедливое предположение, — признаю я. Это лучше, чем быть нуждающимся. — А что на счёт вас, мистер Фуэнтес? Вы нуждающийся?

— Я могу быть, если ты хочешь, — говорит он, заставляя меня смеяться.

Я показываю ему импровизированную студию, которую создала, чтобы снимать собак, публикуя их фото на сайте, который тоже сделала я. Я беру камеру и показываю ему фотографии всех собак, которые сделала в приюте.

— Мэгги много спит, поэтому я подложила вниз подушку и снимала ее так, — объясняю я. — Бастер любит играть в мяч, поэтому я сняла его с тремя мячами в пасти, чтобы люди знали, что он игривый. Я пытаюсь показать индивидуальность каждой собаки на фотографиях.

— Я впечатлён, — говорит он, глядя на меня с восхищением, пока просматривает снимки. — Это здорово. Я прямо вижу их в книге.

— Моя цель — сделать так, чтобы их приютили, — говорю я ему.

— Ты святая.

Я думаю о фотографии которую Марко, как он сказал, не удалил.

— Я далека от этого. Я совершила некоторые действительно глупые вещи в прошлом.

— Все мы такие, — он протягивает руку. — Помнишь эти шрамы? Я не соврал, когда сказал, что меня укусила змея и я упал с утёса прямо перед свадьбой моего брата. Я был без страховки.

— Почему?

— Потому что иногда мне нравится ходить по краю. А тебе?

— Нет, по крайней мере, больше нет. — Он продолжает листать фотографии. На последней в камере Грэнни, и фотография не воздает ей должное. — Жди здесь. — Я беру Грэнни и передаю ее в его руки. — Сядь с ней вон туда.

Он садится на свету с Грэнни, а я фотографирую. Когда он переворачивает ее на спину и чешет ей животик, она практически улыбается в камеру, я знаю что получилась идеальная фотография.

Грэнни может слепа и стара, но она будет прекрасным домашним животным для меня. Тот факт, что Луис так тепло улыбается, когда играет с ней, заставляет меня хотеть распечатать копию и повесить на стене в комнате. Я чувствую, что она уже моя.

— Твоя очередь, — говорит он, давая мне Грэнни. Я держу ее, в то время как он делает снимок нас на свой мобильный телефон.

Звонит моя мама и говорит мне, чтобы я вернулась домой и помогла ей повесить новые шторы в гостиной. На них абстрактные цветочные узоры, которые напоминают ей о кое-каком художнике по имени Джорджия О'Киф, или что-то типа того.

— Я должна идти, — говорю я ему.

Мы с Луисом направляемся на теперь уже пустую стоянку.

— Ты думаешь, мы торопимся? — спрашиваю я его.

— Не переживай по этому поводу, mi chava. Все хорошо. — Он надевает шлем и заводит двигатель мотоцикла.

— Не убей себя, катаясь на этой штуке! — кричу я.

Он показывает мне поднятый большой палец, затем ждет, когда я сяду в машину, перед тем как выехать с автостоянки.

Я понимаю, что мой парень — искатель приключений. Могу ли я не отставать от него?

Глава 31

Луис

Обычно футбольные матчи в школе проходят без присутствия полиции и охраны, за исключением игр, когда Фремонт выступает против Фэйрфилда. Наша команда в субботнее утро выкладывается на полную, когда мы играем с Фремонтом. Встречаются две соперничающие школы и два города с конкурирующими бандами.

Думаю, из-за того случая, когда в прошлом году фремонтский игрок получил удар ножом от фэйрфилдского, они решили нанять полицейских, чтобы те патрулировали трибуны и боковые линии игрового поля, на случай непредвиденных вспышек ярости у присутствующих здесь.

В конце концов мы побеждаем 5:4. Алекс, Бриттани, Карлос и Пако остаются после игры, чтобы пообщаться с некоторыми старыми друзьями из Фэйрфилда.

Я держу Пако, когда Мариана и куча её друзей подходят ко мне.

— Какой милый ребёнок, — говорит она.

Пако — настоящий магнит для цыпочек. Он дает им всем пять и даже называет Мариана «chica», как Алекс зовет Бриттани. Это на самом деле звучит как «ча-ча», и девушки находят его забавным. Блин, совсем мелкий, а уже знает, как флиртовать с ними. Мой племянник довольно сообразителен в этом деле, хотя я и не ожидал меньшего от Фуэнтеса.

Карлос стоит рядом со мной, пожимая руку чуваку, которого я никогда не видел.

— Скажи своей сестре, что я передавал привет, — говорит он парню.

— Кто это? — спрашиваю я, когда парень уходит.

— Брат Дестени.

Дестени. Его бывшая. Я не знаю, видел ли он ее или говорил с ней, все-таки они разошлись несколько лет назад. Я в курсе, что Карлос был одержим этой девчонкой, у него висели её фотографии над кроватью.

А также я знаю, что у него была депрессия, когда она бросила его и он был готов на все, лишь бы вернуть ее. Хотя это было до того, как на горизонте появилась Киара.

Я смотрю на Никки. Она стоит на трибуне и разговаривает с парой своих друзей.

— Эй, Ник! — кричу я ей.

Она смотрит на меня, затем отводит взгляд.

Какого чёрта?

Я всё ещё держу на руках племянника, когда направляюсь к ней.

— В чем дело?

Её друзья говорят быстрое «привет» и рассеиваются.

Никки скрещивает руки на груди, ее латинская сущность явно пробивает себе путь наружу.

— Если честно, я немного ревновала, когда ты был так разговорчив с Марианой.

— Серьезно, ты ревнуешь? — спрашиваю я, улыбаясь. — Отлично. — Значит, она что-то чувствует ко мне.

— Это не смешно. Ты флиртовал с ней.

— Не флиртовал. Это всё Пако. Хотя не думаю, что обвинять ребёнка, которому нет ещё и двух лет, правильно. — Я поднимаю голову и меняю тему. — Ты видела, я забил два гола для тебя?

— Для меня?

— Разве я не показывал на тебя, когда сделал их?

— Ты показывал в небо, Луис. К Богу.

— Тоже самое.

— Это не так, и ты это знаешь. — Она забирает у меня Пако. Мой племянник играет с её волосами, и теперь я — тот, кто ревнует. — Тебе обязательно нужно все переводить в шутку?

— Ну, это же глупо, Ник. В моей голове больше нет места, чтобы думать о ком-то еще. — Пако начинает целовать ее в щеку, мокрыми и неумелыми поцелуями. — Ты ему нравишься.

— Хоть кому-то.

— Пытаешься поссориться со мной? И перед тем, как ответить, ты должна знать, что я считаю тебя возмутительно сексуальной, когда ты проявляешь свой характер.

— Я просто... забудь, — говорит она. — Если ты даже не признаешься, что флиртовал, бесполезно говорит об этом.

Мои братья смеются, когда они видят, как она устраивает мне холодный прием.

— О-о-о, черт, — говорит Карлос. — Я думаю, наш маленький братишка в большой беде.

Карлос обнимает нас обоих.

— Поцелуйтесь и померитесь, вы двое. Киара будет здесь менее чем через час, и у меня есть задание для вас. Для тебя тоже, Алекс.

— Что за задание? — спрашиваю я.

— Мне нужно выкопать шкатулку с драгоценностями mi'amá.

О, нет. Только не снова. Когда Карлос был помладше, он думал, что будет круто притвориться пиратом, спрятавшим свои сокровища. Шкатулка mi'amá с драгоценностями была кладом. Результатом этой не такой уж блестящей идеи было то, что Карлос забыл, где спрятал шкатулку. В ней были обручальное кольцо и все украшения mi'amá. Много лет подряд мы вскапывали маленький лесистый участок около нашего дома и возвращались с пустыми руками.

— Я не думаю, что Никки собирается идти искать сокровища, — говорю я.

— Я не против, — отвечает она. — И где же они?

— Это хороший вопрос. Я спрятал шкатулку у оврага недалеко от нашего дома. — Карлос потирает свой ежик на макушке и морщится. — Мне очень это нужно. Киара уже едет, и, ну, мне нужно найти эту чертову вещь. Я пытался поискать сегодня утром, но моя проклятая нога подвела меня.

Карлос оставляет нас, чтобы забрать Киару из аэропорта, а остальные направляются в овраг с лопатами. Никки предлагает мне взять немецкую овчарку по кличке Хэнк из приюта, чтобы он мог помочь нам с поисками. По её заверениям, пес был специально обучен всяким этим штукам еще до того, как попал в приют..

В лесу над оврагом Алекс делит на участки территорию. Алекс, Британи и я настроены далеко не оптимистично. Но у Никки и Хэнка хватает оптимизма и энергии для всех нас. Хэнк нюхает воздух и следует сквозь палки и листья, когда они с Никки направляются на отведенный им участок.

Подняв свою руку, Бриттани машет в воздухе небольшой садовой лопатой.

— Как глубоко мы должны копать? — спрашивает она.

— Не знаю, — говорит ей Алекс. — Я думаю, что не глубоко, Карлос же был ребёнком, который к тому же ненавидел потеть.

На отведенном мне участке я начинаю копать небольшие ямки в тридцати сантиметрах друг от друга, формируя нечто, вроде сетки, чтобы ничего не пропустить. Шкатулка была белой, так что заметить ее будет просто. Я смотрю на Никки. Она разговаривает с псом и приказывает ему «искать её».

Серьезно, эта собака должна знать, что это значит? Я смеюсь, когда Хэнк бежит прочь. Как только он садится на одном месте, Никки начинает копать. Она так поглощена своей задачей, что

даже глаз не поднимает.

А значит, можно спокойно понаблюдать за ней.

Я знаю, о чем она думает. Ей кажется, что Карлос нуждается в ней. Он отчаянно пытается найти шкатулку с драгоценностями, и я уверен, что теперь Никки просто необходимо найти её для него. Я не удивлюсь, если она будет копать в каждом месте, где понюхает Хэнк, пока не наступит темнота. Моя девочка на задании.

Мне не хватает духу сказать ей, что Хэнк, возможно, может нюхать места, чтобы нагадить, а не потому что берет след.

Интересно, что бы она ответила, если бы я сказал, что тоже нуждаюсь в ней.

Через двадцать минут и приблизительно пять ложных тревог, я слышу как Никки кричит:

— Я думаю, Хэнк нашел её!

Моя голова поднимается в верх, и я вижу Никки на коленях, размахивающей руками из стороны в сторону, чтобы мы могли видеть ее. Конечно же, когда я подхожу ближе, я вижу, что она выкопала маленькую коробку, похожую на шкатулку с драгоценностями. Хэнк лает, безумно взволнованный.

— Эта собака — чертов гений, Никки, — говорит Алекс, беря лопату и раскапывая остальное. Минуту спустя, я помогаю вытащить шкатулку из земли.

— Я отправлю сообщение Карлосу и скажу, что мы нашли ее, — говорю я, когда Алекс ломает замок, чтобы открыть сгнившую крышку.

Никки широко улыбается, хваля Хэнка и давая ему угощение, которое прятала в кармане. Я все еще в шоке и не могу поверить, что собака могла сделать такое. Может, это просто удача, но все же, если посмотреть вниз на пса, кажется, что у него сейчас гордая улыбка на морде.

Алекс вынимает обручальное кольцо mi'amá и держит его на свету сквозь деревья. Бриллиант блестит в лучах солнца.

Вернувшись домой, Никки сообщает хорошие новости mi'amá. Mi'amá открывает шкатулку и вынимает обручальное кольцо и кольцо, подаренное в честь помолвки. Она надевает их, и слезы текут по её щекам.

— Это было так давно, — говорит она, глотая слова. Пако спрашивает ее, есть ли у нее вава, раз она плачет. — Да, — отвечает она ему. — У меня вава.

Мама кладет кольца обратно в грязную шкатулку как раз, когда Карлос и Киара входят в дверь. Киара кричит на Карлоса за то, что тот несет её багаж в дом, хотя он ещё полностью не выздоровел, а он просто игнорирует её протесты.

Киара должна уже знать, что он упрямый ублюдок. Они остановились в отеле поблизости, но он не хочет оставлять её дорогой багаж в машине, припаркованной перед домом.

— Вы серьезно ругаетесь? — спрашивает Алекс. — Вы не видели друг друга целый год.

— Нам нравится спорить, — говорит ему Карлос. — Это одна из двух вещей, которые мы делаем лучше всего. Правда, mamacita?

Киара закатывает глаза.

— Снова напомни м-м-мне, почему я тебя полюбила?

Карлос улыбается ей озорной улыбкой и притягивает к себе.

— Позже я покажу тебе.

Киара, кажется, удовлетворена этим ответом, когда обнимает меня, Бриттани и Алекса.

— Это моя девушка — Никки, — говорю я ей, затем указываю на грязную собаку, тяжело дышащую и лежащую на полу. — А это Хэнк, беспризорник.

Никки не ожидает того, что Киара обнимет её, как давно потерянную сестру, а потом примется гладить Хэнка, перекатывшегося на спину и выставяющего живот напоказ.

Бриттани и Алекс уезжают, чтобы забрать Шелли, сестру Бриттани. Она живет в учреждение

для людей с ограниченными возможностями, но проводит выходные в доме Алекса и Бриттани. Пако любит кататься в её инвалидном кресле, не понимая, что она недееспособная.

Никки и Шелли явно знают друг друга с предыдущих встреч и, когда Шелли приезжает, сразу начинают болтать о собаках и приюте. Никки обещает взять Шелли в приют в какой-нибудь день, из-за чего Шелли радостно визжит, а Бриттани улыбаться с благодарностью.

Во время ужина, когда вся наша семья собирается вместе, меня действительно поражает то, что мы с Никки — пара. Моя рука опирается на спинку стула Никки, и она наклоняется ко мне. Мне очень не хочется признавать, как я быстро и безвозвратно влюбляюсь в нее. Мысль о том, что я могу потерять ее из-за моего участия в КЛ, делает меня несчастным. Особенно, когда я получаю сообщение от Марко, что должен встретиться с ним сегодня вечером на складе.

Я беру руку Никки и сжимаю её под столом. Она сжимает мою в ответ, затем смотрит на меня.

— Ты в порядке? — тихо спрашивает она, пока остальная часть моей семьи занимается уборкой. — Ты был тихим с тех пор, как мы здесь.

— Я просто думал.

— О чём?

Я наклоняюсь к ней и шепчу на ухо:

— Пересматривал условия наших отношений.

Она краснеет, как свекла, и шепчет:

— Мы обсудим это позже.

— Просто чтобы ты знала, я непобедим в дискуссиях, — говорю я ей.

Она смотрит на меня с усмешкой на ее сексуальных рубиновых губах.

— Я тоже.

Глава 32

Никки

В понедельник Луис делает мне сюрприз, приходя ко мне домой после футбольной тренировки.

— Ты мог просто написать мне, — говорю я ему.

Он пожимает плечами.

— Да, мог, но я подумал, что тебе могли бы пригодиться услуги репетитора по математике. И я предлагаю «свои услуги», — говорит он, а затем добавляет довольно дерзко. — «Бесплатно».

О Боже, я в беде. Чем больше времени я провожу с Луисом, тем больше хочу быть с ним. Я убеждаю себя держаться от него на расстоянии и говорю себе, что не собираюсь подпускать его слишком близко. Хотя и хочу этого. Когда он обнимает меня, я чувствую себя в безопасности. Мой разум говорит мне, что это ложное чувство. Я постоянно пытаюсь определить, какие из моих эмоций сосредоточены на реальности.

Я чувствую, когда он говорит, что будет работать в автомастерской своего двоюродного брата, он на самом деле будет делать что-то другое. Я, наверное, становлюсь параноиком. Я говорила ему, чтобы он был честным со мной, и я хочу доверять ему. Но у меня есть сомнения. Хоть это и легко — выкинуть все сомнения из головы, когда я с ним.

— Мне нужна помощь в математике, — напоминаю я.

— Привет, Луис. — говорит моя мама, когда я провожу его к кухонному столу, где разбросаны все мои книги.

— Здравствуйте, миссис Круз, — вежливо отвечает Луис.

— Вы двое проводите много времени вместе в последние дни, — говорит она, указывая на очевидное.

— Да, мэм, — кивает Луис.

— Хорошо, надеюсь это не очень серьезно. Никки должна сконцентрироваться на поступлении в колледж и получении хороших оценок.

Я съёживаюсь.

— Мам, не смущай меня.

— Все в порядке, Ник, — говорит мне Луис. — Моя мама говорит то же самое.

Я горю желанием доказать им обоим, что наше будущее не пострадает из-за того, что мы вместе.

— Мам, можно Луис поужинает с нами? — выпаливаю я, меняя тему, прежде чем она спросит у него, какие качества он хочет видеть в своей партнерше. Я знаю, она беспокоится обо мне и не хочет, чтобы все получилось так же, как с Марко. Родители допрашивают меня о любом парне, с которым я разговариваю.

Они не знают, что все дружеские отношения, которые у меня были с парнями после Марко, были просто дружескими. Но эта связь с Луисом... это что-то большее. Но я сказала своим родителям, что мы просто друзья, поэтому они не будут волноваться.

— Мы заказали китайскую еду, — говорит мама. — Тебе нравится китайская еда?

Он пожимает плечами.

— Я могу есть все.

— Тогда можешь присоединиться к нам за ужином, — говорит она без улыбки на лице, словно просто пытается быть вежливой. Надеюсь, что Луис не обратил на это внимание. Она смотрит на наши учебники, разбросанные по кухонному столу. — Вы, ребята, лучше не теряйте время и делайте домашние задания.

Мы с Луисом сидим за столом. Он помогает мне с математикой, а после садится с другой стороны стола, чтобы поработать над своими заданиями. Я сочиняю стихотворение, которое задали по литературе. Учитель сказал, что мы должны написать о ком-то, кто повлиял на наши жизни, неважно, хорошо или плохо.

Я хочу написать о Луисе, потому что он заставляет меня хотеть измениться... он заставляет меня хотеть любить снова. И хотя я все ещё сдерживаюсь, но, если быть честной, я не хочу делать этого. Я смотрю на Луиса для вдохновения.

И в то же время ловлю его оценивающий взгляд на себе. Возбужденные бабочки порхают в моем животе, когда в голову приходят мысли о том, что было бы, останься мы наедине.

Я ожидаю, что он отвернется, но он не отворачивается.

— Почему ты смотришь на меня?

— Я хотел спросить тебя о том же, — говорит он.

— Делай свою работу, — отвечаю я ему, стараясь не показать, что испытываю желание подойти и сесть к нему на колени, обнять его за шею.

Он смотрит на свою папку социальных исследований.

— Я могу чувствовать твой взгляд на себе, — говорит он спустя минуту.

— Извини. Я смотрю на чистый лист и начинаю свое стихотворение. Моя первая попытка о герое, который пришел спасти меня, прежде чем мое сердце полностью превратиться в лед и распадется на миллион маленьких кусочков, которые никогда не исцеляться. Нет, это звучит слишком сверхъестественно. Я надеюсь, что у меня с Луисом все реально, но после моих плохих решений в прошлом, я не доверяю своим инстинктам.

— Хочешь приехать в воскресенье? — спрашивает он меня. — Mi'amá будет на работе, и мои братья собираются устроить барбекю.

— Звучит отлично.

— Однако предупреждаю сразу, они уже говорили об игре «Панталонные бои». — Он смеется, когда видит выражение моего лица. — Это не то, что ты подумала. Это игра с

теннисным мячом и колготками... которые носят женщины. Ты должна увидеть это, чтобы по-настоящему оценить.

— Не сомневаюсь, — говорю я неуверенно. — Твои братья соревнуются?

— Скажем так, я подозреваю, что Карлос начал тренироваться еще несколько месяцев назад, когда находился за границей. Алекс всегда выигрывал, но теперь, когда мы будем играть в паре, я думаю, у нас есть хорошие шансы на победу. Бриттани является слабым звеном, когда дело доходит до силы.

— Что вы выигрываете?

— Право хвастаться. — Он пожимает плечами. — Это важно в моей семье.

Когда моя мама уходит, чтобы забрать китайскую еду, я кусаю губу, задаваясь вопросом, должна ли я завести тему о «разговоре». Я смотрю на Луиса и понимаю, что будет трудно придерживаться моего первоначального плана.

— М-м-м ... ты не хочешь провести дебаты, или что-то вроде этого, как в ту ночь?

Его голова резко поднимается.

— Да. Я готов.

Я смеюсь.

— К чему?

— К дебатам, или, ну, ты знаешь... все, на что ты готова... Я полностью готов.

— Это не мировая серия покера.

— Я знаю это, chica.

Я нервно накручиваю свои волосы на палец.

— Должна признаться, что много думала о том, чтобы быть с тобой.

— Я тоже. Иди сюда. — Он выдвигает свой стул и приглашает меня сесть ему на колени. Надеюсь, моя мама не зайдет в этот момент; я сижу на его коленях и обнимаю его за шею, смотря в его темные, завораживающие глаза. — Никки, я не сделаю тебе больно. Я не собираюсь бросать тебя потом.

— Я знаю. Просто это трудно для меня... Я боюсь.

— Чего? — Он нежно гладит меня по спине. — Расскажи мне.

Я не говорю, что на самом деле у меня на уме. Марко. Выкидыш. Предательство. Секреты Луиса. Я боюсь стать уязвимой.

Я прячу лицо в его шее и обнимаю крепче. Несмотря на все мои запреты и подозрения, я влюбилась в Луиса. Быть способной сопротивляться ему физически становится невозможным.

— Просто чтобы ты знал... Я не на таблетках или ещё чем-нибудь, — говорю я тихим голосом.

— У меня есть презервативы, — говорит он, смущенно улыбаясь. — Не со мной, конечно. Я не из тех *pendejos*, кто носит их на всякий случай.

С кем бы лучше пережить прошлое, как не с тем, с кем я хочу быть... в кого я начинаю влюбляться. Я наклоняюсь и шепчу ему на ухо:

— Я нервничаю.

Он берёт моё лицо в свои ладони.

— Ты должна доверять мне.

— Не знаю, смогу ли я.

Глава 33

Луис

Я не был уверен, прося Никки приехать в воскресенье, что это была хорошая идея, особенно, когда Карлос решил допросить мою девушку и рассказать ей всякую смущающую чушь про меня.

— Так, Никки, — говорит Карлос, когда она заходит в дом, — ты знаешь, что Луис смотрит на фотку, где ты с собакой, на своем телефоне за час до того, как заснет? Я клянусь, он берет его с собой в ванную, но я не знаю, что, черт возьми, он там с ним делает.

Карлос никогда не слушает никаких указаний. Я говорил ему этим утром не говорить всякую фигню Никки. Я должен был знать, что этого не произойдет.

— Не слушай его, Никки.

— Согласна, — говорит Киара, одаривая Карлоса суровым взглядом. Она бьет его по животу. — Не смущай их, Карлос.

— Я думаю, что она должна быть польщена, зная, как сильно мой маленький брат любит ее, — невинно говорит он.

— Можно сказать, что это совпадение, — равнодушно говорит Никки. — Потому что я тоже постоянно смотрю на фотки Луиса. — Она переводит взгляд на меня и подмигивает. Весь дом замолкает. Черт. Я не знал, что моя повія может постоять за себя перед Карлосом.

Она с обожанием смотрит на меня.

— Великие умы мыслят одинаково. Правда, Луис?

Чертовски верно. Я подмигиваю ей и беру ее руку в свою.

— Определенно.

Её глаза загораются, и, когда пробивающийся сквозь окна солнечный свет достигает их, я замечаю, что у её карих глаз есть золотые пятнышки внутри.

Никки наклоняет голову в сторону и спрашивает у Карлоса:

— Итак, когда вы с Киарой обручитесь? Луис сказал мне, вы встречаетесь уже довольно долгое время.

Вот так, Никки! Моя девчонка может отразить огонь и ответить тем же. Это научит моего брата не совать свой нос туда, куда не следует.

Алекс только что пришёл с кухни и не в состоянии сдержать смех.

— Ты попал, брат.

— Да, Карлос? — вмешивается Киара. — Когда мы о-о-обручимся?

Карлос прочищает горло и громко вздыхает в знак капитуляции.

— Можем мы поговорить об этом позже? — спрашивает он и с издевкой сужает глаза, смотря на Никки. — Напомни мне об этом в следующий раз, когда у меня появится желание поиздеваться над тобой и моим братом.

Никки поднимает вверх большие пальцы.

— Непременно.

После обеда Алекс вытаскивает колготки *mí'amá* и говорит:

— Время соревнований.

Я смотрю на колготки. Алекс давным-давно будет у себя дома, когда *mí'amá* заметит, что у двух пар ее колготок отрезаны ноги. Я точно знаю, что она заметит. Это даже не «если», а «когда». И тут буду только я, отвечать за последствия.

Проблема с моими братьями в том, ну, кроме остального, что мы любим соревнования. И не просто на уровне родственного соперничества. Если мы соревнуемся, так это самая настоящая война. Победитель получает право хвастаться этим, а проигравший будет объектом насмешек до окончания времен. Это что-то вроде религиозной традиции. Соревнования прошлых лет не были честными, потому что я младше моих братьев. Но сейчас мы примерно равны по росту и силе, так что на этот раз все будет серьезно.

— Пошли в парк, — говорит Алекс, доставая теннисный мячик из шкафа. Пако прямо светится от предвкушения игры.

Бриттани прикладывает руку ко лбу.

— Он с нетерпением ждал этого всю неделю. Я не думаю, что кто-нибудь сможет его остановить. — Она указывает на Алекса. — И я говорю о моём муже, а не о сыне.

— У меня поблажка из-за ноги! — кричит Карлос, затем издает какой-то боевой клич, которому, скорее всего, он научился в армии, но звучит это ужасно, разносясь эхом по всему дому. Если Рейес услышит, он точно выломает дверь с пушкой наготове, думая, что нас тут грабят.

— Не получишь ты никаких поблажек, — говорит ему Алекс. — Твоя рука не повреждена.

— Согласен, — добавляю я.

— Блин, ну вы загнули, — говорит Карлос, хоть и прекрасно знает, что если бы у нас с Алексом были бы какие-нибудь повреждения, он тоже не дал бы нам поблажек.

Никки останавливается.

— Окей, думаю, эти панталонные бои должны быть объяснены. Если честно, звучит, как женская критика. — Она упирает руки в бедра, и все, о чем я могу думать, так это, как бы мне увидеть эти бедра без одежды.

— Это не женская критика, — говорю я ей. — Я не удивлюсь, если это в будущем станет одним из видов олимпийского спорта.

Она смеётся.

— Я так не думаю.

Мы все направляемся к большому, пустому травянистому участку возле парка.

— Мы играем в командах, — говорит Алекс. — Пары против пар.

— Я не собираюсь играть в эти Панталонные бои, — заявляет Бриттани. — Я знаю, ты объяснял правила, но это звучит грязно. — Она закрывает уши Пако. — И я не хочу, чтобы Пако это повторял.

Карлос закатывает глаза.

— Брит, пожалуйста, вытащи эту палку из своей богатенькой задницы, и смирись с этим. Ты играешь. И когда мой племянник подрастет, он не только будет говорить это, он в это будет играть. Это традиция Фуэнтесов.

Рот Бриттани открывается от шока.

— Карлос, если мне не нравится, что мой сын слышит «панталонные бои», — говорит она, шепотом произнося слова, — ты думаешь, я хочу, чтобы он слышал от тебя ругательства?

— Могу я хотя бы их по буквам произносить? — спрашивает Карлос. Я не думаю, что он шутит.

Алекс становится посередине между ними.

— Ладно. Брит, если ты не хочешь играть, ты и не должна. Пако может заменить тебя, хотя, если быть честным, это, наверное, остановит мою историю побед.

Бриттани подходит к Алексу и указывает пальцем на его грудь.

— Я сделаю это, но только потому, что я твоя жена и я люблю тебя.

Киара смотрит на Алекса и Бриттани тоскливым взглядом, затем переводит внимание на моего ничего не подозревающего брата Карлоса.

— Я в игре, — со вздохом говорит Киара.

Я смотрю на Никки. Не могу дождаться, когда мы покончим с этим и я смогу остаться с ней наедине.

— Как на счёт тебя, Ник? — спрашиваю я.

— Я тоже в игре, — говорит она, и смотрит на меня так, что заставляет мое сердце бешено колотиться. — Просто скажи мне, что делать.

— Что получает победитель? — спрашивает Бриттани.

— Возможность хвастаться, — объясняет Карлос. — Что в этой семье дороже золота. — Он

поворачивается к Киаре. — Нам бы лучше победить, мамасита.

Алекс кладет на землю палку в качестве стартовой линии и показывает всем сооружение для панталонных боев, что само по себе всего лишь отрезанная от колготок нога, в которую засунут теннисный мяч, завязанная на узел. — Нужно кинуть колготину с мячом как можно дальше. Победит та команда, которая в целом кинет дальше всех.

— Старшие идут первыми.

— Я не возражаю. — Алекс становится у стартовой черты и начинает раскручивать мяч над своей головой быстрее и быстрее, перед тем как отпустить его. Он высоко подлетает в воздухе и приземляется. Алекс самоуверенно считает, что никто не будет лучше его. Он отмечает место камнем. — Брит, твоя очередь.

Я наблюдаю, как Бриттани пытается использовать ту же самую тактику, раскручивая шар над головой. Он стоит рядом с ней, давая советы, а Пако придумал свою собственную игру — он пытается примять мои поставленные ежиком волосы.

— Давай, Брит. Я верю, что ты сможешь это сделать, — говорит ей Алекс. — Раскручивай быстрее. Блин, девочка, ты выглядишь сексуально, делая это. Окей, отпускай!

Она следует его совету, но отпускает колготину, когда мяч направлен в сторону, поэтому он вылетает из ее рук, направляясь вправо, а не прямо. Он приземляется в стороне, примерно метрах в четырех от стартовой линии.

— Какого. Чёрта. Это. Было? — спрашивает Алекс, глубоко вдыхая.

Бриттани фыркает и кричит:

— Ты сказал, что я выгляжу сексуально, и это выбило меня из колеи. Я никогда не играла в эту игру, Алекс. В следующий раз заткнись и позволь мне кидать его без твоих комментариев.

— Chica, это было ужасно. Тебе необходима интенсивная подготовка для игры в панталонные бои. — Он играючи поднимает ее на руки и несет туда, где мы сидим. — Когда мы вернемся домой...

— Моя очередь! — говорит Карлос, радостно потирая руки. — Смотрите и учитесь у профессионала, господи и дамы. Он хромает к стартовой линии и крутит один конец чулка над головой. — Ты запоминаешь, Киара?

— Я слишком занята, н-н-наблюдая за твоими мускулами, — говорит она.

Он строит ей рожицу, а затем со всей силы отбрасывает колготину, которая приземляется дальше на метр или около того от попытки Алекса. Карлос издает очередной боевой клич и целует свои армейские мускулы.

— Военная сила надирает задницы!

— Ты сумасшедший, — говорю я ему, пока он отмечает палкой свое место и протягивает колготину Киаре.

Киара подражает вертолетному стилю Карлоса и делает неплохой прямой бросок. Он не летит так далеко, как его, но, по крайней мере, он летит прямо. Карлос кивает, впечатленный ее броском.

— Думаю, победа у нас в кармане, Киара, — говорит он ей, отмечая ее место.

Моя очередь.

— Подожди! — говорит Никки прежде, чем я подхожу к стартовой линии. Она бросается ко мне и прижимает свой рот к моему. — Удачи.

— М-м-м. Мне нравятся поцелуи на удачу. Надо почаще устраивать панталонные бои.

Она отходит в сторону, пока я делаю глубокий вдох и направляю всю свою энергию на то, чтобы обойти отметку Карлоса. Я раскручиваю колготину и со всей мочи подбрасываю в воздух. Она летит высоко, и я уверен, что точно достиг высоты, но боюсь, что ей не покрыть дистанцию, пока она не приземлится на несколько сантиметров дальше, чем палка Карлоса.

— Не может быть! — говорит Карлос.

Я целую свои мускулы, подражая ему.

— Не недооценивайте пловцов, сосунки! Даже не в сезон, мы круче всех!

Я беру Никки за талию и притягиваю к себе.

— Как это было?

— Идеально.

— Твоя очередь. Заставь меня гордиться, *chica*.

Никки подходит к стартовой линии, ее напряженное выражение лица полно решимости. Она раскручивает мяч вокруг своей головы, как воин на войне свою дубинку, затем отпускает его в воздух с криком, разносящимся по парку.

Он приземляется гораздо дальше, чем у Киары. Если объединить наши броски, мы побеждаем.

Я указываю на Никки.

— Вот это моя девочка.

Она прыгает вверх и вниз, подняв руки в воздухе, как будто мы только что выиграли поездку на Гавайи.

— Мы сделали это!

Пока мы веселимся в честь победы, мимо проезжает машина с несколькими девчонками внутри. Машина останавливается и из нее выходит девушка; раскачивая бедрами, она направляется напрямик к Карлосу с огромной улыбкой на лице.

— Карлос! — говорит она взволнованно, — Я не могу поверить, что это ты! Мой брат сказал мне, что ты вернулся, но... Ну, мы с друзьями собирались пойти в город, но я заставила их сделать крюк. Я должна была проверить, чтобы убедиться, что это правда.

Это Дестини, бывшая моего брата из старшей школы.

Глаза моего брата округляются от шока.

— Святое д-е-р-ь-м-о, Дес. Прошло так много времени. Ч-ё-р-т, как у тебя дела? — Он показывает на Пако. — Я должен следить за языком рядом со своим племянником.

Она смеется.

— Ничего, держусь. Хожу в школу медсестер. Как насчет тебя?

— Я в армии. Работаю на ближнем востоке, но сейчас я в отпуске.

— Вау. — Она облизывает губы, разглядывая его. — *Tú eres guaro.*[33]

— Ты тоже потрясающе выглядишь. Так же, как я помню.

— Ты всё ещё один?

Он поднимает левую руку и указывает на свой безымянный палец.

— Да. Все еще холостяк.

— Потрясающе. — Одна из ее подруг зовет её. — Мне надо идти, но было здорово увидеть тебя. — Она вытаскивает визитку из своего кошелька. — Позвони мне как-нибудь. Мой номер на обратной стороне. Я хотела бы нагнать упущенное.

— Круто, — говорит он, засовывая карту в задний карман.

Мы все смотрим, как бывшая девушка обхватывает руками моего брата и крепко обнимает. Есть несколько видов объятий. Короткое и безличное «обязательное» объятие. Средней продолжительности — «приятно вас видеть», и затем есть вид объятия, которое Дестини в данный момент демонстрирует моему брату. Это затяжное «Я хочу быть больше, чем друзьями» обними / сожми комбо.

Я смотрю на Киару, стоящую рядом с Бриттани, и прекрасно видящую, какого рода объятие дает Дестини моему брату.

— Правда, позвони мне, — кричит она, возвращаясь к своим друзьям.

Когда Карлос, наконец, оборачивается и встает перед нами, он, должно быть, видит шок на наших лицах. Думаю, никто не хочет прерывать молчание первым, потому что мы не знаем, что сказать.

Киара, наконец, начинает говорить.

Она поднимает левую руку и показывает палец без кольца.

— Все еще холостяк! — саркастически говорит она, имитируя его голос. — Ты что, издеваешься надо мной?

— Что? — небрежно говорит он. — Это правда. Что ты от меня хочешь, чтобы я соврал ей?

— Нет, я хочу, чтобы вы прижались телами и потерлись друг о друга, как вы это делали.

— Я не терся об нее. Это было невинное объятие на прощание.

— Н-н-невенное? Милый, это объятие было совсем не невинным.

— Киара, ты слишком остро реагируешь. Тебе нужно поругаться, этого ты хочешь? Потому что я скоро уезжаю, и мы не будем видеть друг друга в течении по крайней мере шести месяцев. Последняя вещь, которая мне нужна, чтобы ты закатывала сцену.

— Нет, я не хочу ругаться. И не устраиваю сцену, Карлос. Ты... — ноздри Киары расширяются в ярости, и я вижу, как её глаза увлажняются. Но она не набрасывается на него и не начинает кричать. Вместо этого она просто говорит: — Может, тебе лучше вернуться к Дестини. Я думаю, она хотела бы этого.

— Это то, чего ты хочешь?

— Выглядит, как будто этого хочешь ты. Почему бы тебе не достать её визитку и не позвонить ей?

— Может, я и позвоню, — разозлённо вопит он.

— Хорошо. И почему бы тебе не попросить ее выйти за тебя замуж. Определенно, на мне ты жениться не хочешь, — говорит она, идя обратно к нашему дому.

— Карлос, я люблю тебя, но иногда ты можешь быть самым большим идиотом, — говорит Бриттани, следуя за Киарой.

Никки делает шаг назад и говорит:

— Я пойду с девочками. — И убегает от нас.

Мы с Алексом вместе смотрим на Карлоса.

Карлос поднимает вверх руки.

— Что? — спрашивает он, абсолютно не понимая, что произошло.

— Ты просто неуважительно обошелся с Киарой перед Дестини, — говорит Алекс.

— Я не делал ничего такого. — Он наклоняется и шепчет: — Я пытался удостовериться, что она не догадается, что я собираюсь сделать ей предложение.

— Ты мог бы, по крайней мере, представить её как свою девушку.

Карлос подбирает мяч с колготиной и говорит:

— Алекс, последнее, чего она хочет, это познакомиться с Дестини.

— Он не догоняет, — бормочу я.

Алекс кладет руки на плечи Карлоса.

— А Дестини знает, что у тебя есть девушка?

— Почему, чёрт возьми, это имеет значение?

— Потому что она флиртвала с тобой по-крупному.

— Ну и что? Девушки флиртуют со мной все время. Это не значит, что я изменю Киаре. Она знает, что я бы не стал трахать других вокруг неё.

— Другие девчонки, не твоя бывшая, тупица, — говорит Алекс. — А теперь иди и извинись перед Киарой, и исправь все. Умоляй, если понадобится.

— Она думает, ты не хочешь жениться на ней, — добавляю я.

— Черт, — говорит Карлос. — Я просил вас всех найти мамину шкатулку, потому что она сказала, если я-таки ее найду, я смогу дать обручальное кольцо, которое ей подарил отец, Киаре. Оно у ювелира, я сдал его на чистку. Я собирался пойти с ней завтра на музыкальный Фестиваль Равиниа и сделать предложение там во время перерыва. — Он массирует шею и делает медленный, глубокий выдох. — Надо разобраться с этим.

Вернувшись в дом, мы обнаруживаем, что девочки стоят во дворе. Киара принимает храбрый вид, но видно, что она плакала.

— Ты сказал, что между тобой и Д-Дестини все кончено, — говорит Киара Карлосу. — Но, очевидно, что это неправда. Я в-в-возвращаюсь в Колорадо сегодня вечером. Я устала ждать ч-ч-чего-то, что никогда не произойдет.

— Всё было кончено с Дестини с той самой секунды, когда ты приделала то дурацкое печенье с магнитами в моём шкафчике в старшей школе, — говорит ей Карлос.

— Я н-не верю тебе.

— Я хотел сделать это особенным для тебя, но какая к черту разница ... Я могу сделать это и сейчас. — Карлос делает глубокий вдох. — Выходи за меня, Киара, — выпаливает он на глазах у всех.

— Почему? — спрашивает она, бросая ему вызов.

— Потому что я люблю тебя, — говорит он, подходя к ней и опускаясь на одно колено, берет ее за руку. — И я хочу засыпать с тобой каждую ночь и, просыпаясь, видеть твоё лицо, я хочу, чтобы ты была матерью моих детей, я хочу чинить твою машину и есть твои дрянные тако из тофу, которые ты считаешь мексиканскими. Я хочу ходить с тобой по горам и делать все наперегонки, я хочу ссориться с тобой, только чтобы после мы занимались сумасшедшим примирительным сексом. Выходи за меня, потому что без тебя я буду на три метра под землей... и потому, что я люблю твою семью, как свою... и потому, что ты мой лучший друг, и я хочу, чтобы мы состарились вместе.

Его глаза начинают слезиться, и это шокирует, потому что я никогда не видел, чтобы он плакал.

— Входи за меня, Киара Уэстфорд, потому что, когда меня подстрелили, единственное, о чём я думал, — как мне добраться сюда и сделать тебя моей женой. Скажи «да», chica.

Киара плачет.

— Да! — говорит она.

Все мы поздравляем их и разговариваем с несколькими соседями через улицу, которые стали свидетелями этой сцены, но когда я оглядываюсь вокруг, я замечаю, что Никки исчезла.

— Где Ник? — спрашиваю я Бриттани.

Бриттани указывает на дом.

— Я попросила её принести одну из твоих толстовок из шкафа. Я замёрзла.

Мой шкаф? О черт. Я мчусь к себе в комнату и нахожу Никки, ищущую толстовку, висящую в моем шкафу. Если она увидит глок ...

— Эй, — говорю я, становясь перед ней. Я начинаю закрывать двери, отодвигая ее подальше от моего костюма. Он на том же месте, где я оставил его? Она уже нашла пушку? Что, черт подери, я собираюсь сказать, если она спросит меня об этом? Я могу притвориться идиотом, но мне никогда не удавалась эта роль.

— Эй, — говорит она. — Бриттани попросила меня сходить сюда и взять толстовку для нее.

— Я принесу, — говорю я, отодвигая ее от своего шкафа.

Никки смотрит на меня в замешательстве.

— Что случилось?

Я прячу пистолет в своём шкафу.

— Ничего.

— Ты уверен? Ты выглядишь взволнованным.

— Я... — я хочу биться головой о стену, потому что Никки стоит передо мной. — Я хотел сказать тебе кое-что.

— Что?

Теперь мне нужно придумать что-то на ходу.

— Я влюбляюсь в тебя, — ляпаю я.

Вот дерьмо. Это действительно вылетело из моего рта? Я никогда не говорил этого девушке раньше и пообещал, что не скажу, если это не будет чистой правдой. Но самое страшное, что это и есть наичистейшая правда.

Глава 34

Никки

После того, как Луис говорит слово с буквой «л», я делаю вид, что слышу, как меня зовет Бриттани, и практически выбегаю из комнаты. Я не придаю особого значения тому, что с того момента, он больше не касается этой темы.

В среду я иду вместе с ним на работу, потому что мы должны поговорить о том, что произошло в воскресенье. Я не хочу раздувать из этого проблему, но и не хочу бросаться словом на букву «л», как это делали мы с Марко.

Луис сейчас работает на своего двоюродного брата. Автомастерская Энрике расположена на южной стороне Фэйрфилда, на углу Вашингтон-стрит и Мэйн-стрит, прямо на пересечении, где раньше тусовались члены банды. Когда я была в начальной школе, эта часть Фейрфилда славилась еженедельными перестрелками из проезжающих мимо автомобилей. Несмотря на то, что некоторое время назад на первой странице местной газеты была статья об отсутствии активности банд в последнее годы, просто находясь здесь, я чувствую себя неуютно.

— Вот мы и на месте, — говорит Луис, когда мы останавливаемся на одном из трёх парковочных мест.

Когда Луис ведет меня внутрь, мой взгляд задерживается на старых отверстиях от пуль на стене здания. Парень с татуировками, бегущими сверху вниз по его рукам, наклонился над двигателем автомобиля. Он одет в грязную футболку и брюки, которые нуждаются в хорошей стирке.

— Эй, ese[34], — говорит парень.

Луис показывает на меня.

— Это Никки.

— Encantado de conocerte, Никки. Soy Энрике, el primo de Луис.[35]

— Она не говорит на испанском, Энрике, — объясняет ему Луис.

Энрике смеётся.

— Прости. Ты выглядишь мексиканской.

— Не все мексиканцы говорят на испанском, — возражаю я.

— Все мексиканцы, которых я знаю, — говорит он. — Чёрт, большинство мексиканцев, которых я знаю, даже не говорят по-английски.

— Мой отец думал, что более важно совершенствовать свой английский. Мы не говорим на испанском языке у себя дома.

Энрике качает головой, как если бы теория моего отца не устраивала его.

— Каждому свое.

Луис подходит к нему и заглядывает под капот машины, над которой только что работал Энрике.

— Прокладка течет? — спрашивает он.

— Sí.[36] Она нуждается в подтяжке и...

Энрике замирает, когда в мастерскую заходит девушка. На вид ей около двадцати, и она точно знает Луиса, потому что, заметив его, она подбегает и крепко его обнимает.

— Ты выглядишь, как мужчина, Луис, — говорит она, проводя рукой по его небритой щеке. — Последний раз, когда я тебя видела, тут был пушок, как у персика.

Луис убирает её руки.

— Спасибо, что смущаешь меня перед *mi novia*[37], Иза.

— Алекс не говорил мне, что у тебя есть девушка, — произносит Иза. Она выглядит удивленной, когда видит меня, стоящую в нескольких футах от него. — Ой, я не видела тебя там. Я Изабель, давняя подруга брата Луиса.

Я улыбаюсь в ответ.

— Приятно познакомиться.

Энрике, который был тихим, с тех пор, как вошла Иза, вытирает руки о штаны. Я вижу, как он сглатывает несколько раз, как будто нервничает.

— Привет, Иза, — говорит он с широкой улыбкой на лице. — Я рад, что ты здесь. Правда. Я почти никогда не вижу тебя.

— Я была занята работой, — говорит она ему.

— Я знаю. Я бы хотел, что бы ты приходила чаще.

Иза нервно кусает губу.

— Моя машина издает странный звук, когда я газую, как будто не хочет, чтобы я этого делала. Я подумала, что, возможно, ты бы мог это проверить.

— Никаких проблем, — говорит Энрике с энтузиазмом. — Давай ключи, я сейчас и посмотрю. Луис, иди на задний двор, там машины, которым нужно сменить масло.

Луис говорит мне подождать его, пока он переодевается в свой рабочий комбинезон. Я болтаю с Изабель в течение нескольких минут, до тех пор, пока Луис не возвращается.

— Это, определенно, дань моде, — шучу я, указывая на бесформенный синий рабочий комбинезон, покрывающий его от шеи до лодыжек.

Он указывает пальцем на подсобку.

— Хочешь такой же? Если тебе он так нравится, у меня там есть запасной.

— Нет, спасибо.

Он сгребает с одной из полок ящик с инструментами и дает мне знак следовать за ним. На небе ярко светит солнце, и сегодня тепло, но с Чикагской осенней погодой никогда нельзя предугадать, что принесет этот день. Я сажусь на землю у машины, над которой работает Луис и подставляю лицо солнцу.

— Энрике в банде? — спрашиваю я так, чтобы только он мог меня слышать. — Я видела у него татуировки.

— Он ПГ — первоначальный гангстер... больше не активный.

— Что это значит?

Он пожимает плечами.

— Это значит, что он на отдыхе, больше не солдат. ПГ, как Энрике, призывают только тогда, когда что-то важное случается. По большей части он сидит в стороне, но... ты знаешь... лояльность засела в нем глубоко.

— Ему нравится Изабель, — я говорю ему.

— Я знаю. — Он садится на одну из катающихся тележек и достает инструменты из коробки. — Но он сказал, что она отвергала его каждый раз, когда он приглашал ее на свидание. Она вроде безнадежно скучает по парню, в которого была влюблена в школе.

Укол сожаления, что я потратила столько времени, безнадежно оплакивая мои отношения с

Марко, оседает у меня внутри. Это была пустая трата времени, и я никогда не смогу вернуть время назад.

— Они плохо расстались?

Он замирает.

— Они, на самом деле, не расстались. Он умер.

— Это так ужасно.

Луис не смотрит на меня.

— Он был лучшим другом Алекса.

— Как он умер?

— Его застрелили.

Вопросы начинают формироваться в моей голове.

— Кем-то из конкурирующей банды?

— Нет. Его собственной бандой, — он выглядит грустным, сидит на деревянной тележке и смотрит на землю.

— Я не понимаю, Луис. Зачем кому-то хотеть присоединиться к банде?

— Некоторые люди не имеют выбора, — говорит он, прежде чем улечься на тележку и закатить верхнюю часть тела под автомобиль.

Я хлопаю его по ноге. Он выкатывается обратно и смотрит на меня.

— Всегда есть выбор. Ты не присоединился к банде, даже если твои братья сделали это. — Я наклоняюсь и целую его. — Ты выбрал нелегкий путь. Я люблю тебя за это.

Он изгибает бровь, когда слово на «л» слетает с моих губ.

Упс, этого не должно было случиться.

— Я не имела в виду люблю, в плане «Я люблю тебя», — быстренько поправляюсь я, затем хлопаю себя по лицу, пытаюсь скрыть свое смущение.

Он садится и мягко опускает мою руку вниз.

— Не волнуйся, *mi chava*, — говорит он, подмигивает мне. — Я знаю, что ты имела в виду. Слушай, ты не знаешь, через что мои братья прошли. Они сделали то, что должны были сделать. Не суди их. Ты не знаешь, что это такое быть нами... быть бедными и жить посреди уличной войны. Ты никогда не жила там, где расстреливают из проезжающих машин и не смотрела, как твой лучший друг умирает у тебя на руках. Это отстой.

— Ты прав, я не могу себе это представить. Я просто рада, что ты не являешься частью всего этого.

Он кивает, а затем тратит остальную часть времени работая, в то время как я наблюдаю.

— Я могу тебе помочь? — спрашиваю я. — Я ужасно себя чувствую просто сидя тут, пока ты работаешь.

Его рука появляется из под одной из машин.

— Дай мне ключ масляного фильтра.

Я смотрю на выложенные инструменты. Э-м-м... все они выглядят для меня одинаково. Я оглядываюсь на его протянутую руку.

— Ты меня в тупик поставил.

Я слышу, как он смеётся.

— Извини. Этот ключ похож на коготь с красными резиновыми ручками.

Учитывая, что тут только одна вещь с красными резиновыми ручками, я решаю, что это он и есть. Я беру его и кладу в протянутую руку Луиса.

Закончив, он выкатывается из-под машины.

— Ты напоминаешь мне мою невестку. Она нифига не знает об автомобилях, кроме того, как вставить ключ в замок зажигания.

Я поднимаю руку.

— Я знаю, как это сделать.

— Пожалуйста, скажи мне, что твой отец хотя бы научил тебя менять шину.

— Я не должна знать, как менять шину, — я лезу в кошелек и вытаскиваю удобную карту, которую я всегда ношу с собой для таких видов чрезвычайных ситуаций. — Для этого мой папа приобрел для меня карту сервиса Тройного А.

Он закатывает глаза.

— Ты должна знать, как менять шину. Напомни, чтобы я научил тебя как-нибудь.

Мы тратим остальное время на разговоры. Это пугает. Чем больше я узнаю о Луисе, тем больше он мне нравится. Мы совершенно разные, но я понимаю его. Мы никогда не исчерпываем темы для разговора, и, даже когда возникает пауза, она не кажется неловкой.

— Ты можешь рассмотреть возможность подать документы в Пурдю? — спрашивает он, находясь под четвертой машиной в очереди на смену масла.

Он говорил мне, что это будет его первым выбором.

— Не знаю. Этот колледж не был в моей лучшей десятке. А что?

— Я думал, может быть, ну, ты знаешь, если мы с тобой будем всё ещё... — Его голос обрывается. — Забудь об этом, Ник. Я, наверное, надышался машинным маслом.

Если мы все еще будем вместе к концу года, было бы замечательно, если бы мы пошли в один и тот же колледж. Я чувствую близость к Луису, и она растет с каждым днем. Мне приходится напоминать себе не быть полностью ею поглощенной.

Мне нужно сказать ему о моих чувствах.

Я стучу его по колену.

— Думаю, все становится слишком серьезным между нами.

— Ты пессимистка, — говорит он, выкатываясь из-под автомобиля снова. — У некоторых есть вера. — Он притягивает меня к себе и нежно гладит по спине. Я чувствую тепло его руки через мою рубашку. — У меня грязные руки, — говорит он. — Твоя рубашка, вероятно, испорчена.

Звук шагов, приближающихся к нам, отвлекает нас.

— Как дела, чувак? — спрашивает Марко. Он стоит вместе с парнем, у которого очень устрашающий вид.

Я крепко цепляюсь за бицепс Луиса.

— Представишь меня своей подруге? — спрашивает страшный парень.

Я чувствую, как бицепс Луиса напрягается.

— Никки, это Чу, мой приятель.

Чу вставляет свою сигару в уголок рта и смотрит на меня долго и внимательно. Это заставляет меня чувствовать, как будто он оценивает мою стоимость.

— Ты ходишь в Фейрфилд Хай?

— Да.

— Я никогда не видел тебя раньше.

— Она живет на другой стороне города, — вмещивается Марко. — Правда, Ник?

Я киваю.

— Слушайте, ребята, — говорит Луис. Я чувствую, что он сознательно отвлекает внимание от меня. — Если вы пришли к Энрике, последний раз я видел его в гараже.

— Я не к Энрике пришел, — говорит Чу, — я пришел к тебе, Фуэнтес. У меня есть дело для тебя.

Я чувствую, как мое сердце перестает биться, потому что понимаю, что происходит.

Луиса завербовали в КЛ.

Глава 35

Луис

Потрясенное лицо Никки, когда Чу заявляет, что он искал меня, говорит мне о том, что она поняла, по какой причине он пришел. Она поднимает свой рюкзак и кошелек с земли.

— Мне нужно идти домой. Сейчас.

— К чему такая спешка? — спрашивает Чу. — У тебя проблемы с тем, что я разговариваю с твоим парнем?

— Нет у неё никаких проблем. Давай поговорим внутри, — отвечаю ему я. Черт. Последняя вещь, которая мне сейчас нужна, — это чтобы Никки опять задавали вопросы.

Чу, не торопясь, направляется в гараж. Марко следует за ним.

Я поворачиваюсь к Никки.

— Я скоро вернусь, — говорю я ей. — Это не то, что ты думаешь.

Она смотрит на меня, как будто я незнакомец, а не ее парень.

— Я хочу пойти домой.

— Через минуту я отвезу тебя. Просто... подожди здесь, — говорю я. — Пожалуйста.

Я иду внутрь, стремясь избавиться от Чу и Марко.

— Где Чу? — спрашиваю я Энрике. Иза все еще здесь, разговаривает с ним, пока он работает над ее машиной.

— В моем кабинете, — говорит Энрике. Он не может сказать ничего против Чу из-за его непоколебимой верности и чести, которые он обещал КЛ давным-давно.

Чу сидит за столом Энрике, как будто это его собственный. Марко стоит рядом с ним, как телохранитель. Я закрываю дверь на всякий случай. Вдруг Никки решит подслушать что-нибудь из нашего разговора.

— Ладно, что случилось?

Чу стряхивает пепел прямо на стол Энрике.

— Один парень должен мне пять тысяч. Мне нужно, чтобы вы с Марко, забрали их. Сегодня вечером.

Он лезет в задний карман и достает лист бумаги. Я просматриваю адрес. Аугуста Лэйн.

— Это в глубине территории Фремонт 5, — говорю я ему.

— Да.

Все, о чем я могу думать, — это выражение осознания предательства, появившееся на лице Никки, когда я оставил ее снаружи.

— Я не могу пойти на территорию Фремонт 5, чтобы мне там не снесли башку, — выдаю я.

— Можешь. И пойдешь. — Он указывает на дверь. — Эта твоя малышка, отлично выглядит. Я бы не отказался от такой куколки, продающей бы для меня в районе ДеПол. Парни из колледжа любят покупать у красивых девчонок. Разве не так, Марко?

Марко кивает.

— Правда. Мариана кучу бабла там срубает.

Это такая херня.

— Не трогай Никки, — говорю я четко и ясно, чтобы не было никаких сомнений в том, что она никогда не будет пешкой КЛ. Я скорее в аду буду гореть, чем втяну Никки в КЛ.

— Пришло время поделиться с тобой секретом, — говорит Чу, садясь прямее. — В Чикагском Общественном Банке есть ячейка с твоим именем. Когда тебе исполнится восемнадцать, ты получишь к ней доступ. У меня есть ключ. — Он достает блестящий ключ из кармана и протягивает мне.

— После твоего дня рождения, ты принесешь мне то, что будет в этой ячейке. Вернешься сегодня из Ф5 и тем самым покажешь, что в состоянии справиться с горячей ситуацией.

Лояльность, Луис. Ты должен ее заслужить, а затем пожинать плоды.

Я беру ключ и засовываю его в задний карман.

— Кто открыл его на мое имя?

— Это неважно. Что действительно важно, так это доказать свою лояльность. — Он выдыхает облако дыма. — Сделаешь это, получишь столько денег, сколько и не мечтал.

Марко выходит из офиса следом за Чу. Я становлюсь перед ним до того, как он успевает добраться до двери.

— Что ты делаешь со всем этим, Марко?

— Я просто следую правилам.

— Это все, что ты хочешь делать, быть на побегушках?

— У меня нет другого выбора, также, как и у тебя. Это что-то крупное, Луис. Я знаю это. Чу знает это. Пришло время, чтобы и ты следил за программой. — Он проходит мимо меня. — Чем быстрее ты закончишь это с Никки, тем лучше. Она все только усложнит. Встретимся на складе через час.

Когда он уходит, я просматриваю бумажку с адресом еще раз. Мои нервы почти сдают.

Никки ждет меня в гараже, разговаривая с Изой. Я не хочу лгать ей больше, чем уже есть, но я не хочу потерять её.

— Эй, — говорю я, когда подхожу к ней.

— Отвези меня домой, Луис, — приказывает она. — Я знала, что тебе нельзя доверять.

Глава 36

Никки

Доверие. Он просил моего доверия, когда сам все это время был в КЛ... с Марко. Мое сердце не тает. Оно разбивается. Я выхожу наружу и сажусь на его мотоцикл.

— Позволь мне объяснить, — говорит Луис. Я качаю головой, не желая слушать. Мои подозрения были верными с самого начала. — Это не то, что ты думаешь.

Любовь. Неужели, это всего лишь слово, которое позволяет парням манипулировать девушками?

— Я не хочу слышать, что ты собираешься сказать, — говорю я ему. — Если ты не отвезёшь меня домой, я пойду пешком.

Я начинаю слезать с мотоцикла. Он ругается себе под нос, потом говорит:

— Ты не пойдешь пешком. Я отвезу тебя домой.

Я сажусь на мотоцикл снова и хватаюсь за спинку сзади, чтобы не держаться за него. Если я прикоснусь к нему, я могу потерять самообладание и позволить ему объяснять, почему все указывает на то, что он в КЛ. Я боюсь, что буду верить ему, потому что я хочу верить ему.

«Это не то, что ты думаешь», — сказал он.

Он подъезжает к моему дому.

— Ник! — зовет он, пока я иду к двери. — Ник!

Я останавливаюсь, но не оборачиваюсь.

— Ты из этой богатой семьи, ты живешь в этом богатом районе. Я не такой. Такие ребята, как Марко и Чу... они мой народ.

— Я тоже твой народ, — тихо бормочу я.

— Это не то же самое. Я чувствую его руки у меня на плечах. — Я не из КЛ, Никки. Он поворачивает меня и вытягивает вперед руки. — Видишь, на мне нет меток. Я не собираюсь говорить, что я не тусуюсь с Кровавыми, но я не один из них.

— Я не хочу, чтобы ты тусовался с ними.

— Это то же самое, как если б я сказал тебе не тусоваться с Кендалл.

Он прав, даже если я не хочу его там видеть. КЛ — часть южной стороны Фэрфилда, где он

и живет.

— Я не знаю, Луис, — говорю я, отходя от него, чтобы я могла ясно мыслить. — У меня ощущение, что ты не говоришь мне всей правды. Ты нужен мне, но я боюсь, ты уже в Кровавых.

— Я просто тусуюсь с ними, вот и все.

— Мне это уже говорили. Марко. Мы оба знаем, как это закончилось.

— Никки, я не Марко. Я не в Кровавых. И я не брошу тебя.

Я смотрю ему в глаза и я вижу только искренность. Нет обмана.

— Тебе лучше не продавать наркотики, или мы расстанемся.

— Я не буду продавать наркотики, — говорит он. — Я обещаю.

Глава 37

Луис

Бокскар Аллей — самый дерьмовый район Западной окраины Чикаго. Дома расположены на фоне свалки вагонов, подходящей для грязных сделок с наркотиками и бездомных головоломов.

Не долго думая, я беру пистолет из моего шкафа и еду обратно к Энрике. Он даст мне совет, не проболтаясь остальной моей семье. Он придерживался Закона Молчания Кровавых Латино, даже когда другие парни забили на него.

Я сказал Никки, что не имею дел с наркотиками. Я ненавижу врать ей. Если продажа наркотиков — способ завоевать доверие Чу и защитить мою семью, то какой у меня есть выбор?

Я не хочу делать грязную работу Чу точно так же, как она не хочет меня в этой роли, но я должен. Я был честен, когда сказал, что не состою в Кровавых Латино. Что бы ни думал там Чу, я не состою в КЛ.

Я только играю в его игру, так я могу узнать замыслы КЛ. Я должен быть стратегом, или это не сработает.

Энрике смотрит на меня через стол.

— Дерьмо, бро. Бокскар Аллей — жестокий район. Это вражеская территория.

— Марко поедет со мной, — говорю я ему. — Для подстраховки.

— Хочешь, я пойду с тобой? Проблема в том, что они знают меня, и, если ПГ Фремонт 5 увидят меня, дело может пойти коту под хвост.

— Мне не нужно, чтобы они принимали меры по поводу этого места или тебя.

— Ладно. Ты просто почаще оглядывайся назад, Луис. Возьми мой Мустанг. По крайней мере, у тебя будет шанс убраться оттуда, если с *pendejos*[38] из Фремонт 5 начнутся неприятности. Большинство из них молодые придурки с дерьмовым прицелом.

Он хлопает меня сзади по рубашке.

— Ты вооружен?

Я киваю.

— Мы оба с тобой знаем, что я не собираюсь его использовать.

— Не подстрели себя случайно. — Он смотрит мне прямо в глаза и говорит: — Если выбор встанет между тобой и ими, пусть это будут они.

Я встречаюсь с Марко на складе. Мы гоним все время по направлению к Бокскар Аллей, сквозь районы, которые намного хуже, чем мой. Я надел черную толстовку и темные очки, так что, надеюсь, никто не заметит, что я не принадлежу этому месту.

Марко, очевидно, был здесь раньше, потому что после того, как мы припарковываемся, он говорит мне следовать за ним.

Мы проходим мимо винного магазина с пьянчугой, разговаривающим с самим собой. Парни, идущие по улице, ведущей к нам, определенно, ищут, над кем поиздеваться или с кем затеять драку.

Мы ныряем в аптеку и исчезаем из поля их зрения, пока они не проходят мимо. Уверен, мы

бы запросто справились с тремя-четырьмя парнями, но когда дело доходит до соотношения два к десяти, я бы не стал ставить на нас.

Мы следуем по улицам позади товарных вагонов. Я поднимаю голову, когда мы добираемся до цели. Марко стоит возле дома с таким важным видом, словно каждый день ошивается на территории Ф5.

— Не хочешь сначала осмотреться здесь? — спрашиваю я его. — Или у тебя есть план?

Марко взмахивает рукой, отгоняя мое беспокойство.

— Нет, все круто.

Парень открывает дверь.

— Что вам нужно? — спрашивает он грубо.

— Деньги. И если ты не дашь их нам, сегодняшний день станет твоим самым большим гребаным кошмаром, — рывкает Марко сквозь зубы. Его глаза широко открыты, как будто он один из сумасшедших ублюдков. Мне это кажется притворством, до тех пор, пока Марко не вынимает пушку и не целится прямо в голову парня.

— Давай 5 штук или оторвем тебе башку. Что выбираешь?

— Эй, Марко, — говорю я. — Успокойся, а?

— Всё круто. Оставайся здесь и наблюдай. Никого не пускай в дом.

Парень поднимает руки вверх, отступает в дом, и Марко заходит внутрь. Я не знаю, какого черта делать. Марко, очевидно, упоен своей властью. Дерьмо. Если он начнет расстреливать людей... Я начинаю думать о своей жизни за решеткой.

Это не должно было случиться вот так. Я должен был вернуться в Фэйрфилд, закончить школу, пойти в колледж, а затем поступить в космическую программу НАСА... Цепь событий на временной шкале в моей жизни. Я каждый аспект своей жизни прекрасно распланировал.

А вот как это выглядит сейчас... Единственное место, которое я заслуживаю, — это тюрьма. Смотрю на тёмное небо. Я собираюсь потерять все... в том числе и Никки.

Через несколько минут, когда я собираюсь постучать в дверь и сообщить, что сыт по горло грязными распоряжениями Чу, Марко выходит наружу.

— Ты получил бабки? — я спрашиваю его.

— Ага.

— Так всё круто?

— Угу... Я думаю, нам нужно сматываться, как можно быстрее.

Мы в спешке движемся по лабиринту Бокскар Аллей. Оглядываюсь и вижу группу парней у нас на хвосте. Они размахивают оружием, и мы стараемся затеряться среди груды старых вагонов. Но это не срабатывает.

Мы ныряем за один из товарных вагонов. Марко выглядывает, и пуля пролетает мимо его головы.

— Нужно выбираться отсюда. Иначе нас прижмут, если будем топтаться на одном месте, — говорит он.

Я никогда не участвовал в перестрелке, но видел их. Я достаю свой пистолет, но стараюсь не светить им. Марко делает то же самое.

— Наша машина прямо там. Видишь? — говорю я, а адреналин прямо зашкаливает во мне.

Он кивает.

— Побежим к ней и свалим отсюда без оглядки, — продолжаю я.

— Понял.

— Если они будут стрелять, пали по вагонам, чтобы припугнуть их. Надеюсь они начнут укрываться, так у нас хотя бы будет больше времени, чтобы добраться до машины.

Сейчас нет времени, чтобы выработать план Б, потому что парни собираются окружить нас.

Если мы не поспешим, нам крышка.

— Бежим! — кричу я, и мы оба направляемся к мустангу Энрике.

Мой пульс подскакивает, когда раздаются выстрелы. Я запрыгиваю в машину и смотрю на Марко. Он высовывает оружие в окно и начинает палить, пока я завожу мотор.

Под дикий визг шин я уезжаю, понимая, что мы только что были на волосок от смерти.

— Положи оружие в бардачок, — говорю я ему, протягивая мою пушку. Я проверяю зеркало заднего вида на наличие полицейских, но никого не вижу. Звук нашего тяжелого дыхания наполняет автомобиль.

— Почти попались, — говорит Марко, оперившись головой на сиденье. Через секунду он выпаливает: — Святое дерьмо! Луис?

— Что?

— Чувак, тебя подстрелили.

Я смотрю на свой бицепс. Кровь струится вниз по моей руке и окрашивает сиденье автомобиля, поэтому я отдаю свою толстовку Марко и говорю, чтобы он завязал рукава вокруг моей руки.

— Я в порядке, — говорю я ему. — Это царапина.

— Из царапин не хлещет кровь, Луис. Ты уверен, что ты в порядке?

Могу себе представить лицо mi'ama, когда она увидит мою рану.

— Я пойду к Энрике и проведу там ночь. Он знает, что делать.

— Тебе повезло, что ты остался жив, — говорит Энрике, когда я появлюсь у него через полчаса. — Твоя рука...

— Я, вроде как, налетел на пулю в Фремонт 5, — говорю я ему.

Он кивает.

— Твоя мама изойдется на дерьмо, а потом она убьет тебя. Чу — тот еще сукин сын, посылающий детей на территорию Ф5.

— Кому ты рассказываешь.

Я принимаю душ в квартире Энрике над гаражом. Пуля прошла навылет, но оставила дырку сантиметров в пять, и сейчас, когда я рассматриваю свою свежую рану, она болит, как черт. Мне не трудно будет скрыть ее, даже при наличии повязки. Я просто буду носить толстовку и рубашки с длинным рукавом до тех пор, пока она не заживет.

— Куда свалил Марко? — спрашивает у меня Энрике, после того как закрывает гараж и встречается со мной в квартире.

— На склад. — Я надеваю рубашку Энрике, которую он дал мне после того, как позвонил mi'ama и сказал, что я останусь у него сегодня. — Что ты знаешь о моем посвящении? — спрашиваю я у двоюродного брата, пока он достает пиво из холодильника.

— Я не знаю ничего об этом, — говорит он, одаривая меня напряженным взглядом. — И если бы знал, то, наверное, не смог бы сказать тебе. Понятно?

Он что-то знает. Я киваю. Это бесполезно — пытаться вытащить какую-нибудь информацию из него. Если он поклялся хранить тайну, то унесет её вместе с собой в могилу.

Закон Молчания Кровавых Латино.

Это один из пока еще не нарушенных мной законов, но я намереваюсь это исправить, рано или поздно.

Глава 38

Никки

Спустя две недели после того, как Луис поклялся мне, что не состоит в КЛ, наступил его восемнадцатый день рождения. Мои родители на каком-то званом ужине в городе, а мой брат на игровом турнире в Висконсине, поэтому я пригласила Луиса к себе на романтический ужин в

честь дня рождения.

Я не повар, но знаю, как готовить по рецепту. Я купила мексиканскую книгу рецептов в книжном магазине. Мы не часто готовим настоящую мексиканскую еду, поэтому большинство рецептов незнакомы для меня.

Если не считать завтрак, мои родители обычно заказывают еду на вынос, или мы едим в Брикстоне. Если мама начинает готовить, то это просто паста или что-то с мясного рынка, специально расфасованное и маринованное, так что мы должны просто засунуть его в духовку.

Луис приезжает в шесть, точно в срок, с букетом желтых нарциссов в руке. Стебли перевязаны большой желтой лентой.

— Эй, — говорит он.

— Эй, — отвечаю я.

Он осматривает моё облегающее черное платье, которое демонстрирует все мои изгибы.

— Черт, Ник. Ты выглядишь удивительно. — Он смотрит на свои джинсы и морщится. — Извини, я не особо наряжался.

— Мне не нужно чтобы ты наряжался. Ты одет с иголочки, такой, какой есть. — Я беру цветы. — Ты не должен был приносить мне цветы. Это твой день рождения, не мой.

— Я хотел принести тебе что-нибудь, — говорит он. Когда я подношу цветы к носу, чтобы понюхать, Луис выглядит нервничающим.

— Я не знаю, какие бы ты хотела. Карлос сказал, чтобы я купил тебе красные розы, но я подумал, что тебе понравятся жёлтые. Они напоминают мне тебя. Они делают комнату ярче... как и ты.

Я протягиваю руку и касаюсь щетины на его лице, задаваясь вопросом, как я могла думать, что он похож на Марко. Его нежный пристальный взгляд проникает в мое сердце.

— Я люблю их. Заходи. Я приготовила тебе ужин, — говорю я гордо.

— Что это? — спрашивает он, смотря на завёрнутую в праздничную упаковку коробку, которую я поставила на стол.

— Твой подарок на день рождения.

— Ты ничего не должна дарить мне.

— Я знаю. Я просто захотела. Давай, открой его. — Когда он это делает, я задерживаю дыхание.

Он достает то, что выглядит как выгнутый черный железный камень, но я знаю, что это не просто камень. Он крутит его в руках изучая. Он знает, что это такое? Надеюсь, он не думает, что это дешевое пресс-папье.

— Это метеорит, — быстро поясню я. — Из Аргентины. Внутри коробки находятся идентификационные бумаги, там объясняется, откуда он и как был найден.

Он смотрит на меня поверх метеорита с ошеломленным выражением на лице.

— Я знаю, что это. Я видел их в музее. И в книгах. Но я никогда не держал ни один из них в руках. И уж тем более никогда не владел им. — Он с трепетом рассматривает камень со всех сторон, ощупывая каждый изгиб и трещину кончиками пальцев.

— Я не могу поверить, что это было в космосе. Это так круто... невероятно.

— Это твоё, — говорю я.

— Я не знаю, что сказать. Наверное, это стоит очень дорого. Я просто... ничего себе. Я должен попросить тебя вернуть его и получить свои деньги обратно, но я не хочу с ним расставаться.

Я целую его в его щеку.

— Это хорошо. Я все равно не нуждалась в том фонде для колледжа. — Он поднимает бровь, и я улыбаюсь. — Я просто шучу. У меня были деньги, сэкономленные от работы в

качестве няни и дней рождений. — Указательным пальцем я провожу вниз по его рубашке. — Кроме того, ты стоишь того.

— Это спорно, *mi chava*. — Он останавливает мою руку. — Это самый крутой подарок, который я когда-либо получал.

— Хорошо. Миссия выполнена.

— Еще нет. — Он аккуратно кладет метеорит обратно в коробку и страстно целует меня, пока я не желаю большего и мои внутренности не тают. Я задерживаю дыхание и хочу, чтобы это никогда не заканчивалось. Осознание того, что мы одни и у меня запланирован другой подарок для него, заставляет меня хотеть пропустить ужин вообще.

— Спасибо за подарок, — говорит он мне в губы.

— Не за что. Взволнованная, я отхожу от него и указываю на столовую, где все подготовлено. — Я приготовила мексиканские блюда.

— Рецепты передавались от твоей *abuelita*[39]?

— Не совсем. Пыталась приготовить по книге рецептов, которую купила вчера в торговом центре.

Он смеется.

— В следующий раз, если захочешь приготовить блюда мексиканской кухни, сразу звони мне. *Mi'ama* учила меня и моих братьев готовить, когда мы были детьми.

После того, как я накладываю ему в тарелку куриные энчилады с гвакамоле, я понимаю, что должна была следовать рецепту и смешать авокадо вручную, вместо перемалывания его в миксере. Потому что сейчас соус похож на суп и имеет неприятный вкус. Я сделала пирог с фруктами на десерт, но когда я отрезаю его, он распадается на желатиновые комковатые куски.

— Ты сделала потрясающую работу,— говорит он, вылавливая скользкие кусочки, уклоняющиеся от его ложки.

— Ты врешь. Это ужасно. Посмотри правде в глаза, Луис. Я должна была заказать еду на вынос. Если бы ты был миссис Питерсон, ты мог бы поставить мне двойку с минусом за эту еду.

Он смеется.

— Пять с плюсом за старания. Тортилья с чипсами была потрясающая.

— Потому что я купила её готовой в мексиканском продуктовом магазине в Уиллинге, — говорю я.

Когда мы заканчиваем, он помогает мне убрать со стола и поместить посуду в посудомоечную машину. Затем он прислоняется к столу и наблюдает за мной.

— У тебя есть планы на всю ночь или мы будем импровизировать?

Я беру его за руку и переплетаю его пальцы с моими.

— У меня есть ещё один подарок на день рождения для тебя.

— Какой?

Я наклоняюсь к его уху и шепчу.

— Я. — Он с трудом сглатывает. Я смотрю, как дёргается мускул на его челюсти. — Хочешь пойти наверх... в мою спальню?

Он медленно кивает.

— Я даже не думал, что ты могла бы превзойти этот метеоритный подарок, но ты только что сделала это.

Я беру его за руку и привожу в мою комнату. Мое сердце колотится все быстрее, потому что я готовилась к этому. Я говорю себе, что это нормально, потому что я хочу этого так же, как и Луис. И у меня все под контролем. Я просто должна держать себя в узде и не давать разыгаться своим чувствам.

Луис ходит по комнате, изучая фотографии на стене. На большей части я и мои друзья. На

некоторых собаки из приюта. Он останавливается, когда его глаза замечают одну из них, где мы с ним на свадьбе Алекса и Бриттани два года назад. Мы оба понятия не имеем, как фотографу удалось поймать этот момент на камеру.

Он указывает не неё.

— Где ты взяла её?

— Бриттани принесла её, когда обедала у нас однажды вечером.

Он указывает на выражение на моем лице.

— Ты была так зла. И посмотри на меня с этой глупой, дерзкой усмешкой. Я думал, что был таким крутым тогда. — Он качает головой, затем просматривает остальную часть фотографий.

Когда он поворачивается ко мне спиной, я встаю около него и медленно начинаю расстегивать мое платье.

— Ты крутой, Луис, — говорю я дразнящим голосом.

— Не-а, я...

Он останавливается на полуслове, когда смотрит на меня и замечает, что я расстегнула молнию на платье. У меня во рту сухо, но я медленно спускаю бретельки с плеч, пока материал не падает на пол у моих ног.

Его глаза не оставляют мои. Мои не оставляют его.

— Что ты говорил? — спрашиваю я.

— Я забыл. — Его взгляд путешествует по моему телу. На мне розовые кружевные трусики и такой же бюстгальтер. Я готова к тому, что случится сегодня вечером.

— *Mi chava...* — Он делает шаг ко мне. — Я не думал, что ты можешь выглядеть еще красивее, чем когда ты открыла дверь сегодня вечером. Но ты превзошла себя.

Я задерживаю дыхание в предвкушении и жду с нетерпением, когда его пальцы слегка пробегают по моим плечам, прежде чем нежно сдвинуть бретельки лифчика в сторону.

Все хорошо, говорю я себе. Я могу наслаждаться этим и оставаться такой независимой от эмоций, какой хочу. Его губы заменяют пальцы. Он целует одно мое плечо, прикасается своими теплыми губами к шее, и затем целует другое плечо.

Я хватаюсь за него для поддержки, потому что его теплое дыхание, скользящее по моей коже, вызывает у меня головокружение. Я хочу его здесь, я хочу быть с ним ближе... но это секс. Это должен быть просто секс.

Я хватаю его за штаны и расстёгиваю молнию.

— Полегче, девочка, — забавляясь, говорит он.

Он обнимает меня, удерживая так, чтобы наклониться и поцеловать. Это не просто поцелуй. Его губы медленно двигаются около моих, прикасаются к ним, прежде чем в ход идет язык.

Я чувствую, как его теплое дыхание смешивается с моим, как наши языки сплетаются друг с другом в медленном ритме, который делает мою кожу горячей и потной. Его руки медленно двигаются вверх и вниз по изгибам моей спины в ритме нашего поцелуя.

Правда в том, что, когда я с Луисом, мне хочется отключить свое самосознание и поддаться всяким соблазнам.

Он стягивает свою рубашку через голову, а потом бросает её в сторону. У него на руке большая рана.

— Что случилось? — спрашиваю я, обводя ее рукой.

— Просто порезался, работая в гараже, — говорит он, освобождая её.

— Что ты сделал?

Он колеблется слишком долго, и я думаю о том, что он собирается сказать мне правду.

— Это неважно.

Он снова целует меня, пытаюсь заставить меня забыть о его таинственной ране. В данный момент это срабатывает.

Полностью раздевшись, мы двигаемся к кровати. Вместо того, чтобы наброситься на меня, он сладко тянет время, проводя руками по каждому дюйму моего тела, как будто он собирается запомнить его, чтобы позже нарисовать картину.

Я следую его примеру, скользя ладонями по его горячей коже в медленной, мучительной попытке, пока он не начитает прерывисто дышать. Склонившись над ним и используя свои губы и язык, я исследую каждый сантиметр его тела.

Он хватается за простынь так, что костяшки его пальцев белеют. Это заставляет меня чувствовать, что власть у меня, а не наоборот.

До тех пор, пока не приходит его очередь исследовать. Я стараюсь сохранять спокойствие. Но это трудно. Я готовлюсь к тому, что это произойдет с минуты на минуту. Он мягко убирает волосы с моего лица, когда он смотрит мне в глаза.

— Моя ожившая фантазия, — говорит он.

— Что за фантазия? — спрашиваю я.

— Быть наедине с девушкой, которую я люблю. Я люблю тебя, Никки. Ты ведь знаешь это, правда?

Эм-м...

— Да. Я тоже, — тупо говорю я, пытаюсь заблокировать поток эмоций, угрожающих вырваться наружу.

Его большой палец касается моих губ, и, я клянусь, его глаза становятся влажными.

— Я никогда не чувствовал ничего подобного, ни к одной другой девушке, — шепчет он.

Нет. Я не хочу продолжать слышать слова любви.

Луис опасен и имеет возможность запудрить мне мозги, если я позволю ему. Я не могу допустить этого. У него есть секреты. У меня есть секреты. Мы не можем разделить их, но мы можем поделиться нашими телами.

— Давай займемся сексом, — ляпаю я. Протянув руку, я открываю ящик своего стола, достаю презерватив из коробки, которую купила на выходных, и протягиваю ему. — Вот.

— *Lo único que quiero es hacerte el amor, mi vida.*[40] — я смотрю на него пустым взглядом. Думаю, что он не заметил, что заговорил по-испански автоматически. — Я хочу заняться с тобой любовью, Никки. Больше всего на свете. Но ты сказала...

— Забудь все, что я сказала. Давай сделаем это. — Он наклоняется, чтобы поцеловать меня снова, но я кладу руку ему на грудь и отталкиваю его. — Надень презерватив.

— Сейчас?

— Да, сейчас.

Он, кажется, немного расстроен, что я спешу, но разрывает пакет и надевает презерватив. Если мы сделаем это быстро, и я буду в состоянии сдерживать эмоции, это будет прекрасно. Сегодня вечером будут уничтожены плохие воспоминания обо мне и Марко.

Он нависает надо мной, опираясь на руки по обе стороны от моей головы. Я смотрю на светло-коричневое переплетение наших тел.

— Давай, — говорю я, притягивая его к себе.

Его губы в дюймах от моих.

— Я должен быть честным, Ник. Это не так, как я себе это представлял.

— Все нормально. Давай просто сделаем это. Поторопись.

Я зажмуриваюсь. Я не могу смотреть на него. Не теперь, когда я полна решимости остаться бесчувственной. Он колеблется, затем ругается шепотом и встает с меня.

Холодный воздух врывается под одеяло, когда он садится на край кровати.

— Что случилось? — спрашиваю я. — Почему ты остановился?

Он снимает презерватив и кидает его в мусорное ведро.

— Я не могу это сделать.

— Почему нет?

Он смотрит на меня раздраженно.

— Черт, Ник, ты ведешь себя, как будто это перепих между незнакомыми людьми. Я пытаюсь заняться с тобой любовью, а твои глаза плотно закрыты, словно ты хочешь, чтобы я был кем-то другим.

— Я не... Это не так.

— Забудь об этом. — Он хватает свои боксеры и надевает их. — В следующий раз, когда твой парень говорит тебе, что любит тебя, ты, возможно, захочешь ответить что-то большее, чем «да, я тоже.»

— Я не хочу, чтобы ты любил меня, — отрезаю я.

— Слишком поздно, *mi chava*.

Я сажусь.

— Я не могу делать все эти любовные вещи, Луис.

— Таким образом, ты просто хочешь трахать своего партнера, не так ли? — говорит от грубо, засовывая ноги в штаны. — Было бы здорово, если бы ты сообщила мне, что ты просто собиралась покувыркаться, так я бы не выставил себя дураком, показывая свои чувства.

— Ты не сделал из себя дурака. Не сходи с ума. Я просто не хочу, чтобы мне снова причинили боль. Я не буду повторять то, что я сделала с...

— Марко, — говорит он, заканчивая моё предложение. — Мне чертовски надоело, что все всегда сводится к вам с Марко. Ты по-прежнему влюблена в него?

— Нет.. Я не люблю его. Ты понятия не имеешь, через что я прошла. — Я не могу произносить слова.

— Скажи мне тогда. Скажи мне, таким образом, ты можешь, наконец, идти дальше.

— Я не могу.

Он хватает свою рубашку с пола и смотрит на меня с серьезным выражением на лице.

— Ты любишь меня?

Я прижимаю одеяло к груди и даю ему единственный ответ, который могу.

— Нет.

Глава 39

Луис

Мне хочется сломать что-нибудь, неважно что. Я покинул дом Никки сегодня вечером, зная одну вещь наверняка, — это конец. Я был идиотом, когда думал, что наши чувства взаимны.

Я надеялся, что она сдерживалась, потому что боялась... Но в действительности она просто использовала меня, чтобы забыть о ком-то еще.

Вместо того, чтобы идти домой, я еду на склад КЛ. По пути я замечаю автомобиль в зеркале заднего вида, который я видел пару раз прежде. За мной следят? Я ускоряюсь, направляясь через более оживленные части города, и избавляюсь от них.

На складе Марко сидит с группой парней. Некоторые пьют пиво, некоторые курят траву. Это сцена, от которой mi'ama хотела защитить меня, вероятно, потому что она знала, что я буду привлечен к этому в какой-то момент.

Я дошел до ручки.

— Эй, друг, — говорит Марко. По его налитым кровью глазам я могу сказать, что он пьян в стельку. — Я думал, ты будешь со своей novia[41] сегодня.

— Она больше не моя novia. — Я хватаю пиво и залпом выпиваю его. Это дешёвая хрень, но я надеюсь, она сделает свою работу.

— Поздравляю. Ты наконец-то бросил эту суку. — Он держит свою банку пива в поздравительном жесте. — За большее и лучшее.

— Точно. — Я раздавливаю первую банку в моей руке и тянусь к другой. Потом еще. К тому времени, когда я на пятой банке пива, я чувствую себя чертовски хорошо. Как будто мне плевать на всех, особенно на Никки.

Мне нужно сказать ей, что сегодняшние события были ошибкой, и этого никогда не повторится. Я не доставлю ей удовольствия думать, что она сделала мне больно. Я вытаскиваю свой сотовый и звоню ей.

— Эй, Ник, — говорю я, когда она отвечает. — Я с Марко. — Я кладу руку на своего кореша и продолжаю: — Мы просто делимся историями о тебе. Правда, друг?

Марко смеется. Я знаю, что она может услышать его. Я полный pendejo[42], и я осознаю это, но в моем нетрезвом состоянии у меня нет фильтра. Она также нанесла удар мне в сердце.

— Я вешаю трубку, — она предупреждает.

— Нет! — воплю я. — Я должен сказать еще одну вещь.

— Что? — спрашивает она.

Время быть тем мудаком, каким она меня считает.

Я концентрируюсь на членораздельном произнесении слов, но не думаю, что преуспею в этом.

— Я бросаю тебя.

Она вешает трубку. Мои слова причинили ей боль. Я знаю, я буду сожалеть об этом и звонить утром, но сейчас я высоко взлетаю и посылаю все в задницу.

Спотыкаясь, иду к холодильнику и хватаю другую банку пива. К тому времени, как я её заканчиваю, у меня в глазах все двоится, и я совершенно не в состоянии думать... ни о чем.

Я не помню, что я сказал Никки, да и вообще, действительно ли я ей звонил или только думал об этом.

— Эй, Луис, — говорит Мариана, подходя ко мне. — Ты в хлам.

— Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю.

— В раю какие-то проблемы?

Я качаю головой и поднимаю вверх пиво.

— Это — мой рай.

— Я знаю то, что поможет тебе отвлечься от Никки.

— Что?

— Я. — Она целует меня, а я слишком слаб, глуп и пьян, чтобы оттолкнуть её. Она не та, кого я хочу. Она знает это, но ей плевать. Я мог бы закрыть глаза и представить, что это Никки... чтобы действительно доказать, что я мудака.

Мариана приводит меня в комнату. Я сижу на старой избитой кушетке, Мариана тормозит меня, но мое тело не хочет подчиняться, как будто оно понимает, кого на самом деле хочет, и это не Мариана.

— Я люблю ее, — говорю я, останавливая Мариану прежде, чем это зайдет слишком далеко.

— Что? — раздражённо спрашивает она.

— Она мой ангел.

Мариана соскакивает с меня и направляется к двери.

— Ты не знаешь, от чего отказываешься, Луис.

Знаю. У меня уже были эти одноразовые ночи... и они все одинаковые. С Никки все не так... именно поэтому мне сегодня так чертовски плохо.

— Извини, — говорю я Мариане.

Она не отвечает. Вместо этого она выходит и захлопывает за собой дверь.

Ранним утром я просыпаюсь и понимаю, что заснул на складе. Все ушли, за исключением нескольких ребят из КЛ, которые называют эту дыру своим домом.

У меня кружится голова еще до того, как мне удастся принять сидячее положение. Интересно, я выгляжу так же дерьмово, как себя чувствую? Мельком взглянув на пустые банки пива рядом со мной, я чувствую, как у меня скручивает живот. Меня сейчас вырвет.

Я ковыляю на улицу и меня рвет до тех пор, пока внутри ничего не остается. Я так слаб, что едва могу стоять.

— Тяжелая ночка? — спрашивает Чу, подходя ко мне.

— Да.

— Я раньше тоже так чертовски гулял. В твоём возрасте. Веселые времена, да?

— Сейчас мне совсем не весело, — говорю я ему, и на меня накатывает очередная волна тошноты.

Он смеется, как только меня снова выворачивает.

— Ключ, который я тебе давал, по-прежнему у тебя?

— У меня не было шанса попасть в банк, кроме того, думаю, за мной следят.

Он цинично улыбается.

— Я слежу за тобой, Луис. Ты ценен для меня и для Кровавых.

Черт возьми, теперь мне придется оглядываться еще чаще.

Чу хлопает меня по спине, достаточно сильно, чтобы растормошить мой чувствительный желудок.

— Ладно, amigo[43]. У тебя есть неделя, но после мне придется принять меры. Считай это предупреждением. Иди домой, — приказывает он. — Алекс и Карлос там, но не говори им, что был здесь.

— Откуда ты знаешь, где они?

— Ты ещё не понял что к чему, Луис? У меня повсюду есть глаза и уши. Чёрт, даже когда я был в тюрьме, я знал каждый твой шаг. Когда ты был в Колорадо, у меня были парни, которые следили за тобой.

— Почему я?

— Когда ты будешь готов узнать правду, я скажу тебе. Теперь утаскивай свою задницу отсюда.

Я захожу домой, но не успеваю добраться до ванной, поэтому выбегаю обратно на улицу, и меня снова тошнит в кусты. Я игнорирую взгляды моей семьи, когда ковыляю через дом и направляюсь прямо в свою спальню.

Сон. Все, в чем я нуждаюсь, — это сон. Я падаю лицом в свой матрац.

— Луис! — говорит mi'ama с порога. Она злится, а я не в настроении, чтобы слушать, как она будет кричать на меня. — Где ты был? Я звонила тебе всю ночь, ты не отвечал. Что толку от мобильного телефона, если ты не отвечаешь собственной матери?

Она сужает глаза.

— Что с тобой случилось? Ты под кайфом, Луис?

Кажется, краем глаза я заметил, что она перекрестилась. Если она начнет зажигать поминальные свечи и молиться рарá, я влип.

— Я был пьян, — говорю я ей. — И теперь у меня похмелье. Если бы я ответил на твой звонок, я бы убил весь кайф, так что я проигнорировал его. — Я слышу, как она в шоке глубоко вздыхает и затем ударяет меня по затылку. Своей туфлей.

— Разве это не насилие над детьми? — спрашиваю я её.

— Да, если бы ты был ребенком. Тебе восемнадцать, Луис. Ты теперь мужчина. Так что веди себя как таковой!

Она хлопает дверью. Звук, как у отбойного молотка ударяет в мою голову, которая, видимо, только для этого и предназначена. Mi'ama явно не обладает утонченностью.

В комнате, наконец, все спокойно, и я закрываю глаза. Тишина длится не долго, потому что я слышу, как кто-то скрипит дверью, открывая ее.

— Ты ударишь меня другой своей туфлей? — бормочу я в подушку.

— Нет, — голос Алекса отзывается эхом через мою голову, — mi'ama сказала Карлосу и мне зайти, чтобы удостовериться, что ты не мертв, что, в основном, она и думала, когда ты не отвечал на свой мобильный вчера вечером.

Алекс и Карлос — команда из ада. Они последние люди, в которых я нуждаюсь прямо сейчас. Если они тоже решат следить за мной, то у меня будет полный набор.

— Я в порядке.

— Сядь и поговори с нами.

— Хорошо, тогда я не в порядке. Уходи, — стону я. — Если ты не хочешь, чтобы меня вырвало на тебя.

— Что случилось с тобой и Никки прошлой ночью? — спрашивает Алекс.

— Ничего. Между нами все кончено.

Карлос посмеивается.

— Ага, как же. Поверь мне, я был в таком же состоянии, как и ты, брат. Напиваться до поросычьего визга из-за девушки, не вариант. Поговори с ней, и разберитесь со всем.

— Я не собираюсь это обсуждать.

Приоткрыв один глаз, вижу Алекса, сидящего на корточках возле кровати.

— Я не позволю тебе облажаться, как мы когда-то.

— Посмотри фактам в лицо, Алекс. Я уже облажался и не намерен что-то менять в ближайшее время.

Глава 40

Никки

Все изменилось в мгновение ока. Луис, я... мы.

Я провела остаток субботней ночи, плача в постели, гадая, как все вышло из-под контроля. Звонок Луиса в середине ночи не помог. Господи, как забилось мое сердце, когда я увидела его номер.

Я надеялась, что он скажет мне, что будет ждать, когда мое сердце откроется для него, что не имеет значения, сколько времени на это уйдет. Если он действительно любит меня... О, это не имеет значения. Он сказал, что всё кончено.

Проблема в том, что чувства, которые я испытывала к нему и до сих пор испытываю, настолько сильные, что они пугают меня. Я хотела заняться с ним любовью, телом и душой, но мой страх заставил меня оттолкнуть его. В конце концов, все, что я могла дать ему, — это моё тело. Но этого недостаточно.

В понедельник я стараюсь изо всех сил избегать встречи с Луисом в школе, но каждый раз, когда я поднимаю глаза, я обнаруживаю его или возле шкафчика, или идущего по коридору с друзьями. Он не устанавливает со мной зрительного контакта даже на химии, когда мы находимся напротив, лицом к лицу за лабораторными столами.

— Ты идешь со мной смотреть футбольный матч после школы? — спрашивает меня Кендалл после химии во вторник.

— Нет. Точно нет, — говорю я ей.

Она останавливается и посылает мне один из её жалостливых взглядов.

— Почему ты не хочешь рассказывать мне, что случилось в субботу вечером?

— Мы с Луисом расстались.

— Эту часть я знаю. Не хочешь поделиться причиной?

— Когда я буду готова. Просто сейчас... я не готова.

Она вздыхает.

— Хорошо, я буду рядом.

— Ты всегда рядом. Пора найти другую лучшую подругу, которая не таскает с собой столько багажа.

— Этому не быть. — Она одаривает меня теплой улыбкой. — Ты мое вдохновение.

— Вдохновение для чего? Как у королевы драмы?

— Нет. Ты понимаешь, сколько собак ты помогла спасти? Ты — девочка, которая не забывает о бродяжках.

— Я чувствую себя бродяжкой.

— Тогда ты знаешь, что никогда нельзя разочаровываться в себе. Ты намного сильнее, чем ты думаешь, Никки.

Каждую минуту каждого дня, я испытываю желание написать Луису «эй». Или позвонить ему, чтобы просто услышать его голос.

В среду Мариана и Луис разговаривают возле его шкафчика. Они сидят рядом на обеде. На химии он шутит, и она смеется так сильно, что мне кажется, её легкие вот-вот лопнут.

В четверг после школы я рада, что придется работать в приюте. Когда я с собаками, я смогу отвлечься от мыслей о Луисе.

Я регистрируюсь в приемном отделении, затем возвращаюсь к клеткам. Мое сердце пропускает удар, когда я вижу, что клетка Грэнни пуста и розовая табличка с именем отсутствует на дверце.

Она умерла в середине ночи в полном одиночестве и страхе? Или она настолько тощая от нехватки еды, что им пришлось отвести ее к ветеринару? Я мчусь к Сью, страшно паникую.

— Что случилось с Грэнни? — спрашиваю я её.

— Её приютили.

Звонит телефон.

— Я думала, что ты знала об этом, — говорит она, прежде чем ответить на звонок.

Как бы я узнала? Я не делала документов на неё. Я открываю журнал учета принятия и просматриваю заявления. Когда я вижу имя Грэнни в верхней части последних заявлений, мое

сердце переполняется счастьем от мысли, что у нее, наконец-то, есть дом.

Пока я не смотрю на нижнюю часть страницы, на имя человека, приютившего её.

Луис Фуэнтес.

Я задыхаюсь.

— Только не он.

— Твой друг приехал прямо перед закрытием вчера вечером и забрал ее, — говорит один из других добровольцев мне.

Луис знал, что я хотела её. Как он посмел прийти и забрать её? Он взял её просто, чтобы досадить мне. Ох, как я могла даже подумать, что хочу быть с кем-то, кто приютил собаку ради мести?

Все время, пока я провожу свое назначенное время, вычищая клетки и гуляя с собаками, я в ярости. После того, как я отмечаю время ухода с работы, я сажусь в свой автомобиль и гоню до дома Луиса.

Я стучу в дверь.

Ответа нет.

Я колочу в дверь.

Все еще нет ответа.

Я прикладываю ухо к двери и слышу телевизор, поэтому я знаю что кто-то должен быть дома.

Я осторожно пробираюсь сквозь пространство между кустарниками и передним окном, замечая Луиса, сидящего на кушетке с Гренни на его коленях, затем стучу в окно, чтобы привлечь его внимание. Он смотрит на меня, и я демонстрирую ему универсальные жесты, типа “открой чертову дверь”, указывая на неё.

К тому времени как я возвращаюсь обратно на крыльцо, он открывает дверь.

— Меня тошнило в тех кустах несколько дней назад. Ты могла бы быть осторожнее, смотри, куда шагаешь.

Фу-у. Я стараюсь не наступить на что-либо неопознанное, но так как кустарники находятся на пути, это бесполезно.

— Я не могу поверить, что ты украл мою собаку.

— Я бы не стал красть собаку, Ник. Ты думаешь я такой жестокий?

— Я имею в виду Грэнни, и ты это знаешь.

— Как я могу украсть собаку, которую я официально приютил?

Я суживаю глаза.

— Ты знал, что я хочу ее.

— Да, и что с того? Ты знаешь, как говорят... кто не успел, тот опоздал. Хочешь услышать, как это будет по-испански?

Он делает все возможное, чтобы расстроить меня, и это работает.

— Нет. Ты даже не хотел собаку.

— А теперь хочу. Мы с Гренни связаны. — Он переплетает пальцы. — Вот что-то вроде этого.

— Вся эта история на самом деле не касается Грэнни. Это о нас.

— Нет больше никаких «нас», помнишь?

Его слова жалят.

— Значит, ты крадешь собаку из приюта, которая мне дорога, только чтобы разозлить меня и разбередить рану?

— О, я тебя прошу. Ты слишком долго заставляла ждать бедняжку. Я ее взял не из мести. Было несколько краж в этрм районе, и нам нужен хороший сторож.

— Она слепая, Луис! — кричу я. — Она ничего не видит. Я думаю, она даже не может лаять.

Грэнни находится одной ногой в могиле.

Он делает вид, как будто мои слова являются оскорблением для него и его собаки.

— Тс-с-с, не позволяй ей слышать это от тебя.

— Ты шутишь, верно?

Он пожимает плечами.

— Слушай, дама в приюте утвердила мою заявку. Если у тебя проблемы с этим, обращайся туда. Мне насрать на твое мнение.

Если бы я была мультяшкой, то сейчас струи пара пошли бы из моих ушей.

— А как насчет субботнего вечера, Луис? Ты сказал мне, что любишь меня.

— Разве не это парни должны сказать, прежде чем трахнуть свою девушку? Я думал, что это было обязательным условием.

— Ты не имеешь это в виду.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал? Что я хочу, чтобы ты вернулась, ведь только так ты сможешь думать о другом парне, пока мы в постели? Нет, спасибо.

Грэнни ковыляет к входной двери. Луис наклонятся и берет ее на руки. Наблюдаю за тем, как он осторожно держит ее в своих объятиях, показывая тепло и заботу, которые он пытается скрыть от меня.

— Ты не знаешь, что я думаю, Луис. И не говори мне, что ты не хранишь секреты от меня. Ты делаешь что-то сомнительное для этого Чу. Я знаю, что он не вербовал тебя, чтобы ты присоединился к бойскаутам. Я решила игнорировать все предупреждающие знаки и довериться тебе. Ты лгал мне, не правда ли? У тебя больше секретов, чем в Пентагоне.

— Я всем лгу. Это не большое дело.

— Для меня большое. — Я указываю на его руку. — Это не произошло в гараже. Ты был в драке с ножами.

— Неправильно. Попробуй перестрелку. — Он ставит Грэнни на траву, чтобы она могла ковылять вокруг, и поднимает руки вверх. — Ладно, хорошо. Ты победила. Ты смотришь на нового Кровавого Латино, детка. Я продавал наркотики и занимался делами банды с Марко за твоей спиной. Это мой секрет. Какой у тебя?

Я сглатываю и подготавливаю себя, чтобы открыть правду. Это не имеет значения, так почему слезы текут по лицу? Я хочу их сдержать, но не могу. Я зла, мне больно, мне хреново...

Он такой же, как Марко. Я пыталась отрицать это, но правда бьет меня по лицу.

— Я была беременна от Марко в день, когда он бросил меня. — Луис делает шаг назад, шок ясно виден у него на лице. — Я потеряла ребенка сразу после того, как мы уехали со свадьбы Алекса, и я чуть не умерла. Эта вещь, ставшая между нами, была не обо мне и Марко! — кричу я раздраженно. — Речь идёт о доверии. Подсознательно я понимала, что ты лгал мне о Кровавых. Не вини меня, что я сдерживалась, Луис. Я была почти готова идти дальше и попытаться снова доверять. Мне потребовалось некоторое время, и я не была очень хороша в этом, но по крайней мере я попыталась, о тебе я такого сказать не могу. Это ты врал все это время.

Я достаю метеорит из моей сумки.

— Может быть, я не могла сказать это, но я попыталась показать тебе свои чувства. — Слезы текут по моим щекам, когда я бросаю метеорит на улицу. Я ожидаю, что он побежит за ним, но он не делает этого. Его взгляд сфокусирован на мне.

— Почему ты мне не сказала? — говорит он тихо. Он тянется ко мне.

Я бью его по руке.

— Не смей когда-либо снова прикасаться ко мне!

Глава 41

Луис

Неделю спустя, когда я запрыгиваю на свой мотоцикл после работы над своим эссе для Пурдю на автостоянке библиотеки, я замечаю автомобиль, который ездил за мной в течение прошлых двух недель, он останавливается передо мной, заблокировав дорогу.

Парень выходит из автомобиля. Я видел его на складе пару раз, но никогда не разговаривал с ним. Он из ПГ.

— Чу хочет поговорить с тобой.

— Позже, — отвечаю я.

— Нет, ты не догоняешь. — Здоровяк выходит из задней двери. — Он хочет поговорить с тобой сейчас.

Я оставляю мотоцикл на стоянке и сажусь на заднее сидение. Я избегал этой встречи. Ключ, который Чу дал мне, был как груз на моей совести.

Чу сидит на заднем сидении, поджидая меня. Мы бесцельно едем через город.

Я вынимаю ключ из кармана.

— Я не могу сделать этого. Я думал, что смогу, но нет.

То, как Никки смотрела на меня, с жуткой ненавистью, после того, как я попытался ее утешить, когда она сказала, что была беременна от Марко, заставило меня понять, что с этим действительно покончено навсегда.

Она ненавидела Марко, ненавидела КЛ, теперь она включила и меня в этот список, потому что я предал её, как и Марко. Всю неделю я пытался присмотреться к нему, чтобы понять, известно ли ему о беременности, но он не попался на крючок. Либо он не знает об этом, либо он решил держать это в секрете.

— Я знаю, что тебя тянет к КЛ, — говорит Чу. — Но ты не знаешь почему.

Я молчу. Каждое сказанное им слово — правда. Я не признаю этого, потому что стыжусь.

— Не нужно скрывать свои истинные чувства. Твó рарá[44] хотел, чтобы ты был в Кровавых, Луис. Он проследил за тем, чтобы тебя оберегали и защищали. Он принес тебя на склад через неделю после твоего рождения, чтобы тебя «крестили», он написал на твоём лбу КЛ собственной кровью... полноценный Кровавый Латино.

Не может быть.

— Мой отец умер до моего рождения, — говорю я. — Алекс рассказывал мне, что он был там и видел, как нашего рарá застрелили... твои слова не имеют смысла, если только...

— Твоим отцом был не Фуэнтес, — произносит Чу, прерывая мое замешательство. Он вынимает фотографию из кармана пиджака и вручает её мне. — Я был там.

Я смотрю на фотографию Гектора Мартинеса с огромной улыбкой на лице, в то время как он держит в воздухе ребенка, словно король, показывая своего новорожденного сына людям. Принц. У ребенка в центре лба написаны кровью буквы КЛ — Кровавые Латино.

— Это ты, — говорит Чу. — И твой отец. Твой настоящий отец.

Как только слова вылетают из рта Чу, чувство страха наполняет меня. Это не может быть правдой. Но были знаки.

Я никогда не видел своего свидетельства о рождении. Когда Алекса подстрелили, Карлос сдал для него кровь, но моя семья даже не пришла ко мне с просьбой сделать то же самое. Это всегда было моим больным местом.

Они волновались, что я узнаю, что мы с Алексом не совпадаем по группе крови, или что я, так или иначе, узнаю, что мы были только сводными братьями?

Чу сказал, что я был крещен в Кровавых Латино, но мой папа умер прежде, чем я родился.

Меня не могли крестить, разве что мой отец не был членом КЛ в то время.

Мне нужны ответы и прямо сейчас. Мi'amá защищала меня от жизни в банде, потому что не

хотела, чтобы я узнал правду?

Раньше я знал, к чему я привязан. Теперь я не так уверен.

— Отвези меня обратно в библиотеку, — говорю я чуваку, сидящему за рулем. — Мне нужно выбраться отсюда.

Парень смотрит на Чу, ожидая подтверждения. Чу кивает, разрешая ему. Даже когда они останавливаются у библиотеки и выпускают меня из машины, я чувствую, что меня заманили в ловушку.

Он знает, где меня найти и какими угрозами заманить назад, потому что я не смогу их проигнорировать. Я оставляю фотографию в автомобиле Чу, надеясь оставить изображение Гектора, гордо держащего того ребенка — меня — позади.

Я подъезжаю к квартире Алекса. Постучав в дверь, я надеюсь, что он дома. Мне нужны ответы, и он — единственный человек, который может мне их дать. Алекс подходит к двери.

— Луис, в чем дело? — говорит он.

— Ты мой брат? — просто и ясно спрашиваю я.

— Конечно, я твой брат, — в замешательстве говорит он.

— Тогда я буду более конкретным. Я наполовину твой брат?

Он не отвечает. Он смотрит на меня, с этими татуировками КЛ на его собственной груди и руках, насмехающимися надо мной.

— Пошел ты, Алекс!

— Что происходит? — произносит Бриттани, которая оказывается у меня перед глазами с Пако на руках. — Луис, ты выглядишь больным. Я надеюсь, ты не подхватил грипп от Пако. Ты в порядке?

— Уиис! — кричит Пако, хлопая в ладоши и радуясь, видя меня.

Нет, я не в порядке. Я смотрю на Алекса с презрением.

— Брит знает?

Алекс медленно кивает.

— Что я знаю? — невинно произносит Бриттани, когда плотно укутывает Пако в одеяло. —

Что между вами происходит?

— Алекс просто подтвердил, что я не его брат, — говорю я.

Алекс становится передо мной, лицом к лицу.

— Ты мой брат, черт возьми.

— Да, наполовину. А что насчет другой половины? Скажи мне.

— Я не знаю, что ты слышал, но...

— Гектор Мартинес — мой отец, не правда ли?

Я смотрю на плечо Алекса, в которое Гектор выстрелил после того, как убил Пако.

— Так? — снова спрашиваю я.

— Да, Луис, — расстроено говорит он. — Гектор Мартинес был твоим отцом.

Бриттани кладет в утешении руку на мое плечо, но я сбрасываю её.

— Карлос знает, или я не только паршивая овца в семье, но еще и последний узнаю, кто мой грёбаный отец?

Алекс не хочет говорить мне. Он предпочел бы, чтобы я остался непросвещенным и невинным, но это все в прошлом. Я больше не ребенок. Ничего подобного.

— Скажи мне! — я кричу на него. Все мое тело напряжено, и я сдерживаю яростный гнев, бурлящий внутри меня.

— Успокойся.

— Не говори мне успокоится. Не говори мне других слов, кроме абсолютной правды.

— Хорошо. — Алекс запускает пальцы в свои волосы. — Он подозревает. Он спрашивал об

этом десять лет назад, но я остановил его. Я сказал ему никогда не спрашивать про это снова, и он больше не делал этого.

— Что ж, ура секретам семьи Фуэнтес. — Такое чувство, как будто у меня ком размером с баскетбольный мяч в горле, когда я спрашиваю: — Он изнасиловал нашу маму? Я — плод изнасилования?

— Нет.

— Она изменила мужу?

— Не совсем так. Почему бы мне не отвести тебя домой? Ты сможешь спросить её сам.

— У меня нет дома, Алекс.

— Не глупи, Луис. Твой дом там, где твоя семья. Мамá не говорила о таких вещах, потому что хотела, чтобы мы были в безопасности.

— Так она сделала из себя шлюху. Мило.

Алекс толкает меня, сердито сверкая глазами.

— Не говори так о матери. Она сделала то, что нужно было сделать, и точка. Не суди её, пока не знаешь, что произошло.

Все это время я был так глуп. Доказательства были прямо перед носом, и я не собрал их воедино. У меня было смешное заблуждение, что я был золотым ребенком, потому что я был в животе моей матери, когда мой предполагаемый отец был застрелен — последний подарок, который он ей дал, меня.

Но в действительности я никогда не был золотым ребенком. Я был белой вороной... Я называл себя Фуэнтесом и никогда не был одним из них. Я отхожу.

— Прощай, брат.

— Что это значит?

— Это значит, что я ухожу. Насовсем.

— Ты никуда не пойдешь.

— Алекс, ты меня не остановишь. Черт, у нас разные отцы. — Я думаю о тех временах, когда плохо себя чувствовал из-за Карлоса, потому что он казался лишним. У него не было ни мозгов, ни характера, с которыми родились мы с Алексом.

Шутка надо мной. Я даже не одной с ними крови.

— Ты думаешь, это всё из-за ДНК? — спрашивает он. — Это не так. Ты был моим братом, как только вышел из живота мамы, и я держал тебя, когда тебе было меньше часа. Ты был моим братом, когда мама работала, и я вытирал тебе задницу и менял подгузники. И ты будешь моим братом до моего последнего вздоха! Comprende?[45]

— Ты отрицал мое прошлое... мое происхождение.

— Я ничего не отрицал, Луис. Твой биологический отец был...

— Продолжай, скажи это. Давай, Алекс, не сдерживайся.

— Гектор Мартинез был манипулирующим мудаком, который угрожал людям, подвергая опасности их жизни, чтобы они делали то, что он хотел. Он был убийцей и наркобароном. Мы оказали тебе услугу, не сказав, что у тебя половина генов от человека без моральных принципов и совести.

— Лучше будь поосторожнее, Алекс. — Я толкаю его назад, готовый к драке. — Ты говоришь о моем кровном отце.

Мои слова, вероятно, причиняют ему боль, потому что грудь Алекса тяжело вздымается.

— Проснись, Луис. Ты смотришь на свою кровь. Я твоя кровь.

Я смотрю на него с отвращением.

— Всё, что я вижу передо мной, так это бывший Кровавый Латино. Предатель своего народа.

— Это чушь собачья.

— Будь поосторожнее, брат. Ты никогда не знаешь, кто семья... а кто враг.

Я стремительно несусь прочь от него, игнорируя требования Алекса вернуться, смешанные с мольбами Британни не уходить. Она говорит, что мы решим это.

Я сыт по горло, пытаюсь что-то исправить.

Чу был прав. Состоять в Кровавых Латино — это моя судьба, право от рождения. Я говорил себе, что хочу приблизиться к Чу, чтобы получить информацию о КЛ. Я лгал себе.

Все это время я хотел быть в КЛ, быть частью сделок с наркотиками и риском. Я иду на склад КЛ с одной целью — жить по принципам отца.

Чу сидит в своем временном офисе, разговаривая с некоторыми ПГ. Один взгляд на меня, и Чу выпроваживает всех остальных из комнаты, за исключением парня по имени Малыш, который совсем не маленький.

— Я пойду в банк и посмотрю, что находится в банковской ячейке, — говорю я, — но у меня есть условия.

Его вездесущая сигарета свисает у него изо рта. Он берет её и выпускает дым в воздух. Я смотрю, как он задерживается у него над головой, прежде чем исчезнуть в прокуренной комнате.

— Условия?

— Да. Во-первых, ты никогда больше не будешь угрожать семье Алекса, Карлосу или моей маме. Во-вторых, ты посвятишь меня, как всех остальных. — Нет больше размытых линий. Я выбрал свою сторону, и я не хочу, чтобы меня принимали за кого-то, кем я не являюсь и кем мне не суждено быть.

— Рад, что ты поменял свое мнение, Фуэнтес.

— Не называй меня так, — грубо говорю я. — Я не Фуэнтес, и ты это знаешь, так что хватит нести чушь. Ты согласен на мои условия или нет?

Мы буравим друг друга взглядами.

— Конечно. Гектор предсказывал, что ты будешь бойцом, — гордо говорит он, напоминая мне о фотографии, где Гектор держит меня, когда я был новорожденным.

Он кивает Малышу, чтобы вернуть других ПГ в комнату.

— Луис хочет укрепить свое место в семье КЛ, парни, — выкрикивает он толпе, когда они заходят обратно. — Проблема в том, Луис, что ты уже был крещен. Нет необходимости в посвящении.

— Я хочу этого. Примите меня как новичка.

— Хочешь, чтобы мы выбили из тебя дерьмо? — Он смеется.

— Я хочу быть посвященным, как Алекс. Я не ищу легких путей. Я справлюсь с этим. — Я покажу им, меня не нужно защищать от правды. Я просто могу слышать Гектора Мартинеса из могилы, который подстрекает меня бросить вызов, доказав всем этим парням, что я такой же жестокий человек, каким был он.

Его брови поднимаются.

— Ты справишься с этим, да?

— Я сын своего отца, — уверенно говорю я. — И я готов.

— *Mi lugar*, [46] — говорит он, забавляясь. — Эй, Рико! — орет он. — Собери ребят и устройте Луису тут кроваво-латинское тринадцатисекундное приветствие. Я тоже присоединюсь. — Он хрустит костяшками пальцев, одним за другим. — И я собираюсь насладиться этим.

Глава 42

Никки

Кендалл думает, что я справляюсь, но на данный момент я не могу чувствовать себя по-настоящему целой. Все мои чувства и желания завязаны на одном — оказаться дома у Луиса,

чтобы он мог обнять меня и сказать, что между нами все хорошо.

Это все мечты. Между нами все далеко не хорошо, и никогда не будет.

— Пап, — говорю я, садясь рядом с ним, в то время как он смотрит футбольный матч по телевизору. — Как так случилось, что вы с мамой никогда не брали нас в Мексику?

Он пожимает плечами.

— Мы достаточно путешествуем, Никки. Ты была в Бразилии с нами два года назад. И в Аргентине, когда я выступал там на конференции. И ты практически все мороженое в Италии съела.

— Но почему не Мексика?

Он медленно выдыхает.

— Я думаю, что должен показать вам место, где я рос. Но я не хочу оглядываться назад, Никки. Ваша мать не хочет также.

— У многих мексиканских детей в школе есть родители, которые даже не говорят по-английски.

— В южной части, — добавляет он.

— Да.

— Мы пытались растить тебя и твоего брата, чтобы у вас не было «нашего» и «их» менталитета и неприязни к богатым или бедным, которые, я боюсь, распространены в южной стороне. Твоя мама и я не раз обсуждали это до того, как вы родились.

— Такое чувство будто мы белые. Я не ем мексиканскую еду, и ни один ребенок из тех, с кем я росла, не был мексиканцем.

— Мы не пытаемся быть белыми, Никки. Мы приспособились. Это так ужасно?

— У меня такое ощущение, чтою пока вы с мамой так сильно желали приспособиться, вы не заботились о том, чтобы мы гордились нашим происхождением. Мне нравится быть американкой. Но, когда я смотрю на детей из южной стороны... таких, как семья Фуэнтес. Я им завидую.

— Чему тут завидовать, дорогая? У тебя есть все, что нужно, и большинство вещей, которые ты хочешь. Мы живем американской мечтой. Я знаю менталитет большинства мексиканских семей в южной части Фейрфилда: работать, как собака, отправлять деньги родственникам назад в Мексику и не иметь больших ожиданий, потому что они никогда не сбудутся. Большинство мексиканских детей на южной стороне Фейрфилда не рассчитывают на поступление в колледж. После окончания школы они планируют помогать их родителям прокормить семью и защищать ее от тех, кого они называют «бандюга». Это не наш менталитет.

— Я знаю. — Я хочу рассказать ему о тех мыслях, что одолевали меня в течении последних двух месяцев с тех пор, как я была с Луисом на лодке Дерекка. — Я хочу, чтобы ты рассказал мне о твоём детстве, папа. Не сейчас, а когда вы с мамой будете готовы. Это действительно важно для меня. Быть мексиканкой — это важно для меня.

— Имеет ли это какое-либо отношение к тому, что ты так много времени проводишь с Луисом?

— Может быть. Мы расстались, и я скучаю по его семье и по окружению людей, которые не скрывали, что они мексиканцы и что это для них является почетным званием. Я знаю, что это глупо, но мне действительно нравилось это. — Я также скучаю по Луису очень сильно, я переживаю за него и плачу в подушку каждую ночь с его дня рождения.

— Если хочешь поехать в Мексику, я поговорю с мамой. У нас нет планов на это лето, из-за того, что осенью ты уезжаешь в колледж. — Он гладит меня по колену. — Думаю, ты права. Нам необходимо иногда оглядываться назад, прошлое учит нас ценить наше будущее.

Это правда. Мне нужно вернуться к моему прошлому, таким образом я смогу исцелиться и

смотреть в будущее. Марко — это ключ. Я выхожу из комнаты и иду на улицу, чтобы позвонить Марко. Когда он не отвечает, я пишу ему сообщение.

Я: Мы можем поговорить?

Марко: Нет. Я помогаю Луису вступить в банду.

Глава 43

Луис

Чу стоит передо мной в середине круга около пятнадцати парней. Моего двоюродного брата Энрике здесь нет, зато есть Марко. И ещё пара парней из школы. Он также созвал некоторых других парней, которые были при деле, когда ещё Алекс был в Кровавых.

— Вот, что произойдет, Луис, — объясняет Чу. — Mis vatos[47] и я собираемся отвести тебя в заднюю комнату и, черт побери, выбивать из тебя дурь в течение тринадцати секунд. Когда все закончится, ты принят.

— Я могу сопротивляться? — спрашиваю я.

— Нет. А если ты попытаешься, то наши удары будут больнее, — говорит он, не упуская ни одной детали. — Это сломает тебя прежде, чем мы соберем тебя снова, более сильным и более жестким. Как жеребца, чувак. Когда мы закончим, ты — Кровавый Латино.

— Давай покончим с этим.

— Черт подери, ты как Гектор. Этот сумасшедший ублюдок был таким же нетерпеливым, как и ты, — говорит Чу.

Все ведут меня в комнату без окон. Я замечаю пятна засохшей крови на полу. Я должен быть напуган, но я не чувствую страха. Марко привлекает мое внимание. Он рад, как будто мое посвящение повысит его статус в КЛ.

Некоторые ПГ становятся позади меня, наверное, чтобы убедиться, что я в последнюю минуту не испугаюсь и не убегу.

— Ты готов? — спрашивает Чу.

Я киваю. Глубоко внутри меня кипит гнев, отчаянно рвущийся на волю. Я не знаю, как долго смогу сдерживать его.

Чу хватает меня за подбородок, его пальцы впиваются мне в кожу.

— Твоё лицо напоминает мне Алекса, — говорит он. — Мне очень понравилось ставить его на колени, когда он выскочил из банды. Это станет сладкой мстью.

Я вырываюсь из его хватки, но вторая свободная рука Чу летит мне в лицо железным кулаком. У него наверняка на ней было кольцо, потому что что-то резко полоснуло меня по щеке.

— Один, — говорит он, злорадствуя над моими повреждениями. — Два, — я слышу, как он говорит это. Остальные начинают приближаться. Я быстро защищаю лицо руками и ладонями. Трудно сдерживать их, когда они наносят удар за ударом, мое тело болит и хочется рухнуть на землю.

— Три.

Новый удар, мне хочется закричать, но я не делаю этого. Я сдерживаюсь. Я могу справиться с чем угодно, даже с этим. Я хочу дать отпор, но слова Чу застряли в моей голове. «Наши удары будут больнее».

— Четыре.

Марко бьёт меня в челюсть, когда я на долю секунды убираю руки. Я чувствую вкус крови, но у меня нет времени, чтобы сосредоточиться на этом, так как я изо всех сил стараюсь оставаться в вертикальном положении. Я жду число тринадцать. Все закончится на тринадцати.

— Пять.

Один из парней сильно пинает меня в заднюю часть колена. Я падаю на землю. Я стою на коленях и руках. Я пытаюсь встать, но не могу. Меня сильно пинают в живот.

— Шесть.

Мне удается встать на ноги. Каждый удар питает беспокойный огонь внутри меня. Я могу справиться с этим. Я могу справиться с чем угодно.

— Семь.

Я снова прикрываю голову руками, но не думаю, что это приносит пользу. Удар в спину заставляет меня вздрогнуть. Я быстро теряю силы.

— Восемь.

Блокируй это, Луис. Блокируй боль и думай о чем-то другом.

Подумай о Никки, о девушке, которая украла твоё сердце и убежал с ним.

— Девять.

Эти парни бьют, как профи. Они дерутся, так же жестко и грубо, как Алекс и Карлос. Если бы Никки была здесь, ей было бы все равно, что меня избивают?

— Десять.

Я думаю, что это почти конец, но не уверен. Я пытаюсь оставаться сильным, но постоянные удары руками и ногами угрожают сломать меня, как и предупреждал Чу.

Мое тело сильно пострадало, думаю, у одного из этих парней либо стальной носок на обуви, либо он специально обучен бить ногами. Нет, я не позволю им победить. Я отвечаю за свою судьбу, а не они.

— Одиннадцать.

Пожалуйста, пусть это скорее закончится. Я чувствую, что мое тело падает, и я больше не могу держаться за свой гнев.

Я не слышу число двенадцать. Чу прекратил считать. Этот ублюдок просто стоит, продлевая избиение. Тот факт, что с каждым ударом я вступаю в КЛ и ухожу из жизни Никки, слишком тяжело выносить.

В жопу игру, в которую играет Чу. Я начинаю поворачиваться, готовый свалить любого, кто посмеет приблизиться ко мне.

— Дерьмо, — я слышу, кто-то кричит, после того как я ударяю его.

Я укладываю двоих, в то время как несколько ПГ пытаются пригвоздить меня к земле. Чу держится в стороне, наслаждаясь этим. На его лице дерзкая усмешка, которая прямо сейчас должна быть стерта.

Я разукрашиваю еще двух парней и, вырвавшись из хватки ПГ, нападаю на Чу. Прямо сейчас я ничего не хочу больше, чем сорвать свою ярость на нем.

Он замахивается на меня, но я быстрее. Мой кулак попадает ему в челюсть. Он падает на спину, а я получаю мимолетное удовлетворение; внезапно, четыре из ПГ хватают меня за руки и заворачивают их за спину.

У Чу из уголка рта течет кровь. Он не спешит ее вытирать... вместо этого он облизывает ее, словно кровососущий вампир. Я могу не выйти из этого живым, но на данный момент мне насрать.

— У нас есть небольшое недопонимание, *requena mierda*[48]. Ты, кажется, думаешь, что ты сбежишь с шоу. Может быть, ты забыл, что я здесь хозяин. Не ты. Ты думаешь, ты мог бы заменить меня?

— Да, — бормочу я.

Он бьет меня в живот, и я сгибаюсь пополам, но парни, держащие меня за руки, как в грёбаных тисках, выпрямляют меня.

— Неправильный ответ. Я спрошу еще раз. Ты думаешь, ты мог бы заменить меня?

Я делаю глубокий вздох, заставляю себя не обращать внимания на боль, проходящую через моё тело, и поднимаю взгляд.

— Да, — говорю я.

Он бьёт меня в лицо, на этот раз сильнее, если это вообще возможно. Моя голова раскалывается от боли.

— Неправильный ответ. Я спрошу еще раз. Ты думаешь, ты мог бы заменить меня?

Я пытаюсь открыть глаза шире, но не могу. Я делаю все, что в моих силах, пробиваясь через туман в голове.

— Да.

Он снова бьёт меня в живот. Он, кажется, сломал ребро, потому что я почувствовал, как что-то треснуло.

— Неправильный ответ. Я спрошу еще раз. Ты думаешь, ты мог бы заменить меня?

Дело сделано. Я потерял Никки. Я потерял НАСА. Я потерял все. Единственное, что мне осталось, — это наследие моего отца, как крутого парня, который никогда не отступал, пока его не убили и не похоронили. Я буду держаться за это наследие столько, сколько смогу.

— Да.

— Дельгадо, принеси мне электробритву, — командует Чу. — И отвёртку... поострее.

— Зачем? — спрашивает Марко.

— Просто сделай это, ты, глупый маленький придурок. Если не хочешь закончить как этот *pendejo*[49], сделай это.

Следующий удар Чу по голове, это последнее, что я помню до того, как теряю сознание.

Когда я прихожу в себя, я лежу на цементном полу.

— *Felicitaciones!*[50] — говорит Чу, приседая рядом со мной. Я замечаю золотые кольца на его пальцах. — Ты теперь один из нас.

Я просто хочу лежать прямо здесь на полу и спать, пока мое тело не перестанет кричать от боли.

Глава 44

Никки

Через час после моих непрерывных попыток Марко, наконец, отвечает на мой звонок.

— Где Луис? — спрашиваю я его.

— Я высадил его около дома несколько минут назад, — отвечает голос Марко из динамика. Он смеется, звучит как издевательский смех. — Он не в лучшей форме, но выживет. Крепкий ублюдок. Не знал, что он еще тот боец, но Чу все равно поставил его на колени.

Моё сердце резко дергается в груди.

— Ты мог бы остановить его.

— Ты несешь бред. Луис хотел этого... он сам попросил об этом. Вытащи свою голову из задницы и просто прими этот факт, Ник. Ты больше не можешь удерживать его. Теперь это дело Кровавых.

— Почему ты выбрал КЛ вместо меня, Марко? Скажи мне правду.

— Деньги, статус, братство. Ты и я не были бы вместе вечно, и я знал это. Ты была временным отвлечением от моих целей.

Временное отвлечение. Правда, безусловно, болезненна, но это тупая боль, а не реальная. Я пережила его, нас и то, что произошло в результате наших отношений.

— Я была беременна в день, когда мы расстались, — говорю я ему, а затем смотрю на фото танцующих меня и Луиса на свадьбе Алекса и Бриттани, до сих пор висящее на моей стене. Почему-то вид глупой улыбки Луиса, когда он пытался рассмешить меня, дает мне надежду и силы пройти через этот разговор. — Я винила себя, что не говорила тебе об этом на протяжении двух лет. У меня был выкидыш... в сочетании с потерей нашего ребёнка... это мешало мне очень долгое время.

Я перестаю говорить и жду его реакции. Я не знаю, что я хочу, чтобы он сказал.

— Откуда ты знаешь, что ребенок был моим? — спрашивает он дерзко.

Он знал, что я была его первой, и он был моим. Никого другого не было. Его вопрос настолько оскорбителен, что не заслуживает ответа.

Я вешаю трубку, а затем звоню Кендалл.

— Луис вступил в Кровавые Латино сегодня, — говорю я ей. — Я пойду к нему домой, хочу убедиться, что с ним всё в порядке.

— Я пойду с тобой, — говорит она. Я слышу приглушённый голос Дерек, который спрашивает, что происходит. — Дерек тоже придёт. Мы будем у твоего дома через пять минут.

— Поторопитесь, — говорю я ей.

Я стучу в парадную дверь Луиса, но ответа нет. Дверь приоткрыта, поэтому мы заходим.

— Луис? — зову я.

Никто не отвечает. Я иду в его комнату, зная, что он здесь... чувствую его присутствие где-то в доме.

— Я проверю спальни, — говорит Дерек. — Вы двое стойте у входной двери. Если вам будет нужно быстро выбираться отсюда, просто уходите.

Дерек открывает дверь в спальню Луиса. Я сжимаю руку Кендалл, боясь того, что он найдет... что бы то ни было.

— Что, черт возьми, с тобой случилось, чувак? — спрашивает Дерек.

— Почему ты здесь? — слышу я ответ Луиса.

— Он здесь, — шепчу я Кэндалл.

— Никки хотела убедиться, что ты в порядке. — Дерек машет мне. — Ну, я буду, прямо за дверью, если тебе что-нибудь понадобится... прямо как в больнице.

Я задыхаюсь, когда вижу Луиса, сидящего на кровати и прислонившегося спиной к стене. Его голова покоится на руках. На его лице кровь. Его голова обрита, а его полностью окровавленная рубашка, порванная в клочья, валяется на полу.

Грэнни сидит рядом с ним, положив голову ему на бедро. Она знает, что ему больно.

Я спешу к нему, боясь прикоснуться к его лицу, опасаясь сделать ему больно.

— Что они с тобой сделали? — мягко спрашиваю я, пытаюсь сдержать поток эмоций угрожающий выйти из меня. Я должна оставаться сильной ради Луиса.

— Уходи, — стонет он.

— Я не уйду, когда ты выглядишь вот так, — шепчу я.

— Мне не нужно, чтобы ты была здесь, и я абсолютно уверен, что не хочу этого. Все кончено, помнишь? Я не твоя чертова благотворительность.

— Хорошо, но посмотри на себя. Отбрось свою гордость и позволь помочь тебе.

Они сбрили его прекрасные волосы. Его держали, или он добровольно склонил голову для этого? В любом случае, аккуратностью они не отличались. У него куча порезов по всей голове.

— Они побрили тебе голову.

Я не понимала этого раньше, но его мальчишеские волосы были символом его невинности и индивидуальности. Теперь он выглядит так жестко... как Кровавый Латино. Я поднимаю его подбородок и призываю посмотреть на меня. Когда он это делает, я почти глотаю воздух.

Его губа разбита, его глаза закрыты, потому что веки опухли... и красные, ужасные порезы смешиваются с синяками на лице, спине и груди.

Когда я смотрю в его глаза, в них я вижу пустоту. Это пугает меня. Изменится ли он и станет таким, как Марко?

— Какую часть «уйди от меня» ты не понимаешь? — спрашивает он.

Когда он роняет голову на руки, я мельком вижу буквы К и Л, выдолбленные чем-то на его

бицепсе.

— Тебе нужно в больницу, — говорю ему я.

— Не могу. Они спросят, что случилось, — он поднимает взгляд на меня. — Я должен соблюдать кодекс молчания. Ты знаешь, что мне нужно, Ник? Наркотики. Незаконные. И очень много. И убедись, что их хватит надолго, потому что я не выйду отсюда некоторое время.

— Прекрати нести чушь, — я сажусь на кровать и долго сурово смотрю на него. — Вот, что мы сделаем. Ты позволишь мне тебя помыть. А потом можешь сказать, чтобы я ушла.

— Ты что, не слышишь меня? Если у тебя нет обезболивающих, я не хочу, чтобы ты была рядом со мной.

— Очень жаль.

Кендалл и Дерек помогают мне принести мокрые бумажные полотенца с перекисью водорода. Я становлюсь на колени перед Луисом и осторожно прикладываю одно из бумажных полотенец рядом с разрезанной бровью.

— Что случилось с тем парнем, который говорил что любит меня? — спрашиваю я.

— Он умер, — сухо говорит он.

— Я хотела оттолкнуть тебя, — говорю я ему. — Это мой защитный механизм.

— Поздравляю, Никки, — говорит он. — У тебя получилось.

Он отдергивает голову от меня, но я удерживаю его лицо, очищая подбородок и страшный порез на щеке. Когда я поддвигаюсь, чтобы очистить рану на его бицепсе, то вижу проклятые буквы, выколотые на его коже, что бередят старые шрамы во мне.

Он хватается меня за запястье своими сильными пальцами, заставляя меня остановиться, когда я собираюсь вытереть кровь, все еще сочащуюся из его раны.

— Не помогай мне, — говорит он. — Я хочу, чтобы ты ушла.

— Почему? У нас была связь, Луис. Я хочу забыть это, но я не могу.

Его бередящие душу глаза устремлены сквозь меня.

— Не лги себе и не думай, что у нас было нечто другое, нежели у тебя с Марко.

— Я не верю в это, — говорю я, качая головой. — Может быть у нас и нет шансов на будущее, но мое сердце знает, все, что было между нами, намного глубже того, что было с Марко.

— Ты ошибаешься. — Он крепче сжимает мою руку, мешая мне прикоснуться к нему. — Эй, Дерек! — кричит он.

Дерек просовывает свою голову в дверной проем.

— Да?

— Уведи ее отсюда, прежде чем я сделаю что-нибудь глупое.

Дерек касается моего плеча.

— Ник... ты должна отпустить его.

Я глотаю комок в горле размером с баскетбольный мяч.

— Я люблю тебя, Луис.

Луис зажмуривается.

— Дерек... уведи ее!

Я отодвигаюсь от него и делаю глубокий вдох. Я не могу достучаться до него. Он перешел на другую сторону и оставил меня позади.

Глава 45

Луис

Меньше чем через час после того, как Никки и компания покидают дом, меня неожиданно навещают Алекс и Карлос. Информация о моем вступлении, очевидно, добралась и до них, потому что они не выглядят удивленными, увидев меня, всего избитого.

— Иди, прими душ, — говорит Алекс, бросая мне полотенце. — Ты грязный.

— Только не долго, — говорит Карлос, постукивая меня по ноге. — Потому что нужно быть готовым к ужину через сорок пять минут.

Он берет на руки Грэнни, которая не покидала меня все это время.

— Я не хочу есть, — говорю я ему. — И отдай мою собаку.

— Ты захочешь есть, когда узнаешь, что я сделал.

Я смотрю на своих братьев-наполовину, ожидая, что они начнут впаривать мне дерьмо, но они этого не делают. Они просто... здесь.

— У твоей собаки депрессия, как и у тебя, — говорит Карлос, опуская Грэнни на пол.

Я принимаю душ, и пусть горячая вода смывает засохшую кровь на моей коже, но она не смывает тот факт, что я полноценный Кровавый Латино. Или то, что я оттолкнул Никки насовсем, что намного больше, чем буквы КЛ, выдолбленные на мне отвёрткой Чу.

Я потерял ее. Это хорошо, хотя... Я просто в конечном счете разочарую ее, и я не хочу обидеть ее больше, чем обидел уже сейчас.

Когда я выхожу из ванной, мои братья сидят за кухонным столом. Они говорят тихо, очевидно, обсуждают, как им теперь обращаться со мной.

Когда я не присоединяюсь к ним, они приносят свои тарелки ко мне в комнату и едят, прислонившись к стене. Запах мяса и специй разжигают мой аппетит, но я не хочу разбираться с ними прямо сейчас... или есть с ними.

— Что вы двое делаете? — спрашиваю я.

Алекс и Карлос смотрят на еду друг друга и пожимают плечами.

— Едим, брат, — говорит Алекс. — А на что это похоже?

Я указываю на дверь моей спальни.

— Вы знаете, у нас есть кухня. Идите есть туда.

— Я в порядке, — говорит Карлос. — А ты как, Алекс?

Алекс берет вилкой carne guisada[51], это блюдо (они оба это знают) — мое любимое.

— Я тоже в порядке, — говорит он, обращая на еду все свое внимание и постанывая, как будто он в мясном раю.

После ужина Карлос ложится на запасной матрас на полу моей комнаты.

— Разве ты не остановился в отеле с Киарой? — спрашиваю я его.

— Не сегодня. Может, завтра. Ты испоганил этот план.

— Не обвиняй меня, — говорю я ему. — Иди в отель. Я так хочу.

У меня начинают болеть кости, когда я иду в ванную. Я замечаю, что Алекс ночует в гостиной.

— Иди домой, к жене и ребёнку, — говорю я ему.

— Я переезжаю сюда на неделю. Mi'amá останется с Брит и Пако, в случае, если тебе интересно.

— Мне не нужно, чтобы вы с Карлосом нянчились со мной. Я в порядке.

Как только я приму пачку тайленола, я буду в порядке.

Он смеётся, осматривая моё тело.

— Да, точно. Ты отлично выглядишь, братан. Иди ложись, и пусть твоё тело начнёт восстанавливаться.

— Когда начнется лекция? — спрашиваю я. Я не достаточно глуп, чтобы думать, что сорвался с крючка Алекса и Карлоса.

— Я не буду читать тебе лекцию, — говорит Алекс.

— Я тоже не буду, — говорит Карлос.

— Вы же понимаете, что я в КЛ? — отвечаю я, просто чтобы удостовериться, что мы понимаем друг друга. — Меня не ограбили сегодня... Я вступил.

— Это очевидно, брат, — скучающим тоном говорит Карлос.

Алекс берет в руки пульт и начинает смотреть телевизор. Они притворяются, что их не заботит, что я стал частью Кровавых Латино, но я не идиот. Они играют со мной. Но зачем?

— Так вы, парни, спокойны по поводу этого? — спрашиваю я.

— Я бы не был в этом полностью уверен, — говорит Алекс. — Но мы понимаем.

— И мы дадим тебе время поправиться, — говорит Карлос.

Я держусь за свои побитые ребра, когда ковыляю обратно в комнату.

— Идем, Грэнни, — говорю я. Моя собака ударяется головой в стену, и мне хочется сказать ей, что я чувствую её боль... в прямом смысле.

— Да, кстати, — кричит Алекс из гостиной. — Энрике освободил тебя на неделю от работы.

Я медленно опускаю себя на кровать, стараясь не обращать внимания на боль. Я не смог бы работать, даже если бы захотел.

— О, еще одна вещь, — выкрикивает Алекс. — На этой неделе придет твой учитель химии, чтобы учить тебя, пока не заживут раны. Если пойдешь в школу в таком виде, Агирре может вызвать полицию.

— Пожалуйста, скажи, что ты шутишь о том, что Питерсон будет здесь.

— Это не шутка, братан. Она ждет этого с нетерпением, — говорит Алекс.

Глава 46

Никки

Луис не возвращался в школу всю неделю. Я звонила Британи, и она сказала, что Алекс и Карлос заботятся о нем. Алекс говорит, что он заживает быстро.

Кендалл, Дерек и Хантер пригласили меня играть в гольф в Брикстон. Я не хочу идти, но мне нужно отвлечься от мыслей о Луисе.

Я не могу сказать, сколько раз испытывала желание поехать к Луису домой. Шесть раз я садилась в свой автомобиль и начинала ехать, но всегда останавливала себя, прежде чем пересекала железнодорожные пути к южной стороне.

— Я рад, что ты приехала, — говорит Хантер, пока я ставлю свои клюшки для игры в гольф в гольф-кар. Я дарю ему слабую улыбку.

— Я тоже.

— Нас таких трое, — говорит Дерек, затем подталкивает Кендалл.

— Нас четверо, — говорит она, хотя с меньшим воодушевлением.

На восьмой лунке, в то время как Дерек учит Кендалл, как делать подсечку, чтобы вытащить ее мяч из песочной ловушки, Хантер сидит рядом со мной в гольф-каре.

— Пойдешь на встречу выпускников со мной, — говорит он.

— Это вопрос или утверждение? — спрашиваю я его.

— Принимая во внимание то, что я не хочу, чтобы ты даже думала об отказе, я сказал бы, что это было утверждение. — Он приобнимает меня рукой. — Ты знаешь, что я всегда хотел быть с тобой.

— Лгун. Ты хотел добавить меня к своей полке трофеев.

— Правда. Так что ты думаешь об этом?

Я смотрю на его зеленые фирменные ботинки для гольфа с блестящим золотым дизайном на верхней части. Его инициалы выгравированы золотом. Луиса не поймали бы в таких даже мертвым.

— Я не могу пойти с тобой на встречу выпускников, Хантер.

— Это из-за моей обуви?

— Нет. Это потому, что я люблю кое-кого другого .

— Он знает об этом?

— Да. Но он не верит мне.

Когда мы с Марко разошлись и я увидела его с Марианой, я не боролась за него. Я сдалась и позволила КЛ победить.

С Луисом все по-другому. Я поняла, что не сдамся в отношении нас, и собираюсь бороться, чтобы вернуть его. Я люблю его сильнее, чем просто сердцем... Я люблю его всеми частями моей души, как будто он — часть меня.

Пришло время ему узнать об этом.

Глава 47

Луис

Пока Алекс отсутствует, а Карлос смотрит телевизор, я выбираюсь через окно своей спальни со своим рюкзаком и направляюсь в банк с ключом от камеры хранения. Уверен, мне не стоит надеяться, что я вернусь, прежде чем они заметят, что меня нет. Я должен знать, что в банке, так я могу решить, что делать дальше. Я незаметно проскальзываю в глухой переулок, чтобы убедиться, что меня не преследуют.

В банке я даю им своё удостоверение личности и подписываю бумажку, заявив, что я владелец того, что находилось в ящике. После этого меня направляют в хранилище. Сотрудники банка оставляют меня там одного, пока я открываю коробку и изучаю содержимое.

Пачки сто долларовых купюр смотрят на меня. Бьюсь об заклад, здесь по крайней мере десять-пятнадцать тысяч долларов. Мое сердце начинает быстро колотиться. Я не показываю страха, здесь есть видеокamеры, следящие за каждым моим движением.

Такое большое количество денег заставляет меня нервничать. Как это нужно использовать? В первую очередь, почему Гектор поставил моё имя на коробке? Я не знаю, получу ли я когда-нибудь ответы.

Там также листок бумаги с кучей цифр на нем и под ними «КОДЕКСМОЛЧАНИЯ». Заглавными буквами, без пробелов.

Под деньгами лежит другой листок бумаги, рельефный и отпечатанный, как оригинал — мое свидетельство о рождении.

Луис Сальваторе Мартинес Фуэнтес.

Я смотрю на двойную фамилию... mi'amá признала Гектора моим отцом в свидетельстве о рождении. Она дала мне его фамилию, но никогда не говорила мне об этом. В нижней части свидетельства, где находится графа «отец», указан Гектор Мартинес, и на документе подпись этого ублюдка.

Несмотря ни на что, я не чувствую себя подобно Мартинесу. Это не часть меня, и я не приму ее, как таковую.

Я записываю номер на своей ладони, кладу свидетельство о рождении в карман, а затем ставлю коробку обратно в гнездо. Как только я увидел наличные, я пытался убедить себя взять их... они же мои, не так ли?

Mi'ama нуждается в них, Алекс нуждается в них... они могли бы помочь Карлосу и Киаре начать свою совместную жизнь.

Но что, если это кровавые деньги, или деньги от продажи наркотиков? Дерьмо, я выходец из Кровавых Латино с проклятой совестью. Не лучшее сочетание.

Я быстро заполняю свой рюкзак деньгами, а затем сажусь на автобус и еду в местную библиотеку, надеясь, что за мной не следят. Если Чу знает, что я был в банке, то он знает, что именно я видел в коробке.

Он ожидает, что я просто передам ему деньги и цифры на бумаге? Если я не отдам их ему, он убьет меня? Если я отдам их ему, буду ли я ему еще нужен? В любом случае — я влип.

Если бы мы с Никки были вместе, она была бы в опасности. Я рад, что отшил ее, хотя это

убивает меня изнутри.

Я не могу сказать Алексу и Карлосу о происходящем. Они уже впутаны больше, чем должны. Я клянусь: они не выпускают меня из вида ни на минуту с того самого времени, как вернулись домой.

Если Карлос вяжется и что-то пойдет не так, он будет арестован и, скорее всего, будет с позором уволен из армии. Алекс может потерять свою стипендию, его семья... Если он попадет в тюрьму, он пропустит рождение его второго ребенка.

Я никогда не позволю им вмешаться. Я, может быть, и Мартинес, но я все еще чувствую себя Фуэнтесом.

Я оглядываюсь назад и понимаю, что меня выслеживает черный Камаро. Парень, сидящий за рулем, выглядит подозрительно и походит на того придурка, который открыл дверь нам с Марко в том доме на территории Ф5, куда мы ездили собрать пять штук.

К счастью я знаю Фэйрфилд как свои пять пальцев. Я иду в сторону полицейского участка, который находится прямо за библиотекой. Захожу во внутренний вестибюль и жду, пока автомобиль проедет, затем прохожу позади участка и направляюсь к черному ходу библиотеки.

Оказавшись внутри, я плачу за часовое использование компьютера. Я ищу в гугле те числа, которые обнаружил в сейфе, но ничего не нахожу.

Что Гектор сделал бы с цифрами? Наверное, это не номер телефона, этот набор начинается с двойных нулей. Я делаю вывод, что это либо какой-то код, либо пароль, либо номер счета.

Может быть, банковский счет. Но какой банк? Есть, наверное, тысячи банков. Как, черт возьми, я смогу выяснить какой из них? Или, может быть, это не банковский счет, и цифры ничего не значат. Черт!

Это бесполезно. Мой час закончился, и у меня все еще нет ни малейшего понятия, что означают эти числа. Я смотрю назад и вижу, что кто-то еще ждет, чтобы использовать компьютер. Черт. Мне нужно больше времени.

Домой я проникаю обратно через мое окно, замечая, как Рейес курит сигарету на заднем крыльце. Он без рубашки и стоит спиной ко мне. Ясно, как день, я вижу татуировку между его лопаток. Ф5.

Рейес является бандитом, выдавая себя за полицейского? Святое дерьмо. Он что, шпионит за мной, как все? Это все было спланировано? Чу сказал, что он наблюдал за мной все время, даже когда я был в штате Колорадо. Может быть гребаный Чу пудрит мне мозги?

Я так чертовски запутался, что чувствую, как моя голова вот-вот взорвется. Не желая, чтобы Рейес узнал, что я видел его, я крадусь в переднюю часть дома. Когда я прохожу через дверь, Питерсон сидит за кухонным столом, и смотрит на меня поверх очков.

— Разве вы не должны сейчас уже рожать? — спрашиваю я её.

Она прикасается к своему животу.

— Не сегодня. Я в декретном отпуске, так что вы отдохнете от меня в течение нескольких месяцев. Но не слишком сильно расстраивайтесь.

— Не буду.

— Вы чуть не пропустили репетиторство, — говорит она, поглядывая на часы.

Учитывая, что мои шансы на выживание в ближайшие недели невероятно малы, она не должна тратить на меня своё время.

— Послушайте, миссис Пи, я знаю, что мои братья принудили вас быть здесь, то это пустая трата вашего времени.

— Я не отвернусь от вас, — говорит она, похлопывая по стулу рядом с ней.

— А стоит.

— Я не отвернулась от Алекса, и я не сдамся с вами. Алекс имел кучу причин бросить все

это, но он так не поступил.

Алекс никогда не был связан с КЛ, как я.

— Покажите мне своё домашнее задание по математике, — командует она сугубо деловым тоном.

— Не хочу показаться неуважительным, миссис Пи, но я держу пари, что в математике я лучше, чем вы. — Должно быть мои братья нашли учебник и конспекты в моей комнате и «любезно» оставили их на столе. Я достаю лист с математикой, который я закончил в пять секунд.

— Мистер Гаспер дал мне новое задание. Я сделала его копию. Держу пари, что смогу справиться с ним раньше вас.

— На сколько спорим?

Она достает свой кошелек, открывает его, затем вытаскивает пяти долларовую купюру из верхней части. К одной стороне прикреплены чеки... с рядами чисел внизу. Первые два числа — это нули.

— Что это за цифры? — спрашиваю я её, указывая на нижнюю часть чека.

— Номер банковского кода и счёта. А что?

Я смотрю на свою ладонь с числами, записанными на ней, и адреналин начинает пульсировать в моих венах. Вот и все. Номер банковского кода и счёта.

— Да так. У меня никогда не было чеков, — говорю я ей.

У миссис Пи занимает десять минут, чтобы объяснить, как работают чеки, она даже достает один из своего бумажника и заставляет меня заполнить его.

— Поставьте свою подпись здесь, — говорит она, указывая на нижний правый угол. — Это жизненно важные навыки, которые вы должны знать, Луис.

— У меня есть другие жизненно важные навыки, — говорю я ей.

— Да, но я не считаю, что умение ругаться можно назвать жизненно важным навыком. Или драться.

— А я считаю, это необходимо.

Она качает головой и расстроено вздыхает.

— Я дам вам важную информацию о чеках.

Она пишет слово «НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНО» крупным жирным шрифтом на лицевой стороне чека, на котором она сказала мне практиковаться.

— Пусть это будет последний раз, когда вы пишете свое имя на чужом чеке. Если вы сделаете это опять, или подделаете чье-то имя на чеке, это будет являться уголовным преступлением. Вы попадете в тюрьму. Принимайте правильные решения, Луис. Сосредоточьтесь на математике, естественных науках и хорошей учебе в школе. Это поможет вам. А вот драки нет.

Она кладет задание Гаспера передо мной.

— Вы готовы принять вызов?

Я беру в руки карандаш.

— Давайте, миссис Пи. Но я должен предупредить вас, я — парень чисел.

— Хорошо, — говорит она, похлопывая меня по руке. — Эти навыки вам пригодятся в колледже и когда вы будете в космосе.

Я скорее закончу в аду, чем на небе или в космосе.

Глава 48

Никки

Я дала Дереку записку, чтобы тот передал её Луису. Он написал мне, что отдал ее. Теперь я жду. Если он не придет ко мне, тогда я приду к нему.

Я обдумывала, что надеть, и теперь сомневаюсь в правильности своего выбора. А вдруг он не помнит это платье, в котором я была той ночью, когда встретила его? Вдруг он не помнит тот номер, в котором мы были и впервые увидели друг друга?

Но ситуация не имеет значения. Имеет значение то, что Луис знает, что я люблю его и не сдамся, пытаюсь наладить наши отношения.

Я знаю, что он теперь в Кровавых Латино, но, если он понимает, что мы сильнее любых привязанностей, которые у него могут быть к банде, все будет хорошо. Я верю, что он действительно не хочет быть в КЛ и найдет способ выйти.

Я смотрю на свой мобильный телефон. Нет ни звонков от Луиса, ни сообщений, а уже девять часов. Я сказала ему в письме, чтобы он встретил меня здесь в девять. Каждая проходящая секунда заставляет меня нервничать, что он не появится, но я не теряю надежду.

Даже в девять пятнадцать, когда нет никаких признаков его, я все еще верю, что он придет. Я чувствую себя в фильме, где девушка стоит на насыпи питчера, ожидая, когда придет парень. Когда все надежды потеряны, герой бежит на поле, и они живут долго и счастливо.[52]

Луис — мой герой, даже если он ещё не знает об этом. Он узнает сегодня вечером... если появится.

Я в сотый раз проверяю мои часы. Девять тридцать.

Когда я позвонила в то место, где была свадьба Бриттани и Алекса, леди по телефону сказала мне, что я должна была позвонить в их управляющий офис, чтобы спросить о ежедневной арендной плате. К моему удивлению, к телефону подошел Хантер.

В итоге, оказалось, что его семья владеет этой собственностью, и он сказал мне, что дом будет незанятым в течение двух дней, так что я могу остановиться там бесплатно. Когда я сказала ему, что он может передумать о разрешении мне использовать дом, потому что я должна была быть там с другим парнем, все, что он сказал, было: — Счастливчик. Я надеюсь, что он того стоит.

— Так и есть, — сказала я ему.

В десять, я теряю надежду. Я беру ключ из моей сумки, готовая запирается, когда дверь открывается.

В дверном проеме стоит Луис.

— Эй,— говорит он.

— Эй.

— Дерек передал мне твою записку. Извини, что опоздал. Случилось маленькое несчастье с моей собакой.

— Что случилось с Гренни?

— Она вроде как заблудилась, но я нашел ее. Почему ты хотела, чтобы я пришел сюда?

— Тебя не было в школе. — Я делаю шаг ближе к нему. — Я скучала по тебе.

— Ты одета в то же платье, в котором ты была, когда мы встретились.

— Ты запомнил.

— Как я мог забыть. Я думал ты ангел, спустившийся с небес.

— Я все еще твой ангел, Луис.

— Мы не можем делать это. — Он осматривает комнату. — Ты оттолкнула меня той ночью у тебя дома... Ты была права.

— Нет. Мне было страшно, Луис. В ту секунду, когда я первый раз тебя увидела, я знала что ты опасен... потому что я чувствовала связь.

— Ту же самую, что ты чувствовала с Марко, — говорит он с грустью в голосе.

— Нет, чувства очень разные. Очень-очень разные. Ты гений на уроке химии, Луис. Объясни сейчас это напряжение в комнате. Это между нами... даже ты не можешь контролировать его.

— Это страсть.

— Я думаю, что это что-то еще. Следуй за мной, — говорю я, затем проскальзываю мимо него и направляюсь к танцполу.

— Ты была дерьмовым танцором тогда, — говорит он, глядя на меня. Из моих портативных динамиков iPod звучит музыка.

Я робко ему улыбаюсь.

— Я всё ещё дерьмово танцую.

— Я не тот, кто ты думаешь, и даже не тот, кто я думал. Я узнал, что мой отец — Гектор Мартинес, глава Кровавых Латино. Я пойду по его стопам.

Я в шоке, но все это имеет смысл.

— Почему по его стопам?

— Потому что я должен, Ник. Это мое наследие. Я родился Кровавым Латино, — говорит он. — И я им умру.

— Не сегодня вечером, нет. — Я беру его руки и обвиваю их вокруг себя, и мы движемся в такт музыке. Свои руки я кладу ему на плечи, а на заднем плане играет медленная песня о любви.

— Я люблю тебя, Луис... безоговорочно.

— Ник, не делай этого, — шепчет он.

Я прижимаю его к себе еще крепче.

— Я больше не сдерживаюсь. Луис, скажи, что ты тоже любишь меня.

— Я никогда не переставал любить тебя, *mi chava*. — Я слышу, как он выругивается себе под нос. — Но я не могу тянуть тебя вниз вместе со мной. Ничего между нами не может случиться, потому что, ты знаешь, мне придется оставить тебя.

Я беру его за руку и привожу на пляж, в одну из многочисленных заброшенных спасательных станций. Мерцающие свечи в стеклянных контейнерах окружают тесное пространство... Я зажгла эти свечи более часа назад.

Он стоит у стены, наблюдая за каждым моим движением.

— В прошлый раз, когда мы были наедине, я сдерживалась, — говорю я ему.

— Знаю. Ты мне не доверяла, что было умным ходом. Ты сказала что не любишь меня.

— Я солгала. — Я слегка провожу пальцами по бритой голове, и он закрывает глаза. — Ты выглядишь так твердо.

— Я не чувствую себя так уж твердо. — Он открывает глаза. Они сверкают с каждым мерцанием свечей, поражая этим. У него красивые, завораживающие глаза, которые пронизывают мою душу.

— Ты не должна любить меня. Я не заслуживаю этого.

Я держу его лицо в своих руках.

— Луис, я восхищаюсь тем, что ты знаешь, чего хочешь, и стремишься к этому, даже когда все шансы против тебя. Ты научил меня гордиться своим мексиканским наследием. Я в восторге от того, какой ты умный и что ты отталкиваешь меня, чтобы защититься от Кровавых Латино. Я думаю, что это восхитительно, когда ты смотришь на небо, и вместо того, чтобы любоваться им, ты исследуешь его. Я люблю тебя, потому что ты единственный человек, с которым я хочу заняться любовью безо всяких условий и... и я люблю то, что я нужна тебе.

— Ты мне нужна, Ник. Но я все еще не заслуживаю тебя.

Просто знать, что он здесь, со мной, достаточно. \

— Мы достойны друг друга, Луис... и ты мне нужен так же, как я нужна тебе. Обними меня. — Он подходит ближе, но колеблется. — Если я это сделаю, *mi chava*, я не обещаю, что смогу отпустить тебя.

— Хорошо.

Он обнимает меня, и я оборачиваю мои руки вокруг него. Здесь тихо, за исключением звука нашего дыхания и нежного плеска волн о берег. Мы стоим, обнявшись, и кажется, что проходит вечность. Так и должно быть.

— Хочешь, чтобы я перечислил все причины, почему я люблю тебя? — спрашивает он меня. — Я написал стихотворение для урока английского... я назвал тебя своей вечностью. — Его слова заставляют меня улыбнуться, и я говорю ему о том, что чувствую глубоко внутри.

— Все с нами будет хорошо.

— Все шансы против нас, Ник.

— С каких это пор плохие шансы останавливают тебя перед твоей целью? — спрашиваю я, затем поднимаю его рубашку и целую его торс. Я следую по линии волос от пупка вниз, пока не достигаю пояса его джинсов.

— Поцелуй меня, — говорит он, поднимая меня, и мы стоим лицом к лицу.

Мы начинаем медленно, но, как только он открывает рот и его язык сплетается с моим, это не работает. Наши тела плавают друг против друга, и я чувствую его твердость через джинсы.

Я не сдерживаюсь на этот раз. Я не смогла бы, даже если бы хотела... это слишком интенсивно.

— Твоя кожа такая чертовски мягкая, — говорит он, пока его руки проникают под платье, и он стягивает вниз мои трусики.

Я толкаю его к стене.

— Оставайся на месте. Не двигайся, — приказываю я, затем расстегиваю его штаны и спускаю вниз его боксеры.

— Ник... — стонет он, когда я прикасаюсь к нему повсюду, пока не понимаю, что он вот-вот потеряет контроль.

— М-м-м...

— Я сейчас... — он не может закончить своё предложение.

— Займись со мной любовью, Луис.

— Я хочу, детка, но у меня нет презерватива. Я не могу так рисковать тобой.

Я кладу палец на его красивые губы.

— Всё в порядке. Я сейчас на таблетках. И я чиста.

— Я тоже... Я имею в виду, ты знаешь, у меня нет никаких ЗППП, — говорит он.

— Тогда я готова, и на этот раз я не буду сдерживаться. Ты хочешь этого так же сильно, как и я?

— Больше, чем ты думаешь. — Он пинает в сторону свои штаны и боксеры, а затем покрывает пол нашей одеждой, прежде чем опустить меня на него. — Ты действительно уверена, что готова к этому? — спрашивает он, его лицо такое уязвимое и эмоциональное. Я киваю.

— Я люблю тебя, *mi chava*, — он шепчет мне на ухо, и мы движемся вместе, как одно целое. — Я всегда буду любить тебя, что бы ни случилось, хорошо? — Он убирает волосы с моего лица. Его интенсивный, душевный взгляд пронзает меня, мы отчаянно цепляемся друга за друга. Он замирает.

— Если я умру завтра, двигайся дальше. Обещай мне, что будешь двигаться дальше.

Слезы жгут мои глаза.

— Я не позволю тебе умереть, Луис.

— Пообещай мне, Ник. Ради меня. Ну, давай же, если ты любишь меня...

Он знает, что его жизнь находится в серьезной опасности. Я чувствую его напряжение, его боль... его печаль. Я стараюсь сдержать слезы, но они не останавливаются. Я хватаюсь за него, прижимая его к себе... любовь потоком льется между нами... эта связь навсегда, и она не

поддается объяснению.

Позже мы лежим вместе и наблюдаем за лунной дорожкой по волнам в ночи. Я не хочу спать, но я сворачиваюсь клубочком в его тепле, и мои веки тяжелеют.

— Ты можешь изменить свою судьбу, Луис, — говорю я перед тем, как засыпаю. — Если кто и может это сделать, так это ты.

Я просыпаюсь, когда солнце светит через деревянные щели крыши. Луис что-то пишет восковой свечой на стене рядом со мной. Это сердце с инициалами внутри: ЛФ + НК.

— Эй, — говорю я.

Он смотрит на меня и улыбается.

— Эй. Ты хорошо спала?

— Очень хорошо. Мне нравится спать в твоих объятиях.

— Твои родители знают что ты была со мной?

Я качаю головой.

— Нет.

Он тяжело вздыхает.

— Они не хотят, чтобы ты была с кем-то вроде меня. Ты знаешь, они правы. Я не невинен, Никки. И боюсь, что я слишком глубоко завяз в этом, чтобы уйти.

Он приседает рядом со мной и осторожно касается пальцами моей щеки.

— Боже, как бы я хотел, чтобы вчерашний вечер продолжался вечно. Но так не может быть.

— Ты говоришь так, будто это конец.

— Может быть и так... Это дело включает в себя много денег, и я нахожусь в середине всего его. Люди умирали за меньшие деньги.

— Я не позволю тебе умереть, — говорю я ему. Я найду способ, чтобы помочь ему.

— Хотел бы я, чтобы всё было так просто. — Он зажмуривается. — Мне нужно идти. Я не могу больше оставаться.

Я надеваю всю свою одежду и встаю.

— Я иду с тобой. Мы пройдем через это вместе.

Он улыбается.

— Я не позволю тебе. Ты знаешь, что я не подвергну тебя опасности. Я не могу вызвать полицию, я не могу сказать моим братьям... Я сам по себе здесь.

Слезы текут по моему лицу, когда я дотягиваюсь до него и целую его щеки, веки, теплые губы.

— У меня есть абсолютная вера в тебя, и я люблю тебя, несмотря ни на что. Помни это, хорошо?

Он кивает.

— Ты заставляешь меня верить в невозможное.

Мы обнимаемся в течение долгого времени, пока он не говорит мне, что ему нужно уходить. Когда я смотрю, как он уходит, я знаю, что мне нужно сделать. Он, возможно, не думает, что я могу ему помочь, но мне нужно попробовать.

Я еду к Марко, надеясь, что еще достаточно рано и он дома.

Он открывает дверь и удивляется, увидев меня.

— Чего ты хочешь?

— Я хочу, чтобы ты помог Луису.

— Чу приказал всем убраться со склада, в то время как он встречается с Луисом. Это обычно означает, что ему не нужны свидетели. Я ничего не могу сделать, чтобы изменить это.

Я хватаю его за рубашку, когда он уже собирается захлопнуть передо мной дверь.

— Ты не можешь просто сидеть, сложа руки, и позволить чему-то плохому случиться с

Луисом.

Он вырывается из моей хватки.

— Это не в моей власти, Ник.

— То есть, ты не будешь помогать ему?

— Я ценю свою жизнь, Ник. Если я пойду против Чу — я покойник. Я играю за обе стороны и просто жду, когда одна из них пойдет ко дну. Если Ф5, в итоге, устоят, я буду с ними. Если Чу будет на вершине, я с КЛ.

Я даю ему пощёчину.

— Ты всего лишь трус. Как ты можешь оставаться в стороне, зная, что жизнь твоего друга в опасности?

— Легко. Я забочусь о номере один, детка. О себе.

Глава 49

Луис

Грэнни потерялась прошлой ночью. Я опоздал на встречу с Никки, потому что был у Дерека дома. После того, как он отдал мне письмо Никки, я спросил у него, можно ли мне воспользоваться интернетом у него дома. Это было хорошей мыслью — мои братья не будут задавать мне вопросов.

Примерно через сорок пять минут у меня есть ответы, которые я искал. Цифры, что я написал на своей руке и запомнил, были кодом банка и номером счета.

Банк, в котором Гектор спрятал свои деньги, находится на Каймановых островах. Но, набрав пароль КОДЕКСМОЛЧАНИЯ, от суммы, появившейся на экране, я чуть не упал со стула.

Шесть миллионов триста тысяч. Долларов.

Я обновлял страницу кучу раз, чтобы убедиться, что это правда. А потом посмотрел на название счета, просто чтобы убедиться, что я читаю правильно. Луис Сальваторе Мартинес Фуэнтес.

Отдам я деньги Чу или откажусь сделать это, в любом случае, моя жизнь под угрозой.

После того, как я ушёл из дома Дерека, я пошел к Никки. У меня не было никакого намерения заниматься любовью с ней прошлой ночью. Я пошел к ней в надежде убедить ее, что я отшил её навсегда. Я хотел вести себя, как мерзавец, чтобы сделать всё проще для нее, чтобы она двигалась дальше и забыла обо мне.

Я собирался сказать ей, что я с Марианой, но ложь не смогла слететь с губ.

Потому что я люблю эту девчонку.

Сегодня утром я хотел попросить ее бежать вместе со мной и никогда не оглядываться назад. Но я не могу. Я должен оставить Никки. Её мама думает, что я не достаточно хорош. Я не хочу доказывать, что она права.

Я направляюсь в склад КЛ, готовый встретиться с Чу. Я не могу быть парнем, заслуживающим Никки, но я чертовски уверен, что я не тот парень, которым Чу хочет меня видеть... Я не Гектор и никогда им не буду.

Я Луис Фуэнтес. Никки была полна веры в меня, веры в то, что я могу это исправить.

Я по-прежнему настроен скептически, но, думаю, мои шансы будут лучше, если я доверюсь одному человеку, который может оказаться врагом. Я вытаскиваю свой сотовый и набираю номер офицера Рейеса.

— Это Рейес, — отвечает он.

Я делаю глубокий вдох.

— Это Луис Фуэнтес. Я знаю, что ты хочешь арестовать Чу Сото, и я могу помочь тебе. Прежде чем сделать это, мне нужно знать: ты хочешь уничтожить его потому, что ты коп, или потому, что ты из Фремонт 5?

— О чем, черт возьми, ты говоришь? — спрашивает он. Напряженность в его голосе зашкаливает.

— Рейес, я знаю, mi'amá доверяет тебе. Но я видел твои татуировки Ф5 и должен знать, что ты играешь за нас. Коп — твоё прикрытие, чтобы ты мог снабжать внутренней информацией свою команду?

— Луис, я ничего не скрываю ни от кого. Я имел неосторожность быть Ф5 в прошлом, в старшей школе. Я был чертовски глубоко. — Он делает паузу и голос его наполняется гневом.

— Пока мой лучший друг не был необдуманно убит в грязном переулке в городе во время наркосделки, которая прошла плохо. Его жизнь стоит гораздо больше, чем зарплаты в банде. В тот день я пообещал себе, что найду выход... и когда я это сделал, я стал полицейским, чтобы я мог остановить других детей от тех же ошибок, что совершали мы с друзьями. Я пытался поймать Сото, но он знает, как заметать следы. Приходи в участок, и ты можешь сказать мне, что ты знаешь.

Я не могу быть уверен, что он говорит мне правду, но что-то внутри подсказывает мне доверять парню. Его история попадает близко к дому.

— Я не могу прийти в участок, потому что это происходит прямо сейчас, — говорю я ему. — Просто запиши разговор, который сейчас услышишь, и получишь достаточно грязи, чтобы упрятать его далеко и на долгое время.

— Не делай глупостей, — начинает говорить Рейес, но я выключаю звук и засовываю телефон в задний карман.

У меня полная сумка денег. Никто не охраняет двери склада, когда я вхожу.

— Вовремя ты появился, — говорит Чу. — Я ждал тебя. Тебе удалось избежать моих парней прошлой ночью. Где ты был?

— Если бы я думал, что это твоё дело, я бы не кинул их. — Последнее, что я хочу сделать, это позволить Чу или Марко узнать, что я был с Никки. Кровавые и Никки — две отдельные части моей жизни, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы сохранить это таким образом.

— У тебя умная задница, — говорит Чу. — Но ты не доказал, что тебе можно доверять. — Он кивает на мою сумку. — Или это не так?

Я кидаю сумку ему. Как только он расстегивает ее и начинает рыться внутри, мои братья врываются в комнату, как команда омоновцев.

Алекс и Карлос здесь и готовы к бою. Не очень хорошая идея. У меня все спланировано и их присутствие все портит. Если меня поймают, или пули полетят, мне не нужно, чтобы мои братья были здесь.

— Так-так... Воссоединение семьи Фуэнтес, — говорит Чу. — Хорошо, что вы присоединились к нам.

Нет, совсем не хорошо. Что, черт возьми, происходит? Как они узнали, что я буду здесь, если не Рейес прислал их? Я обращаюсь к моим братьям и говорю:

— Алекс, выметайся отсюда... и Карлоса возьми с собой. Мне не нужны вы здесь.

Карлос хромает через комнату, пока он не останавливается рядом со мной.

— Что, ты думаешь, мы бы позволили тебе встретиться с Чу в одиночку? Ни в коем случае.

— Дерьмо. — Все идет не так, как должно.

Чу достает пистолет и направляет его на Алекса.

— Может быть, это судьба, — равнодушно говорит он. — Мой счастливый день. Я убью всю семью Фуэнтес.

— Ты забыл, что у меня есть миллионы, которые я могу предать копам или отдать тебе, — говорю я ему.

— Я знаю, — говорит Чу. — Вот почему я убью тебя последним, в то время как ты будешь

смотреть, как умирают твои братья. Или ты можешь спасти себя и дать мне информацию, которая мне нужна. Я Бог в Фэйрфилде.

Не веришь мне, тогда спроси своего двоюродного брата Энрике... Ох, да, ты не сможешь. Я замочил его этим утром, после того как он не сказал мне, где ты был. Преданность, Луис. Ты не предан — ты умрешь. И точка. Преданность КЛ превосходит преданность семье.

Нет. Не Энрике. Мой желудок сжимается.

Свободной рукой Чу протягивает фотографию на его мобильном телефоне... Энрике лежит на полу своей мастерской с кровавой лужей вокруг его головы.

— Энрике не знал, где я был, — кричу я, — Он был самым преданным Кровавым, который только мог быть, ты *pendejo*[53].

Алекс достает пистолет и направляет его на Чу.

— Опустит пистолет, или я убью тебя.

Чу смеётся.

— Ты не сделаешь этого, Алекс. В тебе нет этого. Кроме того, у меня есть *chica*[54] по имени Никки, которая просит сохранить ей жизнь прямо сейчас.

Что? Я чувствую, как будто он просто ударил меня в живот и выбил из меня воздух. Он мог бы ударить меня ножом, и это бы не было настолько больно.

— Если ты причинил Никки боль, я клянусь, я убью тебя собственными руками, — рычу я.

Чу пожимает плечами.

— Опустит пистолет, Алекс, или с подружкой Луиса случится трагический несчастный случай. Если я не позвоню своим парням и не скажу им, что я получил деньги, она окажется в реке Дес-Плейнс... привязанной к большому камню, который донесет ее до дна.

Алекс медленно кладет оружие на пол и пинает его к нему.

Чу смотрит на Карлоса.

— Ты тоже можешь отдать мне свой.

Очень обозленный Карлос достаёт пистолет из-под рубашки и бросает его на стол Чу.

— А как насчет твоего? — спрашивает меня Чу. — Тот, который я дал тебе.

— Я оставил его дома, — говорю я ему.

— Докажи. Подними свою рубашку и медленно повернись. — Когда я это делаю, он продолжает: — Пришло время, отдать мне номер счета.

— Отпусти моих братьев, — говорю я ему. — Это только между тобой и мной.

— Нет, — говорит Чу. — Это между мной и всеми вами. Вы в этом вместе, насколько я могу судить.

Этого не произойдёт. Несмотря на все, чем я рискнул, держа их в безопасности, мне удалось поставить под угрозу жизнь моих братьев и Никки.

— Если я дам тебе цифры, ты должен пообещать, что мои братья и Никки уйдут.

— Я блефовал про Ники, — смеётся Чу. — Думаю, я должен больше играть в покер, правда? Первый урок в бою — узнать слабости своих врагов. Никки — твоя слабость, Луис. Ты не должен был говорить правду Марко о том, сколько значит для тебя эта девка. Я дам тебе подсказку... он на самом деле не твой друг. Он был рядом с тобой, потому что я сказал ему.

— Я знаю твою слабость, — говорю я ему.

— И что это?

— Деньги. Ты хочешь их, а они у меня. Сделаешь что-нибудь моим братьям, и ты никогда не получишь ни цента.

Чу поднимает пистолет и направляет его на Алекса.

— Ты блефуешь.

Я задерживаю дыхание, когда Алекс хватает меня за руку, останавливая меня и Карлоса от

прыжка перед ним. Он знает, что мы сделаем это — мы поймаем пулю и умрём за него.

Алекс выпрямляется, глядя прямо в дуло пистолета Чу.

Раздается выстрел. Дерьмо. Нет!

Но погодите, Алекс все еще стоит. Даже он выглядит удивленным, когда смотрит на Чу с красным пятном на рубашке, которое расплывается все больше и больше. В Чу выстрелили, и он, схватившись за плечо, растягивается на полу.

Я смотрю на Карлоса, может, у него был еще один пистолет спрятанный в штанах. Но он просто ошеломлено смотрит на Чу. У него не было пистолета в руке.

Я смотрю за спину. Стрелок стоит в дверях, с дымящимся пистолетом в трясущихся руках.

Никки.

Она роняет пистолет и часто дышит, когда я притягиваю её в свои объятия.

— Я не могла позволить ему причинить тебе боль... Я должна была... — плачет она.

— Он ещё жив, — говорит Алекс, выбивая пистолет из руки Чу.

Я слышу полицейские сирены и притягиваю Никки ближе, говорю ей, что все будет в порядке, хотя я дрожу так же сильно, как и она.

Внутри врывается Рейес с пушкой наготове. Парень покрыт потом и вздыхает с облегчением, когда осматривает место происшествия. Несколько других офицеров окружает Чу и вызывает скорую помощь.

— Черт, Луис. О чем, на хрен, ты думал? — кричит Рейес после того, как Чу задержали и унесли на носилках.

— Вы все могли погибнуть, — он разозленно указывает на Алекса. — Я сказал вам, чтобы вы дали мне адрес этого места, и оставались дома. Какого черта ты здесь делаешь? — Алекс пожимает плечами.

— Послушай, Рейес, как только мы поняли что происходит, то просто не могли позволить брату встретиться с Чу в одиночку.

— Он наша кровь, — говорит Карлос, похлопывая меня по спине. — И важен для нас.

— Мы должны выяснить, в порядке ли Энрике, — говорю я. — Что если он...

— Я уже направил патрульную машину, чтобы проверить автомастерскую Энрике, — говорит Рейес. Он колеблется. — И новости неутешительные.

Я зажмуриваюсь, задаваясь вопросом, когда же прекратится все это насилие. Иногда мне кажется, что Бен прав и что мир фантазий лучше, потому что реальность — отстой... но затем я смотрю на Никки и верю, что вместе мы сможем справиться со всеми трудностями.

Рейес направляет нас всех в полицейский участок для дачи показаний, а затем родители забирают нас, после того как окружной прокурор прослушал записанный телефонный разговор. Обвинения нам не предъявили, а деньги в сумке и оффшорный счет были переданы полиции.

Никки объяснила, что пистолет был Марко... Когда они были вместе, он показал ей место у железной дороги, где КЛ прятали оружие.

Марко сказал Никки, что был там, когда Энрике умер и он знал, что Чу планировал на складе. Его привели в участок и предъявили обвинения, как соучастнику убийства.

— Тебя трясёт, — говорю я, когда обнимаю Никки две недели спустя. Мы сидим на диване в её гостиной, а ее мать периодически проверяет нас.

Она не особо рада, что мы до сих пор вместе, но она медленно привыкает к этой идее. Бен сказал нам, что мы вдохновили его на новую игру, над которой он работает... с нами в качестве главных героев.

— Я так рада, что ты здесь, — говорит Никки, оборачивая свои руки вокруг меня и крепко сжимая. — Есть кое-что, о чем я тебе не сказала. — Она смотрит на меня своими выразительными шоколадными глазами, которые словно окна в ее латинскую душу. — Я подала

документы в университет Пердью неделю назад.

— Правда? — спрашиваю я, улыбаясь, как будто в первые, после того, как оставил ее тогда на пляже.

— Да. Кто еще, кроме меня, будет держать тебя в стороне от неприятностей?

Эта девушка — мой ангел. В первую же секунду, как я увидел ее, помню, я подумал, что Бог послал ее на землю специально для меня. Она верила в меня, когда даже я не верил в себя.

— Ник, я люблю тебя.

— Я знаю, — отвечает она, касаясь пальцами того места, где бьется сердце. — Я чувствую это здесь. Мне не нужны слова того, что ты уже доказал. Я бы пережила все это снова, ты знаешь. Хорошее и плохое... все это стоило того.

— Я бы тоже сделал это снова... но если это когда-нибудь случится, воздержись от удара коленом по моим яйцам. Я уверен, что наши будущие дети это оценят.

Она отстраняется от меня и ее брови ползут в верх.

— Наши будущие дети? Луис, не торопи события.

— Почему нет? — спрашиваю я ее. — Мысль о том, что ты выйдешь за меня замуж, разве не пробуждает в тебе волну адреналина?

— Да, — говорит она, целуя меня. — Да, это так. Однажды ты сказал мне, что я заставила тебя поверить в невозможное. Ты заставил меня поверить в любовь, от которой я отказывалась. Спасибо тебе за то, что доказал, что это не просто сказка.

Глава 50

Никки

Семь месяцев после стрельбы.

Три недели до того, как мы выпустимся.

Я смотрю на Луиса через наш стол на химии. Дерек что-то говорит ему, но он не слушает. Я знаю это потому, что он только что одарил меня комбинацией подмигивание-улыбка, которая напомнила мне о нашей первой встрече. Я и тогда уже знала, что этот парень был самоуверенным.

Чего я не знала, так это то, что я влюблюсь в него.

— Никки, вы меня слушаете? — говорит миссис Питерсон, а теперь еще и мама маленькой девочки, махая рукой перед моим лицом.

— Что?

Луис смеется.

— Что тут смешного, мистер Фуэнтес? Мы работаем с кислотой. Будьте внимательны, это крайне важно. Пожалуйста, разбирайтесь с вашими отношениями вне моего класса.

— Простите, миссис Пи, — бормочет Луис, сосредотачиваясь на задаче.

Мы с Марианой берем пробирку и следуем инструкциям.

— Я не могу поверить, что вы все еще вместе, — ворчит она. — Это не продлится долго, ты же знаешь.

— Я бы не стала ставить против нас, если бы была на твоём месте, — говорю я ей, беру пипетку и капаю небольшую каплю кислоты на лист бумаги, наблюдая, что произойдет.

Чувствуя на себе взгляд Луиса, я поднимаю глаза. Он соблазнительно облизывает свои губы. Я бы закатила глаза, но вместо этого решаю подмигнуть ему, улыбнуться в ответ и облизать свои губы, чтоб вывести его из равновесия.

— Чувак! — кричит Дерек. — Ты пролил кислоту на свою руку!

Мои глаза расширяются, когда Луис глубоко вдыхает воздух, сыпля проклятия на испанском языке, и бросается в аварийный душ в задней части класса. Я в панике бегу за ним.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

Он смывает кислоту под душем.

— Chica[55], ты отвлекла меня.

— Извини. Я не хотела.

Он слабо улыбается.

— Да, ты хотела. Со мной все будет в порядке.

Я вздыхаю с облегчением.

— Никогда бы себе не простила, если бы у тебя остался шрам.

Миссис Питерсон появляется рядом со мной.

— Мне нужно вызвать скорую помощь? — спрашивает она, рассматривая его руку, где формируется красная отечность, в месте, где кислота коснулась его кожи.

— Нет, — говорит Луис. — Я в порядке. Это была всего лишь капля.

— Я отстраняю вас от эксперимента и вместо этого задаю написать доклад на двадцать пять страниц по кислотам.

Она указывает на меня.

— Вас тоже, юная леди. И вам придется пересесть, чтобы не смотреть друг на друга. Когда вы двое прекратите нарываться на неприятности? Надеюсь, что скоро. Хорошо, что у меня уже есть ребенок, а то вы могли бы напугать меня так сильно, что я родила бы на месте.

Она выходит из комнаты.

— Иди сюда, — говорит Луис, жестом приглашая меня присоединиться к нему под струю воды из душа.

Я делаю шаг под душ и в считанные секунды становлюсь мокрой, как он.

— Что, если миссис Пи вернется сюда и поймает нас? — спрашиваю я, когда он наклоняет голову, чтобы поцеловать меня. — Ты же в курсе её политики нулевой терпимости. Знаешь, это также в списке правил школы.

Он целует меня, пока струи воды стекают по нам.

— У меня есть кое-какие познания о ее «нулевой терпимости», — говорит он мне в губы.

— Какие? — шепчу я, слыша звонок об окончании урока.

— Она блефует, — говорит он. — Она хочет, чтобы мы все выпустились.

Я собираюсь спросить, откуда он это знает, когда миссис Питерсон появляется в дверном проеме.

— Вы что, все еще здесь? — спрашивает она, закатывая глаза при виде нас. Затем выгибает бровь. — Вы серьезно испытываете моё терпение. Луис, высушитесь полотенцем на стойке и идите в кабинет медсестры, чтобы проверили вашу руку. Никки... — вздыхает она. — Что вы здесь делаете с ним?

— Это действительно хороший вопрос, — говорю я.

— Она помогает мне, — говорит Луис.

— С чем? — нетерпеливо спрашивает миссис Питерсон, а после вскидывает руку. — Хотя, нет, не отвечайте. — Она указывает пальцем на Луиса. — От вас, мальчики Фуэнтес, ничего, кроме неприятностей. Если же у вас и ваших братьев будет много детей, убедитесь, чтобы они пошли в другую школу.

— Фэйрфилд — наш домом, — говорит ей Луис с дерзкой усмешкой. — И лучшее место, чтобы растить детей. Я не удивлюсь, если все наши дети пойдут в Фэйрфилд Хай. Признайте это, миссис Пи, вы знаете, что хотели бы этого.

— Да, но... — Миссис Питерсон смотрит вверх на потолок и складывает ладони так, будто она молится.

— Не стоит переживать об этом сейчас, — перебивает ее Луис. — У вас есть еще 16 лет, прежде чем мой племянник Пако окажется в вашем классе.

— Какова вероятность того, что он будет заинтересован моей химией больше, чем девочками? — отзывается она.

— Близка к нулю, — отвечает Луис, обнимая меня. — Он все же Фуэнтес.

Эпилог

26 Лет спустя

Луис и Никки не были готовы к тому, что их семейный доктор огорошит их новостью о том, что Никки беременна тройней. Они были ещё больше шокированы, когда узнали, что у них будет три мальчика.

Последние восемнадцать лет у них была насыщенная жизнь, с тремя детьми, существенно отличающимися друг от друга.

Их сын Энрике настолько повернут на игре на скрипке и желании быть самым молодым членом Чикагского симфонического оркестра, что у него нет времени попадать в неприятности.

Потом идёт Хуан, который очень похож на его дядю Бена. Хуан — геймер и заядлый читатель, который предпочитает жить не в своих приключениях, а в фантастических мирах, созданных игровыми дизайнерами.

Самая большая проблема Луиса и Никки сейчас — это Луис младший, или просто Младший, как все его называют. Он обожает соревноваться и очень вспыльчивый, чем напоминает Луису Карлоса. Когда он заходит в комнату, все головы поворачиваются, этим он напоминает Луису Алекса. К сожалению, Младший еще и слишком умный и дерзкий для своего блага, чем напоминает Луису самого себя в восемнадцать лет.

Младший — отличный спортсмен. В возрасте пяти лет он попросил у своих родителей хоккейные коньки после того, как просмотрел, как Чикаго Блэкхокс выиграла Кубок Стэнли.

В десять лет он стал вратарем, путешествуя с хоккейной командой ААА. Теперь он в выпускном классе старшей школы. Сборная Младшего сделала все для того, чтобы оказаться на государственных чемпионатах.

В день финальной игры за звание чемпиона Младший нервничает больше, чем когда его отец провел четыре месяца на Международной космической станции два года назад. Младший очень сильно хочет выиграть эту игру. Он знает, что на ней будут присутствовать представители из колледжа, и он отчаянно надеется играть в хоккейной команде колледжа и, в конечном счете, в НХЛ.

Младший пришел на каток сегодня пораньше, чтобы начать тренироваться до того, как другие игроки выйдут на лед. Он сидит на скамейке в раздевалке, снимая с себя уличную одежду.

Это будет самой большой игрой в его хоккейной карьере. Он это знает, и его семья это знает. Все его дяди и двоюродные братья и сестры придут на игру... даже дядя Карлос и тетя Киара прилетели вместе с его двоюродными братом и сестрой из Колорадо, чтобы присутствовать на игре.

Это будет адский вечер и закончиться он либо поздравлениями его задницы с победой, либо депрессией, похожей на ад.

Младший лезет в свою хоккейную сумку, чтобы вытащить обмундирование, в то время как в раздевалку без стука заваливается девчонка.

Если бы Младший был застенчивым или закомплексованным, он, наверняка, вытащил бы свой джемпер и прикрыл свои брифы.

Но он не такой.

У симпатичной *mamacita*[56], стоящей в дверном проеме, длинные прямые волосы, падающие на лицо, и пухлые, надутые губки, как у кинозвезды.

Он держит пари, что она — поклонница знаменитого вратаря Гигантов, Дэйла Якоби, который постоянно хвастался о числе девчонок, с которыми он встречался и с которыми

перепихивался в раздевалках различных катков по всей стране.

Младший играл в одной команде с Якоби, когда они были детьми. Сейчас они противники из конкурирующих средних школ, которые будут играть друг против друга в чемпионате штата.

Якоби недавно был в новостях, потому что он был завербован Олимпийским хоккейным тренером для того, чтобы попробоваться на место в американской Олимпийской хоккейной команде. Младший не был завистником. По крайней мере, это то, что он сказал себе, когда услышал новости.

Очевидно, что бимбо, стоящая в дверном проеме, думает, что это либо раздевалка для девушек, либо место встреч Якоби для перепихона перед игрой.

— Раздевалка только для игроков, — раздражённо говорит Младший.

— Понятное дело, — говорит она высокомерно, проходя дальше в комнату. Младший поднимает голову и видит, что она несет хоккейную сумку, а вратарский щиток перекинут через её плечо.

— Якоби не может носить собственное обмундирование? — спрашивает ее Младший.

Девушка кладет сумку и щиток в центре комнаты, прямо перед им.

— Я уверена, что он смог бы, не сломай он ногу на вечеринке прошлой ночью.

Что? Якоби сломал ногу? Мелкий не слышал ни слова об этом. Он почти ничего не знал о запасном вратаре Гигантов, против которого он никогда не играл.

— И кто будет играть вместо него?

Девушка расстёгивает сумку и достаёт защиту для шеи и груди.

— Ты смотришь на неё.

Младший не может сдержать смех, который вылетает из его рта.

— Ты девчонка.

Она быстро смотрит на выпуклость на его брифах.

— А ты мальчишка. Теперь, когда мы выяснили это, чтобы ты знал, я бы использовала женскую раздевалку, но у них тут нет такой. А другие раздевалки будут очищаться следующие полчаса... Я предполагаю, что там было соревнование, кто дальше пописает, когда Младшая лига играла сегодня утром. Они сказали мне переодеться здесь. Так что просто держи свои глаза при себе.

Младший потрясенно смотрит на нее.

— Разве у Гигантов запасного вратаря зовут не Фрэнки Ейтс?

— Ты никогда не слышал о женщинах-хоккеистках? — спрашивает она у него, явно раздраженная. — Или ты жил в пещере всю жизнь? Мое имя Франческа Ейтс... сокращенно Фрэнки.

— Я не жил в пещере, chica[57], — говорит ей младший. — Я создан для девушек-хоккеисток, особенно для таких горячих, как ты.

Её лицо морщится, как будто тут пахнет чем-то очень плохим.

— Ты... клеишь меня?

Она подходит к нему, становясь лицом к лицу. Она не такая высокая или крепкая, как он, но она однозначно стоит прямо и уверенно. Ему нравится уверенность в девушках, но эту нужно поставить на место.

Часть игры в хоккей — это подорвать уверенность твоих противников до игры и наговорить чуши во время игры. То, что Фрэнки Ейтс девушка, не означает, что она освобождена от обращения, которое получил бы от него Якоби.

Он просто подорвет её уверенность по-другому, потому что она девушка.

— Что скажешь, если мы сходим куда-нибудь после игры? — говорит ей Младший, когда протягивает руку и заправляет за ухо прядь ее волос. Он знает, что действует на ее так же, как он

влияет на множество девушек... Он видит это по тому, как она задерживает дыхание, когда его пальцы случайно задевают ее щеку.

— Знаешь, я могу утешить тебя, когда ты проиграешь.

Прежде, чем он успеваешь моргнуть, девчонка бьет его. Её кулак попадает точно в губу, наверное, у нее есть братья, которые показали ей, как драться.

— Какого чёрта... — говорит он, проводя по его треснувшей губе тыльной стороной ладони и видя кровь.

Она отступает и пожимает плечами.

— Не связывайся со мной, Фуэнтес. И если ты думаешь, у тебя будет легкая победа впереди, то подумай еще раз. Я видела, как ты играешь, и я не впечатлена.

— Ну, я никогда не видел, как ты играешь, так что ты, очевидно, не привыкла к игре с большими мальчиками.

Она издевательски смеётся.

— Я переводная студентка из Миннесоты, Фуэнтес. Миннесота. Ты знаешь, что это маленький штат, который порождает игроков для НХЛ. Хоккей у нас в крови. Я играла с девушками, которые могут кататься лучше тебя, так что это тебя нужно будет утешать сегодня вечером. Я просто полагаю, что удар от девушки раздавит твоё раздутое самомнение.

— Посмотрим, — говорит Младший, потом берет свою одежду и выходит. Кто она, на хрен, такая? Он никогда не видел ее игры, так на сколько она может быть хороша?

Отец Младшего и его дяди стоят снаружи у входа в раздевалку, ожидая его.

— Что случилось с твоей губой? — спрашивает его дядя Алекс. — Она кровоточит.

Дядя Карлос смеется.

— Я думал, что хоккеисты воюют на льду, а не за пределами него.

До того, как Младший успеваешь ответить, Ейтс выходит из раздевалки, полностью одетая.

— Удачи, Младший. Тебе она пригодиться, — говорит она, хлопая по его мягкой подкладке на заднице, своей вратарской клюшкой и проходит мимо.

Младший указывает на нее.

— Можете ли вы поверить, что придется играть против этой сучки?

— Что ты ей сделал? — спрашивает его отец, разглядывая его кровавую губу.

— Ничего. — Когда его отец явно не верит ему, Младший добавляет: — Хорошо, я полагаю, что говорил полную чушь... и, может быть, коснулся её волос.

— Я предполагаю, она преподавала тебе урок, верно? — спрашивает его отец.

Урок. Последнее, что Младший хочет, — это чтобы ему преподавала урок вратарь из его конкурирующей команды. Младший смотрит на её длинный светлый хвостик болтающейся туда-сюда по спине напротив имени Ейтс на задней части её майки, пока она важной походкой идет вниз по коридору на лед.

Он никогда не думал, что можно идти важной походкой в хоккейном обмундировании и на коньках, но Ейтс чертовски уверенно делает это... и делает хорошо.

Луис и его братья смеются, обмениваясь понимающими взглядами.

Луис встретил Никки, когда ему было пятнадцать лет, влюбился в нее, когда ему было восемнадцать, и женился на ней, когда ему было двадцать три.

Когда они впервые встретились, она дала ему по яйцам. Его сын с распухшей губой пожирает глазами девушку. Его интенсивная реакция на девушку, является подсказкой, что что-то назревает глубоко внутри, что-то, о чем сын еще не догадывается.

Страстные, серьезные отношения распространены в их семье, и старшие Фуэнтесы знают это.

Как только младший выходит на лед, Алекс хлопывает Луиса по плечу.

— Ты знаешь, что должно произойти, правда?

Луис кивает.

— Посмотри на светлую сторону, — говорит Карлос. — У нее чертовски хороший удар правой. С ней в команде, ваша семья обязательно выиграет ежегодный турнир панталонных боев.

Три брата Фуэнтес сидят на трибуне, гордые отцы и мужья, которые посвятили свои жизни своим семьям.

Они не имеют понятия, что их мать, сидя рядом с их отчимом, Цезарем, плачет каждый раз, когда ее мальчики и их семьи собираются вместе. Когда-то давно она потеряла надежду на то, что ее сыновья будут жить долго и счастливо. Их проблемное, болезненное прошлое позади уже долгое время... и будущее семьи Фуэнтес выглядит ярче, чем когда-либо.

[1] Бог мой (исп.)

[2] Ты ни грамма по-испански не говоришь. (исп.)

[3] Нервничаешь? (исп.)

[4] Я в порядке. (исп.)

[5] Я пытаюсь. (исп.)

[6] Не могу остановиться. (исп.)

[7] Сын (исп.)

[8] Понимаешь? (исп.)

[9] Замолкни. (исп.)

[10] Привет, меня зовут Луис. Можно с тобой познакомиться? (исп.)

[11] Свадьба скоро начнется. (исп.)

[12] Привет, сердце мое. (исп.)

[13] Верно (исп.)

[14] Какова ее история? (исп.)

[15] Оставь его и передвинься. (исп.)

[16] Понял? (исп.)

[17] придурок, идиот (исп.)

[18] Шлюшка (исп.)

[19] Придурок (исп.)

[20] Понимаешь, друг (исп.)

[21] Да (исп.)

[22] Хорошо (исп.)

[23] Господа (исп.)

[24] Я в порядке (исп.)

[25] Придурком (исп.)

[26] Куколка моя (исп.)

[27] Друг (исп.)

[28] Придурков (исп.)

[29] Закон (исп.)

[30] Засранец (исп.)

[31] Дядя (исп.)

[32] Засранец (исп.)

[33] Исп. - ты красавчик

[34] Исп. - парень, чувак, друг (Мекс.)

[35] Исп. - Приятно познакомиться, я Энрике, двоюродный брат Луиса.

[36] Исп. - да

- [37]Исп. - моя девушка
- [38] Придурки (исп.)
- [39] Бабушка (исп.)
- [40] Все, что я хочу, это заняться с тобой любовью, жизнь моя. (исп.)
- [41] Девушкой (исп.)
- [42] Придурок (исп.)
- [43] Друг (исп.)
- [44]Исп. - твой отец
- [45] Понял (исп.)
- [46] мое удовольствие, с удовольствием (исп.)
- [47] мои парни (исп.)
- [48]Исп. - мелкое дерьмо
- [49] Придурок (исп.)
- [50] Поздравляю (исп.)
- [51] блюдо мексиканкой кухни, похожее на гуляш (исп.)
- [52] Фильм Дрю Берримор «Нецелованная»
- [53] Мразь (исп.)
- [54] Девушка (исп.)
- [55] Девочка (исп.)
- [56] Милашка (исп.)
- [57]Исп. - девочка